

2021
Том 12. № 3
2021. Vol. 12. No. 3
DOI: 10.19181/vis.2021.38.3

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Человек и общество
в глобальном постмодерне:
социокультурные
метаморфозы**

/Цивилизационная гетерогенность
России

/«Новая этика» пост-протестантов

/Жизненные позиции молодёжи

/Бюджет времени студентов

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 3'2021

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2021. Том 12. № 3

DOI: 10.19181/vis.2021.38.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2021

© Vestnik instituta sotziologii, 2021

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, Начальник управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Отдела анализа социокультурных оснований политических процессов Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университета им. Гедиминаса (Вильнюс, Литва)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Алтайский филиал РАНХиГС (Барнаул, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Йонъин, Южная Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Analysis of Sociocultural Foundations of Political processes of the Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International Affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Yongin-si, South Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Tomas KAČERAUSKAS, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

Markku KIVINEN, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Tomas KOSTELECKY, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

Oleg M. MIKHAIENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Altai branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Head of the Center of Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

О выпуске	8
Тема номера:	
Человек и общество в глобальном постмодерне: социокультурные метаморфозы.....	14
<i>Данилов А. Н.</i> Развитие современного социума: место культуры в выборе будущего.....	14
<i>Беляева Л. А.</i> Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития.....	27
<i>Руткевич Е. Д.</i> (Не)религиозное разнообразие и соотношение религиозного, духовного и светского в сознании современного человека	54
<i>Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С., Сорокин О. В.</i> Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования	79
Социальная адаптация в экономике и образовании: русская специфика	99
<i>Шуклина Е. А.</i> Самооценка образовательной успешности как институциональный феномен: социологический анализ эффективности и внутрисистемных противоречий	99
<i>Большакова О. А., Караханова Т. М.</i> Бюджет времени студенческой молодёжи и её адаптация к учебной деятельности.....	120
<i>Бессокирная Г. П.</i> Социальная адаптация младшего и старшего поколений рабочих в современной России	145
Социум и образование в российских регионах.....	164
<i>Сампиев И. М.</i> Региональный университет как социальный институт (на примере Ингушского государственного университета)	164
<i>Ойдун Т. М., Кылыгдай А. Ч.</i> Выпускники школ как основа человеческого капитала региона (на примере Республики Тыва).....	176
Социально-демографические проблемы современной России....	189
<i>Воронин Г. Л.</i> Смертность как социальная проблема: 2001–2017 гг....	189

Contents

About the Issue	8
Issue Topic: Individual and Society in the Global Postmodernity: Socio-Cultural Metamorphoses.....	14
<i>Danilov A. N.</i> Modern Society Development of: The Place of Culture in the Choice of the Future	14
<i>Belyaeva L. A.</i> Civilizational Heterogeneity of Russia. Property in the Field of Civilizational Development	27
<i>Rutkevich E. D.</i> Nonreligious Diversity and Correlation of Religious, Spiritual and Secular in the Consciousness of Modern Man	54
<i>Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. Lyubutov, O. V. Sorokin, O. V.</i> Life Positions in Self-Regulation of Life Activity of the Youth	79
Economics and Education Social Adaptation: Russian Specifics	99
<i>Shuklina E. A.</i> Self-Evaluation of Educational Success as an Institutional Phenomenon: Sociological Analysis of Efficiency and Intrasystem Contradictions	99
<i>Bolshakova O. A., Karakhanova T. M.</i> The Student Time-Budget and Their Adaptation to Educational Activities	120
<i>Bessokirnaya G. P.</i> Social Adaptation of the Younger and Older Generations of Workers in Modern Russia	145
Society and Education in Russian Regions	164
<i>Sampiev I. M.</i> Regional University as a Social Institution (On the Example of the Ingush State University).....	164
<i>Oydup T. M., Kylgiday A. Ch.</i> School Graduates as the Basis of the Human Capital of the Region on the Example of the Republic of Tyva	176
Socio-Demographical Issues in Contemporary Russia	189
<i>Voronin G. L.</i> Mortality as a Social Problem: 2001–2017	189

О выпуске

Тема этого номера «Человек и общество в глобальном постмодерне: социокультурные метаморфозы» посвящена наиболее глубоким и значимым изменениям в современном мире. Термин «метаморфозы» используется здесь не случайно: сегодня процессы общественного развития принимают не просто новые, но порой невиданные прежде формы.

После распада СССР российские социологи ориентировались на изучение перемен, имевших, как тогда казалось, устойчивый и строго определённый вектор: транзит российского общества к западному модерну, параметры которого включали в себя развитый рынок, демократию, гражданское общество, социальную самоорганизацию и т. п. Глобализация поначалу лишь распространяла рынок с демократией на весь мир, породив иллюзию конца истории. Однако изменения быстро стали непредсказуемыми, их вектор теперь утерян, но скорее его попросту сложно уловить: современный социолог находится внутри стремительного круговорота событий, наблюдая смену постмодерна пост-постмодерном и возникновение неожиданных, невообразимых ранее феноменов, таких как, например, Новая Этика и движение WOKE.

В статьях, составляющих тему номера, современные социокультурные трансформации рассматриваются с разных ракурсов и с помощью различных подходов. Их авторы интерпретируют развитие как соединение традиций с инновационной активностью (А. Н. Данилов); исследуют цивилизационные особенности России как основания её движения по собственному, отличному от западного, пути развития (Л. А. Беляева); изучают радикальные изменения в религиозной и духовной сфере, которые привели в том числе к появлению воинствующего морализма и диктату меньшинств (Е. Д. Руткевич), анализируют формирование жизненных смыслов российской молодёжи, которые непосредственно связаны с развитием страны (Ю. А. Зубок, В. И. Чупров и др.). Очевидно, что мы неоднократно будем возвращаться к теме радикальных и часто непредсказуемых изменений современного общества и надеемся в дальнейшем обсудить их преломление в социальной реальности российских регионов.

Выпуск открывает статья Данилова А. Н. (Минск, Республика Беларусь) «Развитие современного социума: место культуры в выборе будущего», в которой представлены размышления о развитии современного социума и месте культуры в этом процессе. Общество потребления, доминирующее ныне в мире, зачастую рассматривается в качестве единственно возможной перспективы современной цивилизации, а его идеалы и ценности представляются в качестве образца для подражания. По мнению автора, будущее многовариантно, но оно ограничено рам-

ками предшествующего развития и современного состояния социальной системы. Социальные, гуманитарные науки запаздывают в осмыслении быстрых глобальных перемен. Потому, по мнению автора, остро необходимо исследование изменений, происходящих в различных сферах современной культуры, где возникают новые жизненные смыслы и ценности, обеспечивающие новый тип цивилизационного развития. В статье рассмотрены классические подходы к структуре социальности и констатируется, что в XXI в. выросло новое поколение, которое ориентировано на перемены и хочет жить в мире, где считаются с его мнением, где приоритетна политика социальной справедливости. Обозначена значимость изучения механизма и мотивов выбора нового, роль в этом процессе столкновения культур, конфликтов ценностей, зарождения и укоренения новых жизненных смыслов.

В статье [Беляевой Л. А. \(Москва\) «Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития»](#) российская цивилизация рассматривается как социокультурная общность, включающая в себя разные цивилизационные образования, что обуславливает её гетерогенный характер. В качестве индикатора гетерогенности общества автор рассматривает его социальную структуру, в которой присутствуют цивилизационные разломы, то есть такое противостояние отдельных структурных элементов, которое имеет цивилизационный характер. Автор фиксирует три цивилизационных разлома в современной России. Первый из них основывается на существовании в стране разных уровней технико-технологического развития и, соответственно, характера и содержания труда населения. Второй разлом обусловлен материальной дифференциацией общества, которая порождает глубокое различие качества жизни населения, являющегося атрибутивным признаком различных цивилизаций. Третий разлом имеет отношение к исторически сложившемуся неравномерному развитию регионов. По мнению автора, на просторах России сосуществуют информационная, индустриальная и традиционная субцивилизации. Среди значимых факторов цивилизационного развития рассмотрены отношения собственности. Показано, что в России право собственности индивида ориентировалось на «внутреннюю справедливость». Переориентация отношений собственности в России на западную модель не увенчалась успехом по причине традиционно сильных этакратических воздействий. Автор утверждает, что «своя колея», свой путь цивилизационного развития, видимо, суждены России и в будущем.

Статья [Руткевич Е. Д. \(Москва\) «\(Не\) Религиозное разнообразие и соотношение религиозного, духовного и светского в сознании современного человека»](#) посвящена сложнейшим трансформациям, происходящим в духовной жизни современного человека. Сегодня в мире растёт (не)религиозное разнообразие, которое рассматривается автором как разнообразие типов (не) религиозного сознания и категорий (не) религиозной идентичности. В статье рассматриваются теоретические предпосылки и обоснования изменения западной (не)религиозной идентичности, про-

исходящих в процессе перехода от вестфальской к пост-вестфальской системе религиозного управления и становления особого типа плюрализма, формирующегося в процессе де-дифференциации религии, глобализации и трансформации «религии места и нации» в транснациональную религию «без места и нации». В статье анализируются истоки и причины этой трансформации (не)религиозного сознания в «долгие 1960-е». Прослеживается эволюция таких типов (не)религиозного разнообразия, как «духовные, но не религиозные», «никакие» и пост-протестанты и объединяющее их понятие «духовность». Автор показывает, как идеалы многообразия, толерантности, равенства, бывшие принципами всех левых движений за права меньшинств более полувека назад, сегодня превращаются в свою противоположность. Как наиболее яркий пример приводятся «воинствующий морализм и жестокий догматизм», характерные для мировоззрения WОКЕ, к которому имеют отношение пост-протестанты. Это, в свою очередь, ведёт к диктатуре меньшинств, извращению сути демократии, к превращению большинства в самое бесправное меньшинство, что вызывает обеспокоенность и научного сообщества, и рядовых граждан.

В статье [Зубок Ю. А., Чупрова В. И., Любутова А. С., Сорокина О. В. \(Москва\) «Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования»](#) исследуются жизненные позиции современной российской молодёжи. Внимание к данной тематике возросло в связи с активизацией молодёжи в общественно-политической сфере. Отстаивание своего права влиять на формирование городского пространства, участие в волонтёрском, экологическом и других движениях. Авторы рассматривают сущность жизненной позиции молодёжи, особенности её формирования в рамках существующего смыслового пространства реальности и связь оной с социальной активностью. Также анализируются связи жизненной позиции молодых людей с возрастом, уровнем материального положения и образования, с региональными условиями жизни. Описаны связи жизненных позиций молодых людей с их мировоззренческими установками на индивидуализм и коллективизм, доверие и недоверие окружающим. Авторами установлено, что регуляционная функция активной жизненной позиции реализуется посредством как традиционных, так и современных элементов механизма саморегуляции: архетипами славы и идеализации прошлого, с одной стороны, и рационализмом, открытостью ко всему иностранному, отношением к стране как месту проживания, с другой.

Рубрика [«Социальная адаптация в экономике и образовании: российская специфика»](#) представлена тремя статьями, содержащими результаты исследований самооценки образовательной успешности студентов и адаптационных процессов в среде студенческой и рабочей молодёжи, а также старшего поколения рабочих. В статье [Шуклиной Е. А. \(Екатеринбург\) «Самооценка образовательной успешности как институциональный феномен: социологический анализ эффективности и внутрисистемных противоречий»](#) представлен анализ самооценки образовательной

успешности как субъективного регулятора образовательной деятельности человека. Субъективная оценка успешности в формальном образовании рассматривается как отражение представлений обучающихся о степени соответствия системе институциональных требований через их приятие/отторжение. Сделаны выводы о том, что самооценка образовательной успешности – устойчивый институциональный конструкт, унифицированно регулирующий образовательную деятельность на всех этапах, осуществляя таким образом процесс дифференциации её субъектов. При этом она может быть дисфункциональной по отношению к институту образования, реализации его адаптивной, социокультурной и других функций. Автор утверждает, что институционально сформированная модель самооценки успешности для образовательных общностей в современных условиях не является оптимальной. Постепенно трансформируясь в соответствии с потребностями обучающихся, возможностями института образования, вызовами времени, она будет вынужденно видоизменяться, создавая условия для более широких перспектив и разнообразия образовательного и профессионального будущего учащейся молодёжи.

[Большакова О. А., Караханова Т. М.](#) (Москва) в статье [«Бюджет времени студенческой молодёжи и её адаптация к учебной деятельности»](#) рассматривают общую картину использования студентами вузов своего фонда времени, его структурирование, а также динамику показателей времени, относящихся к основным сферам повседневной деятельности учащихся за 2002–20 гг. Особое внимание в статье уделено учебной деятельности как статусообразующей для студентов очной формы обучения. Реальное поведение студентов анализировалось в комплексе с анализом мотивации к получению высшего образования, адаптивных возможностей участия в учебной деятельности и успешности профессиональной социализации учащихся. Выявлено, что доминирующий мотив получения высшего образования – «необходимость иметь диплом о высшем образовании для устройства на хорошую работу» – не только сохранил (за период 2002–20 гг.) своё доминирование и значительный «отрыв» от значимости других мотивов, но его важность даже повысилась. Сохранилась в целом и конфигурация образовательной мотивации. Изменения в ресурсных временных возможностях наименее всего затронули сегмент повседневной деятельности, относящийся к общей трудовой нагрузке (учебное время, оплачиваемый труд, неоплачиваемый труд). Авторы также рассмотрели времязатраты на всю учебную деятельность и её структуру в динамике за период 1920–2020 годов и выявили, что 2019–20 гг. отличаются худшими характеристиками.

В статье [Бессокирной Г. П.](#) (Москва) [«Социальная адаптация младшего и старшего поколений рабочих в современной России»](#) представлены результаты сравнительного анализа социальной адаптации указанных в названии работы социальных групп. Изучены межпоколенческие различия в эффективности социальной адаптации двух поколений российских рабочих в течение 2006–19 гг. К младшему поколению

отнесены рабочие, родившиеся в 1985 г. и позже. Их социализация осуществлялась главным образом уже в постсоветской России, а вступление в трудоспособный возраст происходило в 2000-е гг. Старшее поколение – рабочие, родившиеся не позже 1984 г. Рассмотрены способы рыночного приспособления, которые служили дополнительными источниками доходов. Автор анализирует динамику социальной адаптации рабочих в 2014–19 гг., происходившей на фоне снижения реальных денежных доходов населения. Установлено, что межпоколенческие различия в эффективности социальной адаптации российских рабочих незначительны. Показано, что на социальную адаптацию младшего и старшего поколений рабочих преимущественное влияние оказывает социально-экономическая ситуация в стране. Важными факторами, определяющими успешность социальной адаптации, являются условия жизнедеятельности по месту жительства (в поселении определённого типа) и производственная ситуация на основной работе.

Рубрика [«Социум и образование в российских регионах»](#) посвящена роли общего и высшего образования в развитии российских регионов. Тема эта оказалась сложной и дискуссионной. С одной стороны, образовательные организации, без сомнения, играют важнейшую роль в региональном развитии, в ряде случаев – ключевую. Именно они формируют человеческие ресурсы, создают рабочие места, становятся культурными и инновационными центрами. В малых городах и в сельской местности они часто являются едва ли не единственными центрами культуры. С другой – отток молодёжи в крупные города, в первую очередь в Москву и Санкт-Петербург усиливается, школы и университеты в итоге создают человеческий капитал для столиц, а часто и для других государств. Мы надеемся продолжить обсуждение этой проблемы на страницах нашего журнала и ждём статей с результатами исследований роли образования в современном региональном развитии.

В статье [Сампиева И. М. \(Магас\) «Региональный университет как социальный институт \(на примере Ингушского государственного университета\)»](#) показано, что региональный университет в современных условиях как социальный институт приобретает особое значение и как научное учреждение, и как главный элемент регионального образовательного пространства, и как центр инновативной экономики. Ингушский университет, рассмотренный в данной статье как яркий пример регионального вуза, ориентируется на непрерывное профессиональное образование, включающее довузовскую подготовку, среднее профессиональное образование, высшее профессиональное образование различного уровня, а также послевузовское и дополнительное профессиональное образование. Университет является одним из самых крупных работодателей в регионе, поэтому в статье подчеркнута его роль в решении проблемы занятости и трудоустройства выпускников. Кроме того, в Ингушском государственном университете формируются условия для развития малых инновационных предприятий. Культуросозидающая роль университета в пространстве региональной культуры также весьма многогранна. На примере этого

университета автор показывает, что вуз, с одной стороны, является частью мирового культурно-образовательного сообщества, с другой – ведёт работу по сохранению, развитию и распространению культуры народов региона.

Тувинские социологи [Ойдуп Т. М., Кылгыдай А. Ч. \(Кызыл\)](#) в статье [«Выпускники школ как основа человеческого капитала региона \(на примере Республики Тыва\)»](#) анализируют результаты опросов выпускников школ столицы Республики Тыва – города Кызыла, проведённых в 2010 и 2019 гг. В современных условиях межрегиональной конкуренции остро встаёт вопрос привлечения и сохранения человеческого капитала региона. Одним из главных ресурсов человеческого капитала любого региона являются выпускники школ 9 и 11 классов. А Республика Тыва в данном межрегиональном соперничестве существенно проигрывает, – утверждают авторы. Причины они видят в небольшом выборе учебных заведений, высокой безработице и отставании региона в инфраструктурном развитии. Сравнительный анализ показал, что прослеживается чёткая зависимость между увеличением предложений рабочих мест на рынке труда и ростом популярности определённых профессий. По результатам социологического исследования можно констатировать, что при сохранении текущей социально-экономической ситуации в Республике Тыва, большинство выпускников школ города Кызыла не станут основой для формирования человеческого капитала региона. Для республики остаются актуальными повышения социальной привлекательности региона для дальнейшего проживания.

Завершает выпуск традиционная рубрика [«Социально-демографические проблемы современной России»](#) представленная статьёй [Воронина Г. Л. \(Нижний Новгород\) «Смертность как социальная проблема: 2001–2017 гг.»](#). В статье представлен социологический анализ смертности населения постсоветской России. Анализируются социально-демографические характеристики респондентов, ушедших из жизни по причинам болезней системы кровообращения, органов дыхания, онкологических заболеваний, самоубийств, убийств, внешних причин и вследствие старости. Автор утверждает, что сегодня важно обратить внимание не только на здоровье отдельного человека, но и на здоровье нации в целом. По расчётам автора, 95% смертей в России – следствие социальных факторов. Причинами сложившейся ситуации, по его мнению, являются оптимизация российского здравоохранения, «модернизация» экономики, трудная экологическая ситуация, деградация институтов семьи и брака, образования, безработица, низкие доходы населения и др. В статье анализируются социальные факторы, влияющие на причины смерти мужчин и женщин, даны социально-демографические портреты умерших. Автор показывает разворачивающуюся демографическую катастрофу современной России – снижение рождаемости и рост смертности, за которой неминуемо последуют экономический крах и социальный хаос, но отмечает, что данная проблема не является уникальной и характерной только для России. Эта катастрофа угрожает и странам Восточной Европы и Прибалтики.

ТЕМА НОМЕРА

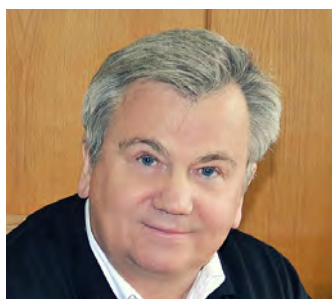
ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ ПОСТМОДЕРНЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.735

Развитие современного социума: место культуры в выборе будущего

Ссылка для цитирования: Данилов А. Н. Развитие современного социума: место культуры в выборе будущего // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 14–26. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.735

For citation: Danilov A. N. Modern society development: the place of culture in the choice of the future. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 14–26. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.735

**Данилов
Александр Николаевич¹**

¹Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

a.danilov@tut.by

AuthorID РИНЦ: 940774

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы развития современного социума. На основании анализа и осмысления социологических работ, посвящённых данному предмету, предпринята попытка раскрыть механизм выбора будущего и место культуры в этом процессе. Общество потребления, доминирующее ныне в мире, часто рассматривается в качестве единственно возможной перспективы современной цивилизации, а его идеалы и ценности представляются образцом для подражания. Предполагается, что ценностные установки такого общества обладают целым рядом преимуществ перед ценностями иных социальных и культурных типов организации общественной жизни и открывают безграничные возможности экономического развития для тех регионов, которые их принимают. Однако проблемы, возникающие в ходе их реализации, становятся всё более очевидными. Вопрос в том, являются ли эти проблемы преходящими сложностями в движении общества потребления к торжеству во всемирном масштабе, или же они свидетельствуют о его исторической ограниченности и об отнюдь не безусловной универсальности его ценностных установок? Ответ на него особенно важен для обществ, где данный тип организации социально-экономической и культурной жизни не является исторически органичным, где возможны иные перспективы развития.

Будущее многовариантно, но ограничено рамками предшествующего развития системы и состоянием, в котором она сейчас находится. Социальные, гуманитарные науки запаздывают в осмыслении быстрых и глобальных перемен. Перспективно исследование изменений, происходящих в различных сферах современной культуры, где возникают новые жизненные смыслы и ценности, обеспечивающие новый тип цивилизационного разви-

тия. В статье рассмотрены классические подходы к структуре социальности, в том числе её новый тип, который можно назвать, по Э. Дюркгейму, «божественным социальным». Констатируется, что в XXI в. выросло новое поколение, которое нельзя назвать потерянным, инфантильным, расколотым. Оно придерживается своих идеалов, ориентировано на перемены и хочет жить в мире, где считаются с его мнением, где приоритетна политика социальной справедливости. Автор показывает значимость изучения механизма и мотивов выбора нового, роль в этом процессе столкновения культур, конфликт ценностей, зарождение и укоренение новых жизненных смыслов.

Ключевые слова: развитие, культура, ценности, выбор будущего, новые жизненные смыслы, идеалы, прогресс

Сам по себе процесс развития современного социума сложен, динамичен и многовариантен. При характеристике нового качества социума вполне применимо понятие термодинамики «фазовый переход», которое обозначает трансформацию состояния объекта, его транзит к новой стадии развития. В процессе возникновения новой целостности иерархические, усложняющиеся системы наращивают уровень своей организации, который воздействует на предыдущие уровни посредством новых законов развития. Последние появляются не сразу. Они формируются во времени, ограничивая действие предшествующих закономерностей. В итоге возникновение новых законов ограничивает трансформации его предыдущих уровней.

Когда речь идёт о будущем, важно определить, в какой точке процесса развития мы сейчас находимся. При фазовом переходе неизбежно состояние динамического хаоса. Специфика фазового перехода заключается в невозможности плавного превращения старого в новое. Неизбежно возникают точки бифуркации, где есть несколько сценариев развития. В процессе глобализации разные цивилизации и разные типы цивилизационного развития отличаются прежде всего системой ценностей и жизненными смыслами, которые составляют духовную матрицу общества и по которым люди живут (понимание человека, природы, деятельности человека, традиций и инноваций, личности, власти и т. п.). В зависимости от того, каким образом данные жизненные смыслы и понимания складываются в культуре, они становятся программой, по которой люди осуществляют свою жизнедеятельность.

Выбор будущего...

Обсуждение глобализации всегда подразумевает разговор о будущем, о том, что с нами будет дальше: «Будущее человечества не задано однозначно. Оно всегда многовариантно. От научной элиты и представителей культуры во многом зависит то, какой вариант станет реальностью» [1, с. 21]. Но этих вариантов не бесконечное множество – они определены

предшествующим развитием системы и тем её состоянием, в котором она сейчас находится. Среди этих сценариев обязательно есть большое число катастрофических, которые могут уничтожить систему как такую: они могут редуцировать высший уровень её организации. Тогда системы вместо усложнения упрощаются и перестают существовать как целостности, рассыпаясь на подсистемы. Но мы сейчас не можем точно и определённо сказать, что будет именно этот конкретный сценарий, что он самый главный и самый перспективный.

На практике «...каждая страна, каждое общество включаются в общемировой социальный процесс своим неповторимым путём» [7, с. 543]. Ш. Айзенштадт в своей последней работе «Современная сцена: множественность модернизаций» писал, что модернизация действительно охватила весь мир, «но не привела к возникновению единой цивилизации или к универсальному институциональному образцу; напротив, имеет место развитие разных современных цивилизаций или, по крайней мере, цивилизационных моделей (patterns), т. е. цивилизаций с некоторыми общими чертами, но обладающих тенденцией к развитию разных институциональных процессов (institutional dynamics)» (цит. по [7, с. 543]). П. Штомпка заключает, что «история перестала быть естественноисторическим и становится социально-историческим процессом» [13, с. 290–292].

В этой ситуации очевидно, что социальные, гуманитарные науки запаздывают в осмыслении слишком быстрых и глобальных перемен. «Важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития» [9, с. 737]. Со сменой типов цивилизационного развития должна возникнуть новая система ценностей, новая духовная матрица – матрица ожиданий, регулирующая человеческую жизнедеятельность. «У каждого человека своя матрица ожиданий, в ней есть достаточно устойчивая часть, связанная с высшими ценностями, такими как справедливость, социальный порядок, достоинство человека, патриотизм, толерантность, истина, красота, вера и др.; а также более подвижная часть, изменяющаяся по мере роста возможностей, перемены условий и новых личных обязательств. Но когда рассматриваются общественно значимые ожидания, то имеется в виду состояние общественного сознания, определяющее не просто желательное, но и «должное» в общественной жизни с точки зрения логики развития, имеющихся возможностей и перспектив укрепления целостности и стабильности социума» [12, с. 269].

Если рассматривать генезис зарождения ценностей Западного и Восточного мира, то легко обнаружить их полярную противоположность в историческом контексте. Что мы видим сегодня в условиях формирования нового типа цивилизационного развития и глобализации? Запад и Восток меняются местами по своим ценностям, по образу

жизни, даже ментальности, копируя политические системы друг друга. Например, Китай – восточная культура. А сегодня она какая: западная или восточная? С точки зрения классических представлений о Западе и западных ценностях кажется, что это уже Запад: политическая система трансформируется, экономическая система стала достаточно либеральной. Традиционализм культуры, который был свойственен китайской цивилизации, – сегодня это перманентная модернизация и технологизация жизни.

Цивилизационное развитие включает в себя компонент, который можно назвать, по Э. Дюркгейму, «божественным социальным». Данным термином Дюркгейм обозначал связующую силу, лежащую в основе любого общества или ассоциации людей. В частности, он писал: «С моей точки зрения, этот выбор (между Богом и обществом – А. Д.) не очень существенен, так как я вижу в божестве лишь общество, преображённое и мыслимое символически» [3, с. 337]. Ему было важно понять, как и за счёт каких имманентных средств общество сохраняет свою целостность, поддерживает существование и динамику развития. Это становится возможным только благодаря эффекту социального, которое в понимании Э. Дюркгейма не есть арифметическая сумма индивидуальных сил, свобод, идеалов, мнений и т. п., но надиндивидуальная реальность особого рода. Так, в ООН есть десятки надгосударственных образований: советы, комиссии, группы; в мире существует единая надгосударственная валюта. Заслуга Э. Дюркгейма в том, что он связал надиндивидуальное с коллективным. Развитие связано не только и не столько с появлением новых элементов, но с комбинированием по-новому уже существующих. «Новизна комбинаций создаёт новизну результата, – отмечает Э. Дюркгейм. – Будучи предоставлен самому себе, индивид никогда не смог бы извлечь из себя материалы, необходимые для подобной конструкции <...>, т. е. для того, чтобы возвыситься над самим собой» [3, с. 300]. К примеру, тот, кто участвовал в командных играх, признаёт, что командный дух (азарт, кураж, образ победителей) возникает как будто из ничего, но его истоки – в состоянии коллективного социального (отношений, связей, уважения, доверия и пр.).

Рассмотрим классические подходы к трансформации структуры социальности. *Политическая сфера* характеризуется в настоящее время следующими трансформациями: в основном это изменения социальной политики и новые функции государства в управлении социальной политикой, изменения баланса интересов государства и частного сектора, а также баланса между директивной функцией управления и институтами самоуправления гражданским обществом.

В *экономической сфере* формируется новая модель экономических отношений. Нужно учесть уроки прошлого и посмотреть на рынок как на некий позитивный инструмент социальной регуляции, экономического и политического развития. Перспективной представляется модель постиндустриальной экономики, постиндустриальных ценностей. Постиндустриальная экономика сервисная, она основана

на услугах. Мы должны преодолеть негативный стереотип в понимании понятия «услуга». На самом деле, советская экономика работала именно в рамках понятия услуги, то есть спроса и предложения: производился товар, в котором нуждается потребитель. По сути, оказывалась услуга населению, которое в СССР было потребителем, несмотря на плановое, социалистическое устройство его экономики. Адаптация постсоветских стран к реалиям рыночных отношений меняет представления граждан об этом понятии, вкладывая в него адекватный времени смысл, слово «услуга» перестаёт восприниматься исключительно негативно.

Обратимся к *культурно-цивилизационному* профилю трансформации социальности. Главное противоречие существует между культурой и цивилизацией. Цивилизация подчиняет себе культуру. Культура есть духовный феномен, а цивилизация – феномен прагматичного, технологичного развития. Эта проблема раскрывается, в числе прочего, в отношении «интеллектуал – интеллигент». Современное общество делает ставку на интеллект, интеллектуальные технологии, что само по себе соответствует содержанию концепта «цивилизация». Но, с другой стороны: что такое культура? Кто носители культурных ценностей? Носителем культурных ценностей всегда была интеллигенция. Существует противоречие между интеллектуализацией и сохранением национальных, культурных ценностей, которые кристаллизуются в понятии «интеллигентности», потому что интеллигентность предполагает наличие национального и культурного контекста, тогда как интеллектуальности достаточно технологической среды.

Наконец, не менее важным элементом становления новой социальности является трансформация мироощущения человека. Посмотрите, о чём говорит современная статистика по суицидам, по компьютерной и информационной зависимости, новым видам болезней, связанных с новыми технологиями. Современный тип цивилизационного развития противоположен традиционному доиндустриальному типу развития общества и даже классическому модерну, поскольку в этих типах общества отсутствовала виртуальность. Человек, культура, сознание человека всегда были связаны с реальными вещами. Сегодня сознание окунулось в мир виртуальных отношений. Мы делаем ставку на интеллектуальные технологии, знание, информацию. Эти феномены технологически прогрессивны, но это феномены нематериального плана. Сознание теряет привычные границы верификации, связанные с предыдущими эпохами. Современный мир – мир виртуальных отношений. Он несёт свои изменения, трансформацию ценностного сознания, мышления человека. Этот мир многообразен и интересен, но часто он иллюзорен и обманчив в бесконечности таящихся в нём возможностей.

Особенностью качественного перехода является нарастание глобальных кризисов, с которыми непонятно, как справиться, где их корни, как их определить. Очень важно сейчас обозначить сценарии, которые ведут к катастрофическим последствиям, чтобы в эти ловушки не попадать или, по крайней мере, их видеть. Поэтому задача состоит

не в том, чтобы сформулировать конкретные указания, как действовать, а в том, чтобы увидеть эти опасные сценарии и просмотреть, какова вероятность их возникновения. Необходимо избежать «режима с обострением», потому что «режим с обострением» – это уже точка невозврата, когда дороги назад не будет.

Как трансформировалась в процессе перехода к западному обществу потребность сама идея рациональности, о которой писал Вебер как об основе организации рынка? Рациональность всегда накладывает некоторые внутренние ограничения; например, свобода одного закачивается там, где начинается свобода другого. Если человек – это машина желаний, данный принцип не действует, ограничений нет, поэтому нельзя создать правовое общество.

В период перехода происходит своеобразное обновление, на второй план уходит негативный багаж, накопившийся предыдущим «потерянным» поколением. У молодёжи проявляется стремление быть полезными обществу, защищать свои права и свободы, в сознании молодых людей всё чётче проступают такие качества, как ответственность, сопереживание, доброта, отзывчивость. В новых поколениях дремлет некий энергетический заряд с мощным кумулятивным потенциалом. И при малейшем осложнении социально-политической ситуации или серьёзной ошибке власти этот заряд способен на мощный выброс революционной энергии. Грядущие изменения напрямую связаны с процессом адаптации нового поколения к жизни в условиях глобальной нестабильности, серьёзных претензий нового поколения к власти, всё возрастающего запроса на перемены. Возникает ощущение внутр поколенческого раскола, некое отчуждение от социума, усиливающееся влияние информатизации.

Молодые взрослые не знают, что им делать, не могут построить планы на будущее. В условиях растущей неопределённости молодые люди не спешат входить во взрослый мир, брать на себя какую-то ответственность. По мнению Ю. Харари, «чтобы идти в ногу со временем – не только в экономическом, но и в социальном плане, – вы должны быть способны постоянно учиться и перестраивать себя. <...> Оригинальность будет постепенно превращаться в новую норму, и ваш прежний опыт, как и прежний опыт всего человечества, станет менее надёжным помощником. Людям как отдельным личностям и человечеству в целом всё чаще придётся иметь дело с тем, с чем никто никогда раньше не сталкивался: с компьютерным суперинтеллектом и сконструированными телами, с алгоритмами, которые с необыкновенной точностью научатся управлять вашими эмоциями, с рукотворными климатическими катаклизмами, а также с необходимостью каждые 10 лет менять профессию. <...> Вам придётся постоянно отказываться от того, что вы лучше всего знаете, и осваивать неизвестное» [11, с. 320]. И ещё очень важное замечание: «Из-за постоянно растущих темпов перемен вы не сможете с уверенностью определить, что передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрассудки» [11, с. 321].

В XXI веке выросло новое поколение, которое нельзя назвать потерянным, инфантильным, расколотым. Да, оно разное, непохожее на другие, больше ценит индивидуализм, но откликается на чужую беду и готово жертвовать многим ради общего. У него есть свои идеи и идеалы, за которые оно жертвенно идёт на лишения. Это поколение ориентировано на перемены и хочет жить в мире, где считаются с его мнением, где приоритетна социальная справедливость. Это поколение хочет участвовать в научно-техническом прорыве, по-инновационному подходить к решению экономических проблем, рачительно использовать природные ресурсы, создавать экологически чистые производства, идентифицировать себя со своей страной и быть своими в глобальной мировой деревне.

Жизненные смыслы и ценности

В многообразии новых вызовов, рисков, конфликтов, всевозможных трансформаций осуществляется выбор стратегии развития, формируется идеал будущего. «Возникла своеобразная патовая ситуация – в своих реально существующих формах и капитализм, и социализм изжили себя, дискредитировали имеющуюся практику и не предложили ничего убедительного взамен. Возникла огромная зона неопределённости – ... куда должны идти народы, на что ориентироваться, чего ожидать от будущего жизненного мира?» [10, с. 274]. В этой ситуации интересен сам механизм и мотивы выбора нового будущего, роль в этом действе столкновения культур, конфликта ценностей интересно зарождение и укоренение новых жизненных смыслов.

Чтобы общество перешло в новое состояние, нужны ориентиры, цели, которых большинство желало бы достигнуть. Новые герои должны вести к новым высотам, сознательно нести свой нелёгкий крест, быть нравственным, моральным примером, жертвуя собой. Новое состояние цивилизации – это крутой поворот в развитии её ценностного содержания. Перемены значительно активизируют процесс отбора нового контекста в культуре. Появляется стремление к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального отбора, что может создавать иллюзию будущего. Для общества может возникнуть опасность пойти по ложному пути и сформировать искажённый образ будущего. Здесь во многом оправдан изначальный консерватизм культуры и её носителей.

Если общество входит в стадию динамического хаоса, изменения традиционных ценностей просто неизбежны. Наступает очень ответственный момент «критики и отбрасывания некоторых «старых» ценностей». Здесь есть большая опасность – уйти от традиции и возвести в новый культурный статус «псевдокультурные» или «внекультурные» ценности, тем самым открыть путь для разрушения основ культуры, как это произошло в 1990-е гг. на постсоветском пространстве. Выход из этой ситуации В. А. Лекторский видит в сохранении национальных культур.

В частности, он пишет, что «противостоять расчеловечиванию человека и культуры можно только в том случае, если мы сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе с тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур» [4, с. 619–621].

Как показал недавний опыт, «темпы и характер изменений политической и экономической систем, а также предрасположенность к той или иной форме интеграционной активности во многом зависят от структурно-экономических, социальных, этнокультурных, политических и иных конкретно исторических черт каждой отдельно взятой страны. Неизбежным компонентом трансформации структуры общественного сознания выступает ценностный конфликт. Причём изменение менталитета напрямую связано с процессом социализации в новых условиях, и, как показало последующее развитие, трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергаться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым условиям вызвать кризис человека и системы. В таких условиях люди становятся заложниками событий, которыми они не умеют управлять» [5, с. 19].

Время содержательно меняет матрицу ценностей, механизм их формирования, институты влияния, человека со своими поведенческими предпочтениями и установками, информационной средой обитания. Постсоветский мир являет тому множество примеров, когда в результате необдуманных политических реформ увязала экономика, поспешная приватизация и разгосударствление приводили к кризису всей системы и социальному взрыву. Следовательно, выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы. Всё больше в мире ощущается недостаток духовных лидеров, способных увидеть мир, адекватный новым вызовам.

Ответом на новые риски выступает развитие национальной культуры, которая естественным образом находится в диалоге с мировой культурой, а также формирование новых жизненных смыслов и ценностей: «Чтобы найти выход из кризисов, необходимо радикальное изменение предшествующей стратегии цивилизационного развития. Такое изменение, в свою очередь, требует трансформации базисных ценностей. Они неразрывно связаны с фундаментальными жизненными смыслами, составляющими содержание концептов культуры, её мировоззренческих универсалий – «человек», «природа», «человеческая деятельность», «личность», «рациональность», «власть», «добро», «зло», «справедливость», «свобода» и т. д.» [9, с. 762]. Со сменой типов цивилизационного развития должна возникнуть новая система ценностей, новая духовная матрица, регулирующая человеческую жизнедеятельность.

В такой ситуации культура всё больше ассоциируется со средой сохранения и возможной передачей духовного цивилизационного наследия. «В своих функциях в социальной жизни система универсалий культуры предстаёт предельно обобщённой программой, обеспечивающей воспроизводство определённого типа общества, своего рода геномом социальной жизни. Все сложные саморазвивающиеся системы (биологические, социальные объекты) должны содержать внутри себя особые структуры, которые кодируют опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и управляют реакциями системы на новые воздействия» [9, с. 429]. В. С. Стёпин проводит аналогию между биологическими организмами, опыт приспособления которых фиксируется в их наследственных генетических кодах, в совокупности представляющих генофонд жизни, и общественной жизнью, где таким генофондом является культура. Причём её основания, т. е. «мировоззренческие универсалии» (термин В. С. Стёпина), выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности.

Наполнение новым содержанием существующих ценностей – результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, отражающих состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового цивилизационного опыта. В результате возникают мировоззренческие установки, детерминирующие жизненные приоритеты активной части общества. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, является наша действительность, социальная жизнь человека.

Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым её аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [8, с. 10]. Так сложилось, что сегодня в мире ни одна страна не является образцом для подражания, реально нет идеала, заимствовать который стремились бы другие. Поэтому вполне закономерно, что новые независимые страны по-разному ведут себя в выборе новых приоритетов, и чем дальше – тем больше их пути расходятся. «Мир будет укрепляться не за счёт того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а за счёт того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан, наладится диалог культур» [2, с. 9].

Сейчас нельзя сказать, какова будет система ценностей в новой цивилизации, она только зарождается. Есть только точки роста, позволяющие её обозначить, но вполне вероятно, что возникают они вовсе не

на Западе, а как раз в тех культурах, которые сохранили традиционную почву под воздействием модернизационных процессов. В качестве примера можно привести глобальный экологический кризис, который заставляет по-новому осмыслить концепт «природа». В последнее время наукой сформировалась позиция, согласно которой природная среда человеческого обитания не является неисчерпаемым резервуаром ресурсов, многие типы ресурсов ограничены. Идеалу господства человека над природой противопоставляется идеал коэволюции общества и природы. Теоретически мы осознаём необходимость охраны окружающей среды, но на практике часто исходим из прежних представлений. Это относится как к отдельным людям, так и к государствам. Столкновение альтернативных идеалов в попытках разрешения проблемы взаимодействия человека и природы можно рассматривать как состояние общества переходного периода, когда на стадии динамического хаоса сталкиваются различные сценарии и соответствующие им программы развития. Осознание обществом необходимости мер по защите природы и экологической безопасности приводит к столкновению различных социальных движений. Но мы должны понимать, что без таких столкновений новые ценности и фундаментальные мировоззренческие смыслы не формируются и не утверждаются.

Система ценностей и идеалы формируются во многом через систему образования и науку. Мы сейчас поменяли стратегию образования в угоду Западу и видим, что многое потеряли из того, что было хорошо в прежней системе образования. Прежде всего фундаментальность подготовки, тесную связь с экономикой, сферами деятельности, выбором будущей профессии. Унификация, навязываемая нам извне, неизбежно снижает качественный уровень образования, предлагая ориентироваться на усреднённый уровень. Страна, обладающая более качественной системой образования, будет доминировать в сфере подготовки современных конкурентоспособных кадров, владеющих новейшими технологиями. Происходит процесс коммерциализации образования, в результате которого оно носит преимущественно массовый характер и становится поставщиком в лучшем случае рабочей силы. Для любой страны – это тупиковый вариант. В настоящее время наблюдается разрушение системы мотивации педагогического труда – это одна из самых больших бед и следствий реформы образования. Наблюдается чрезмерная бюрократизация университетской жизни. Хотя очевидно, что инновации и консерватизм в образовании вовсе не противоречат друг другу.

Заключение

Процесс глобализации парадоксальным образом привёл к возвращению многополярного мира, что вызывает огромные проблемы, связанные с войнами, нестабильностью, кризисами. Но возможно ли сделать многополярный мир целостной системой? Глобальной систе-

мой, в которой возникнет новый уровень управления человеческими отношениями в глобальном масштабе, в масштабах планеты? В основании такой системы должны лежать определённые ценности. Проблема в том, можем ли мы ценности, сформированные всей историей западной цивилизации, в том виде, в каком они в настоящее время нам предлагаются, положить в основу будущего единого человечества? Существуют ли пределы их экспансии? А. В. Смирнов отмечает, что «...претензии какой-либо культуры на исключительную общечеловеческую значимость абсурдны. <...> Современный глобализм опасен тем, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости европейской культуры не только в первом (понятность), но и во втором (императивность) смысле. Единственным противоядием может быть идея *всечеловеческого устройства мира*. <...> Всечеловеческий проект мирового устройства – это проект сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развёрнутых как многообразие культур. Культура «застывает» как цивилизация, и многополярный мир может замысливаться только как многоцивилизационный» [6, с. 204]. Стремление молодёжи к новому, справедливому обществу, к инновационному развитию в сочетании с разумным консерватизмом, с традиционным культурным разнообразием может в итоге способствовать становлению всечеловеческого мира.

Библиографический список

1. Абалкин Л. И. Поиск путей взаимопонимания цивилизаций // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб.: СПбГУП, 2009. С. 20–21.
2. Данилов А. Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. С. 4–12.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
4. Лекторский В. А. Человек и культура: избранные статьи. СПб.: СПбГУП, 2018. 640 с.
5. Ротман Д. Г., Данилов А. Н. [и др.]. Дестабилизирующие факторы современности: социологический анализ. Минск: БГУ, 2020. 159 с.
6. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: ООО «Садра», Изд. дом ЯСК, 2019. 216 с.
7. Социология Ядова: методологический разговор [Избранные труды В. А. Ядова] / ФНИСЦ РАН; Ред.-сост., авторы предисл.: Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева, О. А. Оберемко. М.: Новый хронограф, 2019. 944 с.

8. Стёпин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.

9. Стёпин В. С. Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП, 2019. 796 с.

10. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. 352 с.

11. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / Юваль Ной Харари; перевод с английского Юрия Гольдберга. М.: Синдбад, 2019. 416 с.

12. Шавель С. А. Перспективы развития социума. Минск: Беларуская навука, 2015. 507 с.

13. Штомпка П. Социология социальных изменений / Под ред. В. А. Ядова; пер. с англ. А. С. Дмитриева. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

Статья поступила: 17.08.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Данилов Александр Николаевич, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.735

Modern Society Development: Place of Culture in Choosing the Future

Alexander N. Danilov

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: a.danilov@tut.by

ORCID ID: 0000-0002-1190-4975

For citation: Danilov A. N. Modern society development: the place of culture in the choice of the future. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 14–26. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.735

Abstract. The article deals with the actual problems of the development of modern society. Based on the analysis and understanding of sociological works on this subject, an attempt was made to reveal the mechanism for choosing the future and the place of culture in this process. The consumer society that dominates the world today is often viewed as the only possible perspective of modern civilization, and its ideals and values are presented as a role model. It is assumed that the value attitudes of such a society have a number of advantages over the values of other social and cultural types of organization of public life and open up unlimited opportunities for economic development for those regions that accept them. However, the problems that arise in the course of their implementation are becoming more and more obvious. The question is, if these problems are transient difficulties in the movement of the consumer society towards triumph on a worldwide scale, or if they testify to its historical limitations and to the far from unconditional universality of its value orientations. The answer to this question is especially important for the societies where this type of organization of socio-economic and cultural life is not historically organic, and other development prospects are possible.

The future is multivariate, but limited by the framework of the previous development of the system and its current state. Social sciences, humanities are lagging behind in comprehending rapid and global changes. It is promising to study the changes taking place in various spheres of modern culture, where new meanings and values of life are

emerging, providing a new type of civilizational development. The article examines the classical approaches to the structure of sociality, including its new type, which can be called, according to E. Durkheim, “divine social”. It is stated that in the XXI c. a new generation has grown up, that cannot be called lost, infantile, split. It adheres to its ideals, is focused on changes and wants to live in a world where its opinions are taken into account, where social justice is a priority. The author shows the importance of studying the mechanism and motives for choosing the new, the role of the clash of cultures in this process, the conflict of values, the emergence and rooting of new life meanings.

Keywords: development, culture, values, choice of the future, new meanings of life, ideals, progress

References

1. Abalkin L. I. Poisk putei vzaimoponimaniia tcivilizatcii [Search for ways of mutual understanding of civilizations]. *Dialog kul'tur i partnerstvo tcivilizatcii: IX Mezhdunar. Lihachevskie nauch. chteniia. 14–15 maia 2009.* [Dialogue of cultures and partnership of civilizations: IX Intern. Likhachevsky scientific. reading. May 14–15, 2009]. St. Petersburg, SPbGUP, 2009: 20–21 (in Russ.).
2. Danilov A. N. New geopolitical realities of the future civilization. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*, 2017: 4: 4–12 (in Russ.).
3. Durkheim E. Sotciologiiia. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. Transl. from French, comp., afterword. and note by A. B. Gogman. Moscow, Kanon, 1995: 352 (in Russ.).
4. Lektorsky V. A. Chelovek i kul'tura [Man and Culture]. St. Petersburg, SPbGUP, 2018: 640 (in Russ.).
5. Rotman D. G., Danilov A. N. et al.. Destabiliziruiushchie faktory sovremennosti: sotciologicheskii analiz [Destabilizing Factors of Our Time: A Sociological Analysis]. Minsk, BGU, 2020: 159 (in Russ.).
6. Smirnov A. V. Vsechlovecheskoye vs. obshchechlovecheskoye [All-Human vs Universal]. Moscow, OOO “Sadra”, Izd. dom YASK, 2019: 216 (in Russ.).
7. Sotciologiiia Yadova: metodologicheskii razgovor [Yadov’s Sociology: a methodological conversation]. FNISTC RAN. Moscow, Novyi khronograf, 2019: 944 (in Russ.).
8. Stepin V. S. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*, 2017: 3: 6–11 (in Russ.).
9. Stepin V. S. Chelovek. Deiatelnost`. Kul'tura [Man. Activity. Culture]. St. Petersburg, SPbGUP, 2019: 800 (in Russ.).
10. Toshchenko Zh. T. Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza [Society of Trauma: between Evolution and Revolution (Experience of theoretical and applied analysis)] / Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Russian State University for Humanities. Moscow, VES MIR, 2020: 352 (in Russ.).
11. Harari Y. N. 21 Lessons for the XXI century. Transl. from Eng. by Yuri Goldberg. Moscow, Sindbad, 2019: 416 (in Russ.).
12. Shavel S. A. Perspektivy razvitiia sotciuma [Prospects for the development of society]. Minsk, Belaruskaja navuka, 2015: 507 (in Russ.).
13. Shtompka P. Sotciologiiia sotcialnykh izmenenii [Sociology of Social Change]. Ed. by V. A. Iadov; transl. from English A. S. Dmitriev. Moscow: Aspekt Press, 1996: 416 (in Russ.).

The article was submitted on: August 17. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Danilov, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ТЕМА НОМЕРА

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ ПОСТМОДЕРНЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736

Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития

Ссылка для цитирования: *Беляева Л. А.* Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития. 2021. Том 12. № 3. С. 27–53. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736

For citation: Belyaeva L. A. Civilizational heterogeneity of Russia. Property in the field of civilizational development. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 27–53. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736

**Беляева
Людмила Александровна¹**

¹Институт философии РАН,
Москва, Россия

bel46@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 614677

Аннотация. Российская цивилизация рассматривается в статье как социокультурная общность, включающая в себя разные цивилизационные образования, что обуславливает её гетерогенный характер. Индикатором гетерогенности общества является его социальная структурация, в которой присутствуют цивилизационные разломы – такое противостояние отдельных структурных элементов, которое имеет цивилизационный характер. В современной России можно зафиксировать три цивилизационных разлома. Первый из них основывается на существовании в стране разных уровней технико-технологического развития и, соответственно, характера и содержания труда населения. Второй разлом обуславливается материальной дифференциацией общества: от уровня жизни (на пороге и за порогом бедности) до обладания многомиллиардными состояниями, что порождает глубокое различие качества жизни населения, являющегося атрибутивным признаком различных цивилизаций. Третий разлом имеет отношение к исторически сложившемуся неравномерному развитию регионов. Наряду с регионами, вступившими или уже пребывающими на информационной стадии развития (их меньшинство), большая часть регионов находится на индустриальной стадии, а в некоторых ещё превалирует доиндустриальное аграрное общество с устойчивыми традиционными ценностями. Соответственно на просторах России сосуществуют информационная, индустриальная и традиционная субцивилизации. Среди значимых факторов цивилизационного развития рассмотрены отношения собственности. Отношения собственности – это прежде всего экономические и юридические (правовые) отношения. Собственность как социальное отношение несёт в себе исторически обусловленное содержание нормы морали, справедливости, индивидуальной и общественной

пользы, она воплощается не только в юридических формах, но и в обычаях, культурных образцах, привычках, типах мышления и моделях поведения. В России право собственности индивида ориентировалось на «внутреннюю справедливость», соотносимую в общественном и индивидуальном сознании с бытующими представлениями о должном. Тогда как в западной цивилизации закрепился приоритет общественных связей, основанных на утверждённом в законе частном интересе обособленного индивида. Переориентация отношений собственности в России на западную модель, в том числе и на памяти наших современников, не увенчалась успехом в силу традиционно сильных этакратических воздействий, доминирования отношений «власть–собственность».

Ключевые слова: гетерогенная цивилизационная общность, социальная структуризация, цивилизационный разлом, собственность, этапы разгосударствления собственности, земля, власть–собственность

Постановка проблемы

Современная Россия представляет собой гетерогенную общность, в которой регионы, территории, социальные группы различаются по уровню развития, преобладанию трудовых навыков и ценностных ориентаций населения. За этими различиями стоят глубокие социокультурные основания, имеющие цивилизационный характер. Для каждой страны, принадлежащей к той или иной цивилизации как единой социокультурной общности, характерно исторически меняющееся сочетание экономических укладов и уровней технико-технологического развития, которые определяют место страны в системе мирохозяйственных связей, её вписанность в мировой глобальный контекст. Для этого ракурса рассмотрения цивилизаций особенно актуален учёт изменений, преемственности, текучести, которые захватывают не только идентификацию людей с исторически определённой культурой, но и способов включённости больших масс людей в производство, их участие в разделённом труде, их образовательную и профессиональную подготовку и, в конечном итоге, их социальное положение, место в иерархии общества. Изменения в этой сфере составляют те основы, которые обеспечивают цивилизационное развитие общества. Как писал Питирим Сорокин, большинство цивилизаций — это не столько «культурные системы», сколько крупные социальные общности (социальные системы), сложившиеся на основе центрального ядра [28, с. 48–49].

Понятию «цивилизация», на мой взгляд, соответствует трактовка В. Ж. Келле, который видел её как социокультурную систему, включающую в себя материальную и духовную, объективную и субъективную стороны, социальное и культурное начала общественной жизни в их органическом единстве. Келле писал: «Конкретная локальная цивилизация представляет собой способ существования широкой социокультурной общности, обусловленный общественным разделением труда, эконо-

мическими и демографическими факторами и призванный обеспечить сохранение и возможности дальнейшего развития этой общности» [11, с. 368–369]. Эта общность не однородна, она включает разные цивилизационные образования, обуславливающие её гетерогенный характер. Н. И. Лапин, например, говорит о нескольких российских субцивилизациях, подчёркивая при этом, что **каждая из них является частью российской цивилизации (выделено мною – Л. Б.)** [14, с. 68–69].

Гетерогенный характер российской цивилизации проявляется в социальной структуризации общества как индикаторе его цивилизационного состояния, цивилизационной целостности или цивилизационной дифференциации. Я предпочитаю называть эту дифференциацию цивилизационным разломом общества¹. Используя в анализе понятие цивилизационного разлома, есть возможность акцентировать не просто дифференцированность общества, а наличие в нём опасного цивилизационного противостояния отдельных структурных элементов. В современной России можно фиксировать по меньшей мере три цивилизационных разлома. Первый из них основывается на существовании в стране разных уровней технико-технологического развития и, соответственно, характера и содержания труда населения. Если подходить к анализу цивилизационного своеобразия России с учётом существующих технико-технологических укладов, то можно на просторах страны выделить три типа цивилизации: аграрную, промышленную и информационную. Соответственно этим технологическим укладам социальные общности и индивиды в своей трудовой деятельности располагают практическими навыками, профессиональными компетенциями, уровнем образования, социокультурным качеством и образом жизни, особенностями ценностных ориентаций, способами коммуникаций. Вспомним, в связи с этим, что канадский учёный Маршалл Маклюэн считал, что двигателем развития цивилизации служит смена технологий, которая влечёт за собой смену способа коммуникаций [15].

Второй разлом обуславливается материальной дифференциацией общества: от уровня жизни (на пороге и за порогом бедности) до обладания многомиллиардными состояниями, сосредоточившимися за короткий срок в частных руках в основном в результате приватизации государственной собственности. Материальная дифференциация населения формирует глубокое различие качества жизни населения, являющегося атрибутивным признаком различных цивилизаций. В современной России это положение сложилось в результате перераспределения государственной

¹ *Разлом*, в отличие от социокультурного раскола, о котором писал А. С. Ахиезер, видя за ним разные цивилизационные типы внутри общества – традиционный и либеральный, представляет собой такое состояние общества, при котором сосуществуют различные элементы социальных структур и общественных отношений, разделяющих общество вплоть до конфликта между ними, что определяет разный уровень гетерогенного состояния единого цивилизационного типа общества. *Разлом* не столь фатален для общества, длительность его ликвидации несопоставима с ликвидацией социокультурного раскола и может составлять обозримое время, определяемое успешностью внутренней политики страны и имеющимися для этого внутренними и внешними ресурсами.

собственности, на которой основывалась раздаточная, или дистрибутивная экономика советского периода. При переходе к рыночной экономике были нарушены институционный порядок и уравнительное распределение потребительских ресурсов, которые существовали в советское время. Общество перешло от советского типа цивилизации к псевдорыночной постсоветской, т. е. гетерогенному типу цивилизации с сохранением рудиментов советского периода и даже досоциалистических укладов.

Третий разлом имеет отношение к исторически сложившемуся неравномерному развитию регионов. Беспрецедентная протяжённость страны, образовавшаяся в результате присоединения территорий с более низким модернизационным уровнем, иным образом жизни населения, системой национальных и религиозных ценностей, в основном расположенных вблизи границ государства, обуславливает существование нескольких типов субцивилизаций. Если воспользоваться таким апробированным показателем, как индекс модернизации регионов, то можно видеть, что наряду с регионами, вступившими или уже пребывающими на информационной стадии развития (их меньшинство), большая часть регионов находится на индустриальной стадии, а в некоторых ещё превалирует доиндустриальное аграрное общество с устойчивыми традиционными ценностями [24]. В России ещё и сегодня сосуществуют осколки различных цивилизационных эпох, которые вплетены в общественную ткань на отдельных территориях и социальных ареалах. Традиционное, аграрное общество во многих своих чертах сохраняется в тех регионах, где уровень первичной модернизации не перерастал во вторичную модернизацию многие десятилетия советского и ещё более укрепился в постсоветский период (Республики Алтай и Тыва, некоторые регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, другие регионы и территории) [2]. Большинство российских регионов находятся на индустриальной стадии развития со средним и высоким уровнем урбанизированности и доминированием индустриального производства, а меньшая часть регионов (Москва, Санкт-Петербург, Московская область, некоторые другие) вступила в информационную стадию. Таким образом можно утверждать, что необходимая стране модернизация будет способствовать её цивилизационному развитию, переходу к современному информационному обществу. Вслед за Н. В. Мотрошиловой, которая соглашается с точкой зрения китайских учёных, говорящих, что «модернизация – один из видов фундаментальных изменений человеческой цивилизации с XVIII в.», можно сказать что это «изменения в деятельности, поведении, процессе, содержании, структуре, системе и самой идее человеческой цивилизации» [16, с. 46]. Цивилизационные изменения следуют за процессами модернизации при новом соотношении традиционных ценностных структур и элементов модернизации.

При наличии отмеченных цивилизационных разломов стране угрожают социальные напряжённости, чреватые латентными и открытыми конфликтами. Сегодня самое острое противостояние сформировано на базе социально-экономических различий по качеству жизни населения,

которое имманентно всем трём разломам: по характеру и содержанию труда, по уровню жизни населения и по модернизационным различиям между регионами.

Что же сегодня скрепляет страну и создаёт возможность единого цивилизационного пространства? Пока «склеивание» на основе идеологии, сформированного общественного самосознания, системы ценностей, по мнению многих экспертов, не является решённой задачей, можно говорить преимущественно о скрепах объективного порядка, в основном институционального характера: единое государство, реализующее свои внутренние и внешние функции; централизованная система управления, право; единая экономическая, военная и социальная инфраструктура, основанная на государственной собственности; хозяйственные связи; единые для страны социальные институты: государственная система образования, здравоохранения, социального обеспечения. Скрепы субъективного порядка (идентификационные составляющие цивилизации: историческая память, единый государственный язык, культура, идентификация со своей страной, социальной общностью, коллективом) находятся в нестабильном состоянии, подвергаются в разной степени деформации, в том числе, вследствие названных выше цивилизационных разломов.

В каком соотношении находится то, что разделяет и что объединяет общество, каковы тенденции изменения этих соотношений? Насколько социальная и экономическая политика государства может способствовать (если действительно может?) сокращению разломов, и как действуют инерционные процессы, зависимость от предшествующей траектории общественного развития? Сейчас инерционность процесса поддерживается пассивным поведением большинства общества, неспособного или незаинтересованного в изменениях. Управляемый процесс сокращения разломов в настоящее время зависит почти исключительно от вмешательства государства, поскольку именно государство при слабости гражданского общества и пассивности индивидов является самым активным актором изменений или стагнации общественного развития. Наряду с отмеченными выше институциональными скрепами, цивилизационным интегратором/деинтегратором общества выступают политика правящей элиты, если она согласуется/не согласуется с интересами большинства и учитывает/не учитывает интересы меньшинства, и социальная политика государства, способствующая достижению согласия/противостояния внутри общества по основным доминантам развития (образование, здоровье населения, качество жизни, права и свободы человека). Что в российском обществе может способствовать его сплочению, если гражданское общество находится в зачаточном состоянии, очётливо обозначились тенденции индивидуализации сознания и поведения, особенно в молодёжных когортах и некоторых профессиональных (в основном в высококвалифицированных, образованных) группах населения?

Методология исследования

Приблизиться к ответу на поставленные вопросы может помочь анализ российского общества в рамках теории структуризации Энтони Гидденса [9]. Э. Гидденс, предложил использовать термин «структуризация» для анализа социальных отношений в пространстве и времени, для обозначения результата взаимодействия существовавшей прежде социальной структуры с деятельностью актора (индивида, общности, института). В свою очередь, понятие «структура» используется в теории структуризации для обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлечённых в систему социального воспроизводства; институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы во времени и пространстве. С точки зрения теории структуризации, при анализе общества и его элементов нельзя ограничиваться только структурой или составом в определённый момент времени; необходимо изучить, какие общественные процессы вызывали структуризацию общества, какие правила действовали и какие ресурсы вовлечены в тот процесс, который обеспечил систему социального воспроизводства и изменения данной структуры [9, с. 29]. Для такого анализа нужно располагать надёжными сведениями о воспроизводстве в обществе регулярных социальных практик, оказавших своё структурирующее влияние в тот или иной период времени. Материалами для такого анализа в данной статье служат документальные свидетельства, данные официальной статистики и результаты исследований, которые проводились автором и другими учёными и практиками. Модальностью предлагаемого анализа является посыл «есть», а не «должно быть», ибо, как пишет М. Маклюэн, «оценке и терапии должно предшествовать описание и постановка диагноза. Прибегать к моральной оценке вместо диагностики – процедура довольно распространённая, но вряд ли плодотворная» [15, с. 13]. Попробую следовать его совету. В качестве материального и социального ресурса, воздействующего на структуризацию российского общества будет рассмотрена собственность как социальный институт, составляющая основу системы общественных отношений в их цивилизационной определённости.

Собственность как фактор цивилизационного развития. Россия в переходе к постсоциалистической системе собственности

Среди факторов цивилизационного развития России и её разломов важная, если не центральная роль принадлежит отношениям собственности. Собственность – исторически определённый способ присвоения людьми предметов производственного и непроизводственного (личного) потребления. Она связана с вещью (материальной или идеальной) – предметом присвоения, но одновременно представляет

собой и отношение между людьми по поводу вещи [11]. Отношение к вещам выражается через владение, пользование и распоряжение и определяет отношение между людьми, социальными группами по поводу вещей, средств производства и т. д.

Собственность как социальный институт создаёт относительно устойчивые типы и формы отношений в рамках социальной организации общества. Отношения собственности – это прежде всего экономические и юридические (правовые) отношения, т. е. экономические отношения собственности предстают в юридическом облики. Но вместе с тем собственность как социальное отношение несёт в себе такое исторически обусловленное содержание, как нормы морали, справедливости, индивидуальной и общественной пользы, и таким образом она воплощается не только в юридических формах, но и в обычаях, культурных образцах, привычках, типах мышления и моделях поведения.

Как отмечает видный российский юрист С. С. Алексеев, «при развитых общественных отношениях, характерных для вступления человечества в состояние цивилизации и становления демократии, право собственности всё больше утверждается в качестве института цивилизации, строящегося на строго юридических началах, таких как закрепление тех или иных прав, тем более «полных», «абсолютных», в официальных, признаваемых в обществе источниках (законах, иных нормативных правовых актах) ... Такого рода подчинение собственности строго юридическим началам означает ... *оцивилизацию собственности* и одновременно включение её в качестве одного из мощных факторов экономического и социального развития общества» [1, с. 29].

Россия в своём историческом развитии не пошла по пути формального закрепления собственности в частных руках с опорой на юридически-правовые нормы. В основе хозяйствования лежало *условное* владение землёй: дворянам – за царёву службу, крестьянам – за службу помещику. Эту мысль И. В. Киреевского подчёркивает И. Н. Сиземская в своей статье [26]. Следствием было то, что в России право индивида ориентировалось на «внутреннюю справедливость», соотносимую в общественном и индивидуальном сознании с бытующими представлениями о должном. Тогда как в западной цивилизации закрепился приоритет общественных связей, основанных на утверждённом в законе частном интересе обособленного индивида. Переориентация на западную модель отношений собственности претерпела в России с разной степенью успеха несколько попыток, в том числе и на памяти наших современников.

Современные отношения собственности в России прямо влияют на структуризацию общества, его цивилизационное состояние и, кроме того, несмотря на бурную историю страны, несут на себе инерцию общественного развития с зависимым положением человека, находящимся в условиях несвободы. Не углубляясь слишком в историю, а находясь в горизонте с начала XX в. по настоящее время, можно различить узловые события, повлиявшие на изменение структуризации общества. Эти изменения прослеживаются по результатам исследований, проводившихся

учёными и практиками, свидетелями этих изменений. Исследования показывают, что отношения собственности в России претерпевали непрерывные изменения: на одних этапах происходило движение к укреплению частной собственности, на других – эти отношения практически разрушались под напором власти, которая иногда делала послабления, но затем вновь предпринимала радикальные шаги к устранению частной собственности.

Собственность в полном объёме своих специфических качеств – это в основе собственность частная, а субъект собственности может быть представлен частным лицом, государством, группой лиц, смешанным собственником – корпоративным, государственным и частным в разных конфигурациях. Как подчёркивает С. С. Алексеев, не формы собственности, а субъект собственности определяет её функционирование. Он же формирует общие социальные функции собственности, которые наиболее ярко проявляются в обстановке экономической свободы: обладание частной собственностью является мотивационной основой активностей, в том числе творческих поисков; собственность допускает риск в хозяйственной деятельности, который возможен только при отношении к объекту собственности как к своей вещи; существует полная ответственность собственника за результаты использования своего имущества; происходит обратное вложение (инвестирование) результатов деятельности в функционирование собственности. Эти функции частной собственности обуславливают её роль в увеличении материального и интеллектуального богатства общества, но при условии, что собственность существует при безусловном действии законов и нормативных правил. Конечно, такая «чистая» ситуация не часто встречается в жизни, особенно в обществе, в котором происходит ломка общественного устройства, как это было в России в конце XX в.

С окончанием советского периода в истории России произошло несколько волн изменений в отношениях собственности, сопровождавшихся столкновением интересов больших групп людей, коллективов и отдельных индивидов. Этот переходный период, который можно определить как состояние нестабильности, неуверенности, когда будущее неопределённо, продемонстрировал в короткий отрезок времени несколько гипотетических вариантов развития российской цивилизации, связанных с изменениями отношений собственности. По большому счёту происходило противостояние частного интереса, проекта либерального развития по западным «образцам» через обретение частной собственности отдельными социальными группами и индивидами, и слабеющего государства в лице аппарата управления, который лишился инструментов влияния на собственность. Этот вариант связан с безусловным доминированием частной собственности и отношений на её базе. Второй вариант предполагал удержание собственности государством и, соответственно, продолжение развития по социалистическому, или смешанному цивилизационному сценарию. Но реально произошла гибридизация частнособственнических отношений и сохранение госу-

дарственной собственности в различных формах – как напрямую, так и через назначенных от лица государства владельцев и управляющих собственностью.

Кардинальное изменение отношений собственности, начавшееся в России в начале 1990-х гг., означало изменение социально-экономического строя в стране, ликвидацию монополии Коммунистической партии, начало капиталистических преобразований, перехода от плановой к рыночной экономике. Побудительные причины таких изменений лежали в глубоком экономическом кризисе российской экономики, который был вызван резким падением цен на нефть, исчерпанием ресурсов развития в рамках плановой экономики, отсутствием действенных механизмов и стимулов, мотивирующих высокоэффективную работу [6]. Не последнюю роль сыграло наличие активных лоббистов ускоренной приватизации государственной собственности, оказавших влияние на руководство страны. Разгосударствление собственности было определено как ключевая стратегия экономической реформы, позволяющая создать эффективного собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции. Такая ориентация была подготовлена предприватизацией собственности в советский период, когда со смягчением политического режима в 60-е гг. XX в. началось формирование *протокласса* крупных собственников, представленных директорами и крупными чиновниками, распорядившимися вверенными им объектами государственной собственности не просто как управленцы, но и как реальные хозяева, осознающие себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами [31, с. 113].

Сама экономическая реформа (90-е гг. XX в.) с самого своего начала напоминала напряжённое противостояние в борьбе за собственность, поглотившее внимание всей страны. В. Бибихин ярко запечатлел этот процесс: «В той войне за собственность, которая сейчас идёт уже по всему пространству в важном смысле ещё не бывшего Советского Союза, – она уже захватила всех так глубоко, до оснований человеческого существа, что гражданская война в виде открытого военного противостояния у нас невозможна, ей некуда вместиться, злости на неё уже не хватит, потому что её не хватает людям на войну за собственность, – люди падают задолго до того, как бросятся друг на друга и незаметно для себя, в раннем начале погони упустив спросить, кто такие они сами, которые её ведут» [8, с. 39–46]. Проводившиеся реформы, не обеспеченные законодательно и не прозрачные для всего общества, якобы предусматривали переход страны на европейский путь развития, вступление в клуб западных стран с рыночной экономикой, частной собственностью и свободной конкуренцией. Но реально произошла концентрация монопольной государственной собственности в частных руках, что лишило основную часть населения, зависящую от бюджетного финансирования, источников средств к существованию, которые обеспечивались за счёт функционирования этой собственности. Ключевые социальные последствия изменений отношений собственности в России

состояли в изменении социальной структуризации общества и углублении социального неравенства; деформации стартовых возможностей и социальных лифтов для людей из разных социальных страт; в утрате социально-политической консолидации в обществе, связанной с представлением о справедливости и законности в перераспределении государственной собственности. Интуитивные предположения людей были впоследствии подтверждены фактическими данными. Действительно, среди российских олигархов конца XX в. более половины были выходцами из советской политической элиты [18, с. 140–146]. До сих пор вмешательство государства в распределение собственности обогащает богатых и приближенных к власти, обедняя бедных.

В истории разгосударствления собственности в постсоветской России выделяются несколько этапов. Начальный, предприватизационный этап (с 1985 г.) начался с создания при государственных предприятиях кооперативов, в которых руководство и члены их семей получили возможность использовать государственную собственность для получения прибыли в личных целях. В рамках официального первого этапа были проведены так называемые малая и чековая приватизации (1992–94). Малая приватизация – продажа предприятий через аукционы позволила приватизировать до 70% предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Чековая приватизация (ваучеризация) крупных и средних предприятий дала преимущества при приватизации предприятий директорам и управленцам, а также теневым структурам, действующим через чековые инвестиционные фонды и использующих близость к организаторам приватизационного процесса. Отсутствие чёткого правового регулирования, открытие рынков капитала привели к перетеканию собственности по криминальным каналам и к выводу активов за рубеж.

Второй этап – с 1995 г. – залоговые аукционы, проведённые с целью пополнения государственной казны за счёт кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупнейших государственных монопольных компаний. Ведущие предприятия нефте-газового сектора, крупнейшие порты, металлургические предприятия, находящиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене и положили начало олигархической прослойке в составе предпринимателей. Реализации этого этапа содействовало несколько условий: фактический провал денежной приватизации 1995–96 гг. (прежде всего – отсутствие спроса на большинство продаваемых крупных пакетов акций); совпадение интересов правительства (пополнение доходной части бюджета любыми методами) и ряда банков (захват с минимальными издержками контроля в некоторых промышленных и добывающих корпорациях); наличие огромной задолженности предприятий бюджету и друг другу; развёртывание новой войны за собственность между крупнейшими финансовыми и промышленными группировками России. К началу 1998 г. этот вариант был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз»,

«Лукойл», а также РАО «Норильский никель» Перетекание монопольной государственной собственности в частные руки проходило в отсутствие сформированный в стране демократии и верховенства закона. В этих условиях механизм частной собственности с неизбежностью ограничивается государственным произволом и передачей собственности в «свои» руки [23, с. 3–32]. Кроме того, руководство страны было заинтересовано в опоре на ведущие предприятия для сохранения бюджетных доходов и социальной стабильности в стране. Современные события как бы повторяют те сюжеты, которые известны из истории предпринимательства в дореволюционной России, современные события демонстрируют инерцию исторического развития в полной мере. Зафиксировано немало эпизодов противоборства государственных ведомств и лиц, занимающих высокие управленческие посты, и крупных владельцев частной собственности России. Нередко оказывалось, что якобы защищали государственный интерес, а личная выгода становилась приятным бонусом для чиновников. Показательный пример – разорение крупнейшего предпринимателя и мецената России Саввы Мамонтова. Здесь главную роль сыграл министр финансов Сергей Юльевич Витте. В конце XIX в. права Московско-Ярославско-Архангельского общества, которое возглавлял Мамонтов, на принадлежавшую ему железную дорогу от Москвы до Архангельска со всем её имуществом в явное нарушение всегда отстаивавшегося русским правительством принципа неприкосновенности частной собственности были аннулированы, а все акции его были принудительно отчуждены в казну по убыточной для акционеров цене. Мамонтов был разорён, а железную дорогу Пермь — Котлас, важнейшую часть которой как раз и составляла линия Петербург – Вологда — Вятка, в дальнейшем строил родственник жены Витте инженер Быховец, а Архангельско-Ярославской дорогой одно время управлял другой её родственник — врач Леви [13]. После ареста и пребывания Мамонтова в течение нескольких месяцев в тюрьме, его вина не была доказана, но он был полностью разорён и прекратил свою деятельность предпринимателя и мецената.

Третий этап – «точечная приватизация», длящаяся с 1996 г. по настоящее время, отличается продажей государственных и муниципальных предприятий через инвестиционные конкурсы, зачастую далеко не прозрачные, допускающие сговор претендентов. Крупная собственность продается на внутрироссийских и зарубежных биржах. Кроме того, продолжается интенсивная смена собственников в результате рыночных операций продажи, слияния, разделения, выделения объектов собственности, а также ожесточённых акционерных войн. До сих пор практикуется отъём собственности путём прямого рейдерского захвата либо процедуры банкротства в пользу «своих» людей, другие противоправные действия. Все чаще звучат призывы национализации крупной частной собственности.

На всех трёх этапах официальной приватизации отмечается участие в ней криминальных группировок, а также силовых структур, использующих как «мягкие», так «жёсткие» методы вступления в права

собственности. Институциональная неподготовленность реформы собственности в России – это ещё одно свидетельство несвоевременности развития, когда сила общественной инерции, усиленная властным аппаратом, успешно сопротивляется развитию рыночных механизмов.

Потенциал частной собственности как фактор цивилизационного развития страны у основной массы населения России в первые постсоветские годы был практически дискредитирован. Высказывания типа «мы построили бандитский капитализм» были самыми слабыми для выражения отношения к приватизации государственной собственности. Обратим внимание на мнение безусловного сторонника рыночной экономики и частной собственности, видного венгерского экономиста Яноша Корнаи, который писал, что в России все характеристики стратегии ускоренной приватизации «проявились в крайней форме: навязанная стране ваучерная приватизация вкупе с массовыми манипуляциями при передаче собственности в руки менеджеров и приближённых чиновников. В этих условиях произошла не имеющая прецедентов в истории «реформа собственности», в ходе которой природные ресурсы страны, особенно нефть и газ, были фактически экспроприированы «олигархами»¹. Корнаи высказал поддержку стратегии органического, постепенного роста частного сектора, которая была осуществлена, например, в Польше и Венгрии.

К настоящему времени в России сложилась иерархия бизнесов и предприятий по их размерам и роли в экономике. К крупному бизнесу относятся экономические агенты, которые в процессе текущего функционирования оказывают существенное влияние на национальную экономику в целом или, по крайней мере, на некоторые её сектора, существует в четырёх видах: национальная корпорация, интегрированная бизнес-группа, компания и независимое предприятие. Крупный бизнес, как правило, выходит на глобальные рынки, использует ресурсы всемирного хозяйства – финансовые, трудовые, сырьевые. В России основная часть крупного бизнеса базируется на сырьевых ресурсах, извлекает природную ренту, является основным налогоплательщиком и донором остальной экономики. Этот бизнес будет ещё долго оставаться основным спонсором внедрения инноваций не только в своей, но и в других отраслях. Национальные корпорации как часть крупного бизнеса по своей государственной природе стремятся к поддержанию целостности и развитию общества.

Нельзя сказать, что в научном дискурсе проблема участия «групп интересов» в переделе государственной собственности и создании на её основе крупных бизнесов получила адекватное рассмотрение. Исключения составляют немногие работы [3; 18; 19; 20; 21], в основном эта тема представлена в публицистике.

Средние предприятия, наряду с малыми, – это наиболее подвижные и восприимчивые к инновациям субъекты экономики. Малые и микропредприятия выполняют в основном социальную функцию обеспечения

¹ URL: <http://www.r-reforms.ru/kornai.htm> [дата обращения: 10.04.2019].

занятости и предоставления услуг населению¹. В 2018 г. в России было 2 млн 660 тыс. малых и микропредприятий и 13,7 тыс. средних предприятий, в них работали на постоянной основе 10,7 млн и 1,5 млн работников соответственно, что составляло 24,3 и 3,3% в среднесписочном составе всех занятых в экономике России. Казалось бы, малых и средних предприятий в России довольно много, но если посмотреть на тенденции их изменений, то картина не столь радужная. С 2017 по 2018 г. число малых предприятий сократилось на 100 тыс., а во время пандемии ещё больше. Средние предприятия более устойчивы, и за этот период их число выросло на 380 единиц².

Заметим, что по сравнению с другими странами, например, с Китаем и Германией, у нас занятость на малых предприятиях в несколько раз ниже. Основные сферы деятельности малых предприятий – оптовая и розничная торговля, строительство и ремонт, операции с недвижимостью. Быстро стали развиваться в последние годы предприятия в информационной сфере, при производстве компьютеров, электронных и оптических изделий. В этих отраслях удельный вес предприятий, осуществляющих инновации, самый большой. Но для основных, традиционных отраслей, инновации не являются первоочередной задачей.

По опросу предпринимателей, которое проводит Росстат, и по многочисленным социологическим исследованиям, ограничение инвестиционной активности малых предприятий связано в первую очередь с неопределённостью экономической ситуации в стране. Между тем в России есть неплохой потенциал для развития предпринимательской активности. Почти половина респондентов хотели бы работать на себя (быть самозанятыми или открыть собственное дело), для детей этого желают около 60% опрошенных. Всё большая часть общества уходит от надежды и расчёта на патернализм государства, желает активно участвовать в реализации индивидуальных сценариев своей жизни. Особенно это характерно для молодёжи. При таких общественных настроениях становится острой проблемой привлечение квалифицированных наёмных работников даже на высокотехнологичные предприятия. Во многих регионах возник дефицит кадров на рынке труда.

Собственность на землю: немного истории и современность

Особое место в отношениях собственности в России занимает собственность на землю. Можно выделить пять кардинальных изменений в отношениях к земле, произошедших в России за последние

¹ К средним предприятиям относятся имеющие от 101 до 250 сотрудников и доход до 800 млн руб.; к малым – от 16 до 100 сотрудников и доход до 800 млн руб.; микропредприятия располагают сотрудниками до 15 человек и доходом до 120 млн руб.

² Малое и среднее предпринимательство в России. 2019. Стат.сб. М.: Росстат, 2019. С. 12.

160 лет. В соответствии с первой Земельной реформой 1861 г., собственность на землю сохранялась за помещиками, но крестьяне, находившиеся у них в крепостной зависимости, получали юридическую свободу и наделы на условиях последующего выкупа или отработки. По материалам 10-ой народной переписи, проходившей с 1857 по 1859 гг., численность крепостных крестьян в России составляла 23,1 млн душ обоюбого пола, в том числе в Европейской России и в Сибири 22,6 млн. Из 67 млн жителей Империи 34% населения находились в крепостном или несвободном состоянии. Помещичьи крестьяне и дворовые вместе насчитывали 21,9 млн душ, к разным ведомствам относились еще 86,8 тыс., приписанные к заводам и фабрикам – 519 тыс. По 10-й переписи в России было около 107 тыс. помещиков. В некоторых губерниях, в основном в Европейской России, крепостные составляли более 70%, но в Сибири их число было немного более одной тысячной доли населения [12, с. 51, 64, 86].

Хотя крестьянская реформа Александра II не изменила единовременно зависимость крестьян, юридически отменив крепостное право и сделав их свободными, однако она постепенно создала условия для его отмены как социально-экономического института. Община сохранилась и стала выполнять не только свои традиционные функции, но и приобрела функции контроля над крестьянами, которые ранее выполнял помещик. При этом все крестьяне (помещичьи и казённые) оказались в равных правовых условиях, и их жизнь регулировалась одними законами. Это создавало условия для появления разных вариантов производственной деятельности и поведения. Вследствие этих новых условий и под давлением обстоятельств (прежде всего из-за недостатка земли в некоторых губерниях) стал возможен рост рабочего класса, требуемый для развития промышленных предприятий, возникли массовые перемещения из центральной России на Восток страны и на южные окраины. Крестьянская реформа стала катализатором изменения структуры общества, создала предпосылки для его модернизации. Даже при сохранении коллективной общинной собственности вплоть до начала XX в. из деревни начали выделяться активные люди, ищущие новых форм жизни, уходящие постепенно от традиционных корпоративных ценностей деревни, перемещающиеся на Восток страны.

Вообще структура населения России к концу XIX в. стала довольно разнообразной при одновременном сохранении патриархальных, традиционных отношений. Это наглядно демонстрируют материалы первой Всероссийской переписи населения, проведённой в 1897 г. по специально разработанной программе, включавшей 14 вопросов по основным объективным характеристикам населения¹. По данным переписи, в России проживало 125 680 682 чел., на 100 мужчин приходилось 101,05 женщин. Средний возраст составлял 25,16 лет. Домохозяйства в среднем состояли из 5,8 чел., 8,6% домохозяйств пользовались наёмным трудом, при этом

¹ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года: I-II. [Т.] 1 СПб, 1905.

22,3% городских домохозяйств имели прислугу, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге 42,4 и 35,4% хозяйств соответственно. На момент переписи в городах проживало только 13% всего населения. Число жителей в четырёх городах – Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Одессе составляло 3 391 018 чел., или 20,5% всего городского населения Империи. 78,9% населения европейской части Российской империи было неграмотным, при этом неграмотных женщин было в 2,2 раза больше, чем мужчин. Самым крупным городом страны был Санкт-Петербург (1 264 920 жителей). По вероисповеданию население разделялось на следующие группы: православные и старообрядцы – 69,9%, мусульмане – 10,8%, католики – 8,9%, протестанты – 4,8%, иудеи – 4,0%, буддисты – 0,3%. В переписи была зафиксирована структура населения по занятиям: дворяне и чиновники составляли 1,47% по стране, в Москве – 6,59, в Санкт-Петербурге – 9,68%. Лица духовного звания всех христианских исповеданий составляли 0,47%, крестьян было подавляющее большинство – 77,1%, но, как пишут авторы сводного тома по итогам переписи, с учётом казаков, инородцев и части мещан, которые по роду своей деятельности не отличались от крестьян, общая численность лиц, занятых сельскохозяйственным трудом, достигала 90% населения России, а в ряде губерний ещё больше, например, в Вятской – 97,2%.

При такой структуре населения с преобладанием лиц, занятых сельским трудом и проживающих в сельской местности, при значительной связи сельского населения с общиной, небольшой по сравнению с европейскими государствами долей городского населения и малым числом лиц, занятых в промышленности, стране требовалась модернизация, в том числе в отношениях собственности и организации межхозяйственных связей.

Этим задачам отвечала так называемая Столыпинская реформа, которая была направлена на реорганизацию отношений собственности и формирование слоя собственников земли, имеющих перспективу создания крупных фермерских хозяйств. Реформа не затрагивала правового статуса помещичьих земель, её основное содержание было направлено на закрепление права крестьян на выход из общины со своей земельной долей. Но при этом связь с общиной у них не порывалась, отделившийся крестьянин мог пользоваться общинной землёй – пастбищами, лесными угодьями. Реформа позволила части крестьян продать свою землю и купить участок в другом месте, и даже переселиться из центральной России за Урал. За 1906–14 гг. на восток России переселились свыше 3,7 млн чел. на бесплатно выделенные переселенцам земли [25].

Таким образом, земля действительно стала собственностью крестьян. Правда, она не стала частной собственностью – были ограничения по операциям с ней: её можно было продать только представителям крестьянского сословия, нельзя было заложить или подарить. За годы реформ во владении крестьян оказалось 36,7 млн га земли, в том числе к хуторам и отрубам относилось 13,1 млн га. Многие

частные хозяйства успешно развивались, а создание в восточной части страны сельскохозяйственных производств обеспечило продовольственное снабжение России во время Второй мировой войны. Столыпинская реформа закладывала не только возможности для развития крупного сельскохозяйственного производства на *своей* земле, но и создавала предпосылки для становления элементов гражданского общества, которые возможны преимущественно как сфера самопроявления, самоорганизации свободных граждан, имеющих права и обязанности, защищающих свой индивидуальный и корпоративный интерес, создающих для этого общественные организации, взаимодействующие с властью в отстаивании своих прав. Как говорил Столыпин, «поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению» мы заложили то основание, «на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание» [29, с. 62].

После октябрьского переворота 1917 г. первым принятым декретом Советской власти был декрет «О земле», по которому земли помещиков, церквей и монастырей конфисковались. Декретом «О социализации земли» 1918 г. частная собственность на землю отменялась, и земля передавалась трудящимся на началах уравнительного землепользования. Однако по прошествии 10-ти лет, в декабре 1927 г. была принята резолюция XV съезда ВКП(б), который провозгласил «Курс на коллективизацию» и ставил задачи: 1) создать «фабрики зерна и мяса»; 2) обеспечить условия для применения машин, удобрений, новейших агро- и зоотехнических методов производства; 3) высвободить рабочую силу для строек индустриализации; 4) ликвидировать разделение крестьян на бедноту, середняка и кулака. Переход к политике коллективизации начался летом 1929 г., проводился с использованием репрессивных методов, когда около 1 млн семей были высланы в отдалённые районы, часть «кулаков» была арестована и приговорена к смерти. Раскулачивание стало инструментом форсирования коллективизации, подавления сопротивления насильственному обобществлению земли. В результате к 1937 г. 93% крестьянских хозяйств было объединено в 243,7 тыс. колхозов, государственная земля закреплялась за колхозами в вечное пользование [10]. Совхозы создавались на землях из государственных фондов. Частная собственность на землю была практически ликвидирована,

Следующая – пятая за 130 лет реформа по смене формы собственности на землю произошла после распада Советского Союза. В курсе на развитие рыночных отношений нашлось место и для земли. В соответствии со статьями 9 и 36 Конституции РФ, принятой в 1993 г., и введёнными позже поправками, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Это была

уже третья крупная попытка (первые две – реформы 1861 и 1907 гг.) создать на селе частного владельца земли – собственника-хозяина, более эффективного, чем сельская община или коллективные сельскохозяйственные предприятия, созданные в советский период¹. Разделение колхозной и совхозной земли на пай и передача их безвозмездно работникам этих предприятий породило многочисленных номинальных земельных собственников, большинство из которых не смогли организовать на этих землях эффективные хозяйства в силу разных причин; в результате многие земли остались неиспользованными. В последующем часть из них была продана более предприимчивым лицам, другая осталась заброшенной и попала на «серый» земельный рынок. Но важно отметить, что было реализовано право собственности на землю (впрочем, организационно недостаточно хорошо продуманное), которое могло передаваться по наследству, продаваться; появилось и право распоряжения земельной долей: её стало можно внести в уставный капитал сельскохозяйственного предприятия или сдать в аренду как целиком, так и частями. В статье 36 Конституции РФ сказано: «Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю... Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц»².

Реальность оказалась сложнее либеральной идеи создания эффективного собственника земли по типу западного фермера. Предполагалось, что земля войдёт в свободный рыночный оборот, будет концентрироваться у более успешных земледельцев и позволит нарастить производство сельскохозяйственной продукции. Но оказалось, что значительная часть земли так и не была оформлена в собственность, была брошена на произвол судьбы, поступила в теневой оборот или переоформлена местной властью в статус земель несельскохозяйственного назначения, перепродана по завышенной цене под жилищное и дачное строительство. Не удалось создать массового эффективного фермера. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 2016 г. (ВСХП) только за 10 лет – с 2006 по 2016 г. число сельскохозяйственных организаций сократилось с 59,2 тыс. до 36,0 тыс., или в 1,6 раза. При этом значительно уменьшилось и число крестьянских, фермерских хозяйств – почти в 2 раза, немного выросла численность индивидуальных предпринимателей и индивидуальных хозяйств населения³. В 2016 г. 23,7% сельскохозяйственных

¹ Указом Президента Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» был установлен срок принятия коллективами сельскохозяйственных организаций решений о переходе к частной, коллективно-долевой и другим формам собственности на землю до 1 марта 1992 г.

² URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>

³ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: кн. 1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Российской Федерации. С. 13.

организаций, а также 33,9% крестьянских (фермерских) хозяйств не вели свою основную деятельность. В ряде регионов число «заброшенных» хозяйств было ещё больше. Например, в Ханты-Мансийском АО, Московской и Калининградской областях более 50% сельскохозяйственных организаций не осуществляли свою прямую деятельность. В ряде регионов крайне высокая доля «заброшенных» крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств индивидуальных предпринимателей. Например, в Ярославской области доля таких хозяйств достигла 80,7%. Зафиксировано также увеличение числа неиспользуемых личных и других индивидуальных подсобных хозяйств. Причины – низкая рентабельность таких хозяйств, отсутствие необходимого финансирования и технического оснащения. В результате на селе возникло новое социальное явление – массовый наём работников (постоянных и временных) в более успешных частных хозяйствах – фермерских и индивидуальных предпринимателей. По ВСХП в 2016 г. их число (видимо, заниженное по разным причинам такого занижения) составило почти 165 тыс. человек. Вместе с занятыми на крупных предприятиях численность наёмных работников в сельском хозяйстве весьма значительная. Это новая социальная группа на селе, которая в перспективе будет только увеличиваться и создавать новую социальную ситуацию, связанную с тем, что часть этих работников уже сейчас отказывается от ведения личного подсобного хозяйства, а часть пополняет сельский прекариат – слой людей с нестабильной занятостью и низким уровнем жизни. До четверти сельских жителей, по опросу 2015 г., могут быть отнесены к этой категории населения [30, с. 7–33].

Несмотря на сокращение числа фермерских хозяйств и благодаря их укрупнению они стали вносить весомый вклад в производство зерна и семян подсолнечника (32,2% всего объёма производства этих культур). Часть фермерских хозяйств оказалась жизнеспособной в России, особенно в южных регионах.

За годы земельной реформы происходила концентрация земель в крупных хозяйствах. Создаваемые с конца XX в. агрохолдинги и крупные предприятия стали основными владельцами сельскохозяйственных земель в России, получают всемерную поддержку государства, региональных и муниципальных властей, к ним поступают финансовые вливания. Таких преимуществ нет у фермерских и крестьянских хозяйств, поэтому их число сокращается, а сельские территории «опустыниваются» и социально «умирают». Эти процессы идут вразрез с тенденциями в развитых экономиках мира, где фермерские хозяйства преобладают и укрепляют своё взаимодействие с крупными производителями на основе контрактных соглашений.

Таким образом, развитие отношений собственности на землю в России полно противоречий, которые не устраняются властью при помощи политики развития многоукладности в сельском хозяйстве, учитывающем интересы различных групп сельского населе-

ния, в том числе владельцев небольших наделов земли. Государство и местные власти пошли по пути создания и поддержки крупных агрохолдингов (для них уже есть даже название – «олигархозы», предложенное А. Никулиным [17, с. 17–34]. Фермерские и крестьянские хозяйства массово лишены такой поддержки и это ограничивает раскрытие потенциала частного владения землёй, что дополняется наследием десятилетних традиций зависимого «коллективного» хозяйствования в советский период.

Вместо выводов

Цивилизационное развитие России зависит от институциональных преобразований отношений собственности, от установления чётких правовых условий, не ущемляющих интересы частных собственников и ограничивающих внеправовое административное воздействие на них со стороны органов власти. Преобразование отношений собственности оказало большое влияние на возникновение новой социальной структуры населения. Сегодня в России 93,2% официально занятого населения работают по найму, в том числе у юридических лиц 80,1%, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц 12,2%)¹. Среди тех, кто работают не по найму (6,8% всех занятых), работодатели (владельцы предприятий) составляют только 1,4%, самозанятые 5%. При этом ещё 20% населения работает в неформальном секторе экономики – в хозяйствах, не оформленных как юридическое лицо. Таким образом, в России одна треть занятого населения не связана с государственной собственностью. Именно частный сектор наполнил рынок для населения товарами – импортными и собственного производства, развил услуги в частном строительстве, отдыхе, туризме, общественном питании и т. д. Даже в деформированном виде частные стимулы развития экономики оказали своё положительное воздействие на удовлетворение потребностей населения.

Общественные настроения по отношению к частной собственности и её владельцам, особенно к тем, кто самостоятельно создали и развивают свой бизнес, заметно изменились в лучшую сторону, особенно у молодёжи, которая наиболее активно создаёт свой бизнес «с нуля», используя знания в информационных технологиях. Например, из 25 самых успешных молодых (до 35 лет) предпринимателей России большинство составляют владельцы онлайн проектов. Молодёжь также составляет большую часть персонала в IT отрасли. Она имеет преимущества в обладании нематериальным капиталом, который приобретает всё больший вес как ресурс построения выгодного бизнеса, более прибыльный, чем обладание материальными вещами. Это происходит и на личностном уровне, и на

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019. Стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 54.

уровне государства, и в межгосударственных отношениях. Происходит неуклонное смещение центра силы общества в постсовременном мире к влиянию нематериальных активов.

Сегодня приватизация государственной и муниципальной собственности затронула все без исключения отрасли экономики. В результате не только в общем числе предприятий, но и в общем объёме производства, а также по численности работников государственная собственность стала уменьшаться. В 2000 г. на долю государственной собственности приходилось 25% основных фондов в экономике, а в 2019 г. только 15% (для сравнения – 91% в 1991 г.). Основная доля инвестиций в основной капитал также приходилась на предприятия частного сектора – 63,3%, в государственную и муниципальную собственность поступало 17,2% всех инвестиций. В частной собственности находилось более 80% от общего числа предприятий, на них в 2019 г. работало 49,3% всех занятых¹. Но почему же при таких масштабах частной собственности слабо проявляется её потенциал?

Ответ на этот вопрос неоднозначен. Во-первых, по мнению некоторых экспертов, размер частной собственности в официальных источниках завышен, к ней относят и те предприятия, в которых есть доля государственного участия. Поэтому говорить о чистоте критерия отнесения предприятия к частной собственности затруднительно. Во-вторых, не все предприятия частного сектора работают в конкурентной среде. Для некоторых создаются более благоприятные условия за счёт включения административного ресурса. В-третьих, низкий технический уровень производств и в частной, и в государственной собственности требует больших инвестиций. Доля инновационных компаний в России составляет менее 1%; на 10 тыс. работников приходится лишь один промышленный робот против 531 в Южной Корее, 176 – в США и 49 – в Китае². В-четвёртых, для частного бизнеса пока не создано гарантий невмешательства в его деятельность и признание его легитимности, чтобы он вкладывал свои средства в инновационное развитие производств. В Конституции России говорится, что «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». Но в сложившейся в России смешанной форме собственности, соотношение различных её составляющих нельзя признать оптимальным [6]. Дело в том, что не самая эффективная (государственная) форма собственности, доминирует не по количеству предприятий, а по обладанию материальными ресурсами. Реально объекты частной собственности находятся в менее выгодном положении, чем государственные, – по тарифам на услуги, по владению землёй, на которой они расположены, по интенсивности проверок контролирующими органами.

¹ Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. М.: Росстат, 2020. С. 119, 198, 314.

² URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/poteryannoe-desyatiletie-rossiyskaya-ekonomika-otstala-ot-mira-v-8-raz-1027547897>

В-пятых, возможности частной собственности ограничены коррупцией. По опросу предпринимателей, проведённому нами¹, самое низкое доверие представители бизнеса испытывают к проверяющим органам и организациям (им доверяют только 16%), для 56% опрошенных коррупция является значительным и очень значительным препятствием для бизнеса. Детализация этого вопроса выявила, что необходимость делать подарки или доплачивать возникает при общении со многими организациями, от которых зависит предприятие. На первых местах по упоминанию были полиция, проверяющие органы и муниципальные чиновники. При этом 40% опрошенных признались, что попадали в ситуацию, когда от них ожидали или требовали взятку при решении проблем их бизнеса. Реальную помощь предприниматели могут получить в основном от финансовых организаций и частных фирм, т. е. от организаций, с которыми у них взаимовыгодные рыночные отношения. Административная помощь доступна только некоторым предпринимателям, которые располагают этим социальным капиталом. При этом власть часто относится к бизнесу, «как к кошельку», 15% компаний убеждены, что власть рассматривает бизнес как питательную среду для коррупции.

В «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года»², разработанном Минэкономразвития России, намечалось существенно сократить государственный сектор в экономике, ликвидировать большинство государственных корпораций (не осуществляющих деятельность по обеспечению государственных обязательств), реализовать программу приватизации. В общей сложности принятый на 2020–22 гг. план предусматривает приватизацию 293 предприятий, семь из которых крупные, и более одной тысячи объектов другого имущества государственной казны³. Основные задачи – повышение конкуренции, привлечение денег на развитие компаний за счёт снижения доли государства в экономике (при одновременном сохранении контрольного пакета в стратегических предприятиях – до 50% плюс 1 акция),

¹ В 2016 г. опрошено около 100 предпринимателей. Три четверти из них в бизнесе более 5 лет, в равной степени представлены пять основных должностных позиций: (1) владелец фирмы, который не занимается её непосредственным управлением; (2) владелец фирмы и одновременно её директор; (3) наёмный директор фирмы; (4) руководитель структурного подразделения фирмы; (5) индивидуальный предприниматель. Основная часть опрошенных предпринимателей – люди с высшим образованием (68%), со средним профессиональным и средним образованием – по 16%. Это достаточно опытные люди, по возрасту только 20% до 35 лет, остальные 80% старше этого возраста – от 36 до 60 лет. В массиве опрошенных присутствуют представители большинства сфер хозяйства: промышленное и сельскохозяйственное производство, оптовая и розничная торговля, услуги населению – бытовые, туристические, бизнес-услуги, транспорт, строительство, здравоохранение. При этом размер организаций колеблется от менее пяти человек до свыше 250-ти. В выборке представлены все размеры населённых пунктов – от столицы до сельской местности и 6 географических регионов: Центральный, Северо-Западный, Поволжский, Южный, Сибирский и Дальний Восток.

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/

³ URL: <http://government.ru/docs/38757/>

рост качества корпоративного управления через привлечение частных акционеров. Не второстепенна и задача получения средств в бюджет для выполнения национальных проектов. Можно заключить, что правительством взят курс на приватизацию собственности, но одновременно в обществе происходит усиление централизации власти, растёт контроль за частным бизнесом, появилось желание привлекать его к финансированию (в том числе теневому) политических задач. При этом до сих пор не решены проблемы защиты прав собственности, верховенства закона и конкуренции, борьбы с коррупцией, реинтеграции России в мировую экономику, инвестиций в человеческий капитал. Заметную роль в составе «национально ориентированных элит» играют выходцы из силовых структур, добывающиеся льгот, помощи из бюджета на свои проекты¹.

Таково противоречивое отношение к собственности в России: с одной стороны, провозглашается защита частной собственности, но она функционирует не в конкурентной среде, а под патронатом государства и местных властей, а с другой, – собственник «конструируется» для полного контроля его деятельности и выполнения общегосударственных задач, как их представляет руководство. Как будут развиваться эти процессы, и не окажется ли вновь экономика фактически огосударствлённой и монополизированной со всеми вытекающими отсюда последствиями, о которых не понаслышке знает российское население, многие десятилетия испытывавшее товарный дефицит?

Вместе с тем во всех развитых странах в большей или меньшей степени государственные компании являются как бы страховым базисом для функционирования общества. Например, в Китае по-прежнему доля государства в экономике выше, чем в России, но там активно идёт приватизация. В странах Европы, например, во Франции, доля госсобственности велика, и государство играет огромную роль в инфраструктурных областях: в телекоммуникациях, транспорте и т. д. Совсем иначе устроена экономика США. Здесь морские порты, авиалинии и железные дороги – частные. Производители вооружения – тоже сплошь частные компании, работающие по госзаказу Министерства обороны США. В России разработку, производство и экспорт оружия осуществляет госкорпорация «Ростехнологии»².

В нашей стране эффективность крупных государственных (и с участием государства) предприятий складывается на основе не только экономических показателей, за ними закрепляется роль институтов развития. Наряду с экономической (коммерческой и бюджетной эффективностью) они должны обеспечивать *социальную эффективность* – улучшение среды обитания, в частности, её экологических характеристик, проведение природоохранных мероприятий, обеспечение обороноспособности страны и т. д. [24]. Но как управленец, достигающий высоких экономических результатов,

¹ URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/09/808435-20-vladimira-putina>

² URL: <https://www.ipnou.ru/print/010485/>

государство оценивается очень низко большинством экспертов, что объясняется слабостью корпоративного управления в госкомпаниях и недостаточно выраженным частным интересом.

В России к настоящему времени сложился собственный, российский тип смешанной экономики, основанной на крупной частной собственности, аффилированной с властью – общероссийской, региональной и местной. Эта собственность занимает ведущее положения в экономике и участвует в выполнении крупных социальных проектов. В этих условиях интересы управленческой элиты неминуемо выходят на первый план. Возник бюрократический рынок, на котором товаром стали не только вещи, но и престиж, власть, связи. Было положено начало новому этапу формирования в России власти-собственности¹, которая успешно прошла период номенклатурной приватизации, укрепив свои позиции и в собственности, и во власти. Такое объединение функций не способствовало выявлению потенциала частной собственности, появлению эффективного частного собственника, но послужило толчком к глубокой материальной дифференциации общества.

Сегодня эта система предстала как мутированное перерождение советской системы «власть–государственная собственность» в систему «власть–частная собственность». Не произошло отделение властно-государственных функций от технико-экономических, которые должны перейти к частному бизнесу или к управляющим государственной собственностью, действующим в условиях рыночных отношений. Сращивание власти и собственности происходит не только на общероссийском уровне, но и на уровне регионов, муниципальных образований, в отдельных населённых пунктах. Как следствие (это говорят эксперты и данные статистики) эффективность экономики в последние годы снизилась, чему находят объяснение в рассмотренных выше причинах, влияющих на сокращение предпринимательской активности. Социальные последствия сдержанного развития частного бизнеса и его незащищённость от экспроприации проецируются на замедленное формирование среднего класса. Между тем его рост и потребительское поведение, по признанию А. Р. Белоусова, которое он сделал в 2006 г. [5] будут способствовать улучшению системы экономических институтов и усиливать трудовые и предпринимательские мотивации социально-активных слоёв общества. К сожалению, за период, прошедший с того времени, доля среднего класса в России сохраняется на уровне 20–22% от численности взрослого населения. Стагнация численности

¹ Власть-собственность – это собственность, при которой доступ к ресурсу и степень её полноты определяются положением в государственной иерархии. Термин «власть-собственность» был предложен А. Гуревичем для характеристики европейского средневековья (Гуревич А. Я. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Древние германцы. Викинги. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.-СПб., 1999) и лишь затем был использован Л. Васильевым при описании социально-политических и социально-экономических систем Древнего Востока (Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография. М.: 2000. С. 96–114). Сегодня термин широко используется для характеристики советской социально-экономической системы и при анализе современных процессов усиления роли государства в экономике.

среднего класса – свидетельство исчерпания резервов его роста при реализуемом в России курсе развития с недостаточным использованием потенциала частной собственности и частного предпринимательства.

Можно обоснованно предположить, что Россия в очередной раз упустит возможность пройти путь цивилизационного развития по западному типу, которым следовали европейские страны, делая ставку на индивидуальный интерес и частные стимулы, используя частную собственность как фактор инновационного развития и сокращения цивилизационных разломов. «Своя колея», свой путь цивилизационного развития, видимо, суждены России и в будущем.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2008. 240 с.
2. Атлас модернизации России и ее регионов. Социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 347 с.
3. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. Изд. 2, доп. М.: Московский Общественный Научный Фонд, 2000. 318 с.
4. Барсукова С. Ю., Звягинцев В. И. Земельная реформа в России в 1990–2000-е годы, или Как в ходе ведомственных реорганизаций «реформировали» земельную реформу // Journal of Institutional Studies Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7. № 2. С. 84–98.
5. Белоусов А. Р. Сценарии экономического развития России на пятнадцатилетнюю перспективу // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 53.
6. Беляева Л. А. Отношения собственности в современной России: социальные эффекты и перспективы // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 31–42.
7. Беляева Л. А. Российская молодежь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы социализации // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 17–27. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-17-27>
8. Биbihин В. В. Проблема собственности // Гуманитарные науки в России. Психология. Философия. 1996 // URL: http://www.bibikhin.ru/problema_sobstvennosti (дата обращения: 21.05.2020).
9. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. 2 изд. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
10. Данилов В. Коллективизация. URL: <http://www.rus-lib.ru/book/35/16/355-400.html> (дата обращения: 15.02. 2021).
11. Келле В. Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2008. Т. II. Вып. 1(2). С. 368–369.
12. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование А. Тройницкого. СПб.: Стат. отд. Центр. стат. ком., 1861. [2], VIII. 93 с.
13. Крушение Саввы великолепного // Отечественные записки. 2005. № 1 (22). URL: <https://strana-oz.ru/2005/1/> (дата обращения: 10.01.2021).
14. Лапин Н. И. Дистанции между состояниями модернизированной макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 68–69.
15. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / Пер. с англ. А. Юдин. Киев: Ника-центр Эльга, 2004. 206 с.
16. Мотрошилова Н. В. Цивилизационный подход в программах модернизационного рывка современного Китая // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 5–16.

17. Никулин А. Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 17–34.
18. Нуриев Р. М. Россия: особенности институционального развития. М.: НОРМА, 2009. 448 с.
19. Паппэ Я. Ш. Олигархи. Экономическая хроника 1992–2000. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 232 с.
20. Паппэ Я. Ш., Галухина Я. С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. 424 с.
21. Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семенов И. С. Группы интересов и российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 352 с.
22. Плетников Ю. К. Собственность. Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH593c9d4cb1cc4c7497d259> (дата обращения: 10.01.2021).
23. Радыгин А. Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. 1998. № 3. Т. VII. С. 3–32.
24. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: Academia, 2009. 808 с.
25. Рогачевская М. А. П. А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь. URL: http://econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStativ/2002_09/Rogachevskaja.htm (дата обращения: 13.02.2021).
26. Сиземская И. Н. «Россия–Европа» в зеркале отечественной философской мысли (первая половина XIX века) // Vox. Философский журнал. Вып. 33. Июнь 2021. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/594/605> (дата обращения: 13.02.2021).
27. Соловьев М. М., Кошкин Л. И. Проблемы оценки эффективности управления государственной собственностью // Менеджмент в России и за рубежом. URL: <https://www.mevriz.ru/articles/2008/4/5214.html> (дата обращения: 22.07.2021).
28. Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. 556 с.
29. Столыпин П. А. Выступление в Третьей Государственной думе 16 ноября 1907 г. // Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы / Под ред. С. Е. Нарышкина. М.: Издание Гос. Думы, 2012. С. 60–65.
30. Тощенко Ж. Т., Великий П. П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33
31. Шкаратан О. И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004. 208 с.

Статья поступила 19.07.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736

Civilizational Heterogeneity of Russia. Property in the Field of Civilizational Development

Lyudmila A. Belyaeva

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. Civilizational heterogeneity of Russia. Property in the field of civilizational development. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 27–53. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736

Abstract. The article considers the Russian civilization as a socio-cultural community that includes different civilizational formations, the fact that determines its heterogeneous nature. An indicator of the heterogeneity of a society is its social structure, with civilizational rifts present – such an opposition of individual structural elements that has a civilizational character. In modern Russia, three civilizational rifts can be recorded. The first of them is based on the existence in the country of different levels of technical and technological development and, accordingly, of the nature and content of labor of the population. The second rift is due to the material differentiation of the society: from the standard of living (on the threshold and beyond the poverty threshold) to the possession of multibillion fortunes, that leads to a deep difference in the quality of life of the population, that is an attributive feature of various civilizations. The third rift is related to the historically uneven development of the regions. Along with the regions that have entered or are already at the informational stage of development (they are in minority), most of the regions are at the industrial stage, and in some regions, a pre-industrial agrarian society with stable traditional values still prevails. Accordingly, informational, industrial and traditional subcivilizations coexist in the vastness of Russia. Property relations are considered among the significant factors of civilizational development. Property relations are first of all economic and juridical (legal) relations. Property as a social relation carries the historically stipulated content of the moral norms, justice, individual and social benefit. Property is embodied not only in legal forms, but also in customs, cultural patterns, habits, types of thinking and behavioral models. In Russia, the property right of an individual has always been oriented towards “internal justice”, correlated in the public and individual consciousness with the prevailing ideas of the proper. Whereas in Western civilization there has been entrenched the priority of public relations based on the protected by law private interest of an individual. The reorientation of property relations in Russia to the Western model, including in the memory of our contemporaries, has not been a success due to the traditionally strong etacratric influences, the dominance of the “power-property” relationship.

Keywords: heterogeneous civilizational community, social structuring, civilizational rift, property, stages of denationalization of property, land, power-property

References

1. Alekseev S. S. Pravo sobstvennosti. Problemy` teorii. 3-e izd., pererab. i dop. [The right of ownership. Problems of theory. 3rd ed., reprint.] Moscow, Izd. NORMA, 2008: 240 (In Russ.).
2. Atlas modernizacii Rossii i ee regionov. Socialno-ekonomicheskie i sociokulturnye tendencii i problemy [Atlas of modernization of Russia and its regions. socio-economic and socio-cultural trends and problems]. Compiled and edited by N. I. Lapin. Moscow, Ves Mir, 2016: 347 (in Russ.).
3. Afanasyev M. N. Afanas`ev M. N. Klientelizm i rossijskaya gosudarstvennost [Clientelism and Russian Statehood]. 2nd ed., add. Moscow, Moscow Public Scientific Foundation, 2000: 318 (In Russ.).
4. Barsukova S. Yu., Zvyagintsev V. I. Land reform in Russia in the 1990–2000-ies, or how the land reform was “reformed” during departmental reorganizations. *Journal of Institutional Studies*, 2015: 7: 2: 84–98 (in Russ.).
5. Belousov A. R. Scenarii e`konomicheskogo razvitiya Rossii na pyatnadczatiletnyuyu perspektivu [Scenarios of economic development of Russia for the fifteen-year perspective]. *Problemy prognozirovaniya*, 2006: 1: 53 (in Russ.).
6. Belyaeva L. A. Property relations in modern Russia: social effects and prospects. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost*, 2017: 5: 31–42 (in Russ.).
7. Belyaeva L. A. Russian youth in the era of change: structural changes and new challenges of socialization. *Voprosy filosofii*, 2020: 10: 17–27 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-17-27>
8. Bibikhin V. V. Problema sobstvennosti [The problem of property]. Psychology. Philosophy. Accessed 21.05.2020. URL: http://www.bibikhin.ru/problema_sobstvennosti (in Russ.).
9. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Moscow, Akademicheskyy project, 2005: 528 (in Russ.).
10. Danilov V. Kollektivizaciya [Collectivization]. Accessed 15.02.2021. URL: www.rus-lib.ru/book/35/16/355-400.html (in Russ.).
11. Kelle V. Zh. Civilizacionny`j podxod i problemy` formirovaniya teorii istoricheskogo processa [Civilizational approach and problems of forming the theory of the historical process]. *Voprosy sotsialnoy teorii. Scientific almanac*, 2008: II: 1 (2): 368–369 (in Russ.).
12. Krepostnoe naselenie v Rossii po 10-j narodnoj perepisi. Statisticheskoe issledovanie A. Trojniczkogo [Serf population in Russia, according to the 10th National Census. Statistical study of A. Troitsky]. St. Petersburg, v tip. Karl Wulf publ, 1861: 93 (in Russ.).

13. Krushenie Savvy velikolepnogo [The Crash of Savva the Magnificent]. *Otechestvennyye zapiski*, 2005. Accessed 10.01.2021. URL: <https://strana-oz.ru/2005/1/> (in Russ.).
14. Lapin N. I. Distance between states of modernization of makroregions of the Russia and their civilizational contexts. *Social Sciences and Modernity*, 2015: 5: 68–69 (in Russ.).
15. McLuhan G. M. The Gutenberg Galaxy. The creation of a human print culture. – Translated from English by A. Yudin. Kiev, Nika-center Elga, 2004: 206 (in Russ.).
16. Motroshilova N. V. The attitude from the point of view of the theory of Civilization in the programs of modernization of modern China. *Voprosy filosofii*, 2012: 6: 5–16 (in Russ.).
17. Nikulin A. Oligarxoz kak preemnik postkolxozza [Oligarchoz as the successor of the post-kolkhoz]. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2010: Vol. 11: 1: 17–34 (in Russ.).
18. Nuriev R. M. Rossiya: osobennosti institucional'nogo razvitiya [Russia: features of institutional development]. Moscow, NORMA, 2009: 448 (in Russ.).
19. Pappé Ya. Sh. Oligarxi. Ekonomicheskaya xronika 1992–2000 [The oligarchs. Economic Chronicle 1992–2000]. Moscow, GU VSHE, 2000: 232 (in Russ.).
20. Pappé Ya. Sh., Galukhina Ya. S. Rossijskij krupnyj biznes: pervye 15 let. Ekonomicheskie xroniki 1993–2008 gg. [Russian big business: the first 15 years. Economic Chronicles 1993–2008]. Moscow, GU VSHE, 2009: 424 (in Russ.).
21. Peregudov S. P. Lapina N. Yu., Semenenko I. S. Gruppy interesov i rossijskoe gosudarstvo [Interest groups and the Russian state]. Moscow, Editorial URSS, 1999: 352 (in Russ.).
22. Pletnikov Yu. K. Sobstvennost. Novaya filosofskaya enciklopediya. [Property. New Philosophical Encyclopedia]. *Electronic Library of the IF RAS*. Accessed 10.01.2021. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH593c9d4cb1cc4c7497d259> (in Russ.).
23. Radygin A. Rossijskaya privatizaciya: nacional'naya tragediya ili institucional'naya baza postsovetskix reform? [Russian privatization: a national tragedy or the institutional base of post-Soviet reforms?]. *Mir Rossii*, 1998: VII: 3: 3–32 (in Russ.).
24. Regiony v Rossii: sociokulturnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste [Regions of Russia: socio-cultural portraits of regions in the all-Russian context]. Ed. by N. I. Lapin, L. A. Belyaeva. Moscow, AKADEMIA, 2009: 808 (in Russ.).
25. Rogachevskaya M. A. Stolypin P. A.: agrarnaya reforma i Sibir [Stolypin P. A.: agrarian reform and Siberia]. Accessed 13.02.2021. URL: http://econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2002_09/Rogachevska.htm (in Russ.).
26. Sizemskaya I. N. “Russia-Europe” in the mirror of Russian philosophy (the first half of the XIX century). *Vox. Philosophical journal*: 2021: 33: June. Vol. 33. June 2021. Accessed 13.02.2021. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/594/605> (in Russ.).
27. Solov'ev M. M. Koshkin L. I. Problemy` ocenki e`ffektivnosti upravleniya gosudarstvennoj sobstvennost`yu [Problems of evaluating the effectiveness of state property management]. *Management in Russia and Abroad*. Accessed 22.07.2021. URL: <https://www.mevriz.ru/articles/2008/4/5214.html> (in Russ.).
28. Sorokin P. Obshhie principy` civilizacionnoj teorii i ee kritika [General principles of civilizational theory and its criticism]. *Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. Chrestomatiya / Comp.* B. S. Erasov. Moscow, Aspect Press, 1999: 556 (in Russ.).
29. Stolypin P. A. Vystuplenie v Tretej Gosudarstvennoj dume 16 noyabrya 1907 g. Izbrannye vystupleniya P. A. Stolypina v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 [Speech in the Third State Duma on November 16, 1907. Selected speeches of P. A. Stolypin in the State Duma and the State Council. 1906–1911]. Moscow, Izdanie Gos. Dumy, 2012: 62 (in Russ.).
30. Toshchenko Zh., Velikiy P. The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia. *Mir Rossii*, 2018: 27: 1: 7–33 (in Russ.).
31. Shkaratan O. I. Rossijskij poryadok: Vektor peremen [Russian Order: Vector of Changes]. Moscow, Vita-Press, 2004: 204 (in Russ.).

The article was submitted on: July 19, 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila A. Belyaeva, Leading researcher, doctor of Social Sciences, the Center for the Study of social and cultural changes, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ ПОСТМОДЕРНЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.737

(Не)религиозное разнообразие и соотношение религиозного, духовного и светского в сознании современного человека

Ссылка для цитирования: Руткевич Е. Д. (Не)религиозное разнообразие и соотношение религиозного, духовного и светского в сознании современного человека // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 3. С. 54–78. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.737

For citation: Rutkevich E. D. (Non)Religious Diversity and correlation of religious, spiritual and secular in the consciousness of modern man. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 54–78. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.737

**Руткевич
Елена Дмитриевна¹**

¹Институт социологии РАН,
Москва, Россия

erutkevich@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 711831

Аннотация. Сегодня в мире растёт нерелигиозное разнообразие, которое в данном контексте понимается не как многообразие вер, религий, нерелигий и т. п., но как разнообразие типов нерелигиозного сознания и категорий нерелигиозной идентичности. Здесь рассматриваются лишь некоторые аспекты этой обширной темы. Во-первых, теоретические предпосылки и обоснования изменения западной нерелигиозной идентичности, происходящего в процессе перехода от Вестфальской к поствестфальской системе религиозного управления и становления особого типа плюрализма, формирующегося в процессе дедифференциации религии, глобализации и трансформации «религии места и нации» в транснациональную религию «без места и нации», когда меняется соотношение религиозного, духовного и светского в сознании постсовременного человека. Во-вторых, анализируются истоки и причины этой трансформации нерелигиозного сознания в «долгие 1960-е». В-третьих, прослеживается эволюция таких типов нерелигиозного разнообразия, как «духовные, но не религиозные», «никакие» и «постпротестанты», и связующее их понятие «духовность». Категория «духовные, но не религиозные», иногда воспринимаемая как сомнительная и неуверительная, появляющаяся в контексте контркультурной духовности, на мой взгляд, очень важна для понимания западной, особенно американской нерелигиозности вообще и происходящих сегодня процессов в частности. Процессов, которые связаны с ростом «никаких» и распространением «постпротестантов», имеющих отношение к культуре Woke, претендующих на роль «спасителей человечества», придающих большее значение «новой

постпротестантской этике» (а не религии и традиции), стремящихся к политизации религии, сакрализации политики, расовых и гендерных отношений. Отвергая «старую религию» и провозглашая «новую этику», переходя от идеалов многообразия, всеобщей толерантности и политкорректности к «воинствующему морализму и жестокому догматизму», они подтверждают идею о «сложной нерелигиозности» эпохи «поздней современности», которая представляется знаменем времени и требует пристального внимания учёных.

Ключевые слова: нерелигиозное разнообразие, духовность, религия, нерелигиозность, «духовные, но не религиозные», «никакие», «плюрализм», «дедифференциация религии», «постпротестанты», «новая этика», «нерелигиозная «сложность»

Хотя споры о том, что происходит с религией, продолжаются, несомненно, что религиозный ландшафт меняется в современном мире. Есть несколько перспектив глобальной картины нерелигиозности («секуляризация» и упадок религии; «десекуляризация» и возрождение религии; «трансформация религии»), согласно которой религия меняется как по форме, так и по содержанию, и никогда уже не будет прежней. Подвергается сомнению даже употребление термина «религия»¹.

Проблема, однако, не в том, какая из этих перспектив актуальнее в настоящее время, а в том, как их совместить воедино, поскольку всё, что описывает эти перспективы, одновременно присутствует в сегодняшней реальности, и поэтому они оказываются дополняющими друг друга, особенно в контексте проблематики данной статьи.

В современных обстоятельствах представляется уместным подход, не выделяющий какое-то одно измерение (возрождение, упадок, изменение), но совмещающий их все, подчёркивающий «сложность»² исследуемой реальности. «Религиозная сложность» означает не просто религиозное разнообразие, как считал Р. Уитноу [25], впервые употребивший этот термин. Это понятие гораздо шире, т. к. «сложность» означает одновременное присутствие религиозного упадка, роста и изменения на разных уровнях общества³, и может существовать в относительно одно-

¹ Представители «идеологической критики» — Т. Асад, Р. Маккатчеон, Т. Фитцджеральд — подвергают критике понятие «религия» как западную универсальную конструкцию, которая оказывается не нейтральной и описательной, а нормативной, выполняющей политическую и идеологическую функции.

² Речь идёт о концепции «религиозной сложности» («religious complexity») И. Фурсет и её коллег, согласно которой несколько иногда противоположных религиозных и нерелигиозных тенденций могут существовать одновременно на разных уровнях обществ. В отличие от деприватизации, которая существует на мезоуровне, «религиозная сложность» относится к целому ряду феноменов: религиозному упадку, росту и изменению на макро-, мезо- и микроуровнях, включая множество религиозных форм на каждом из них [13, с. 73–74].

³ Примером чего могут служить северные страны (Швеция, Дания, Норвегия, Исландия, Финляндия), относительно однородные в религиозном отношении, с одной доминирующей религией, где имеют место религиозный упадок, рост и изменения на разных уровнях. Поэтому они могут рассматриваться и как секулярные, поскольку религиозность в них постоянно уменьшается, так и религиозные, поскольку религиозность не исчезла, а приняла секулярную форму.

родных обществах, как в случае северных стран с одной доминирующей религией, где имеют место религиозный упадок, рост и изменения на разных уровнях. И сегодня крайне сложно обойтись без такого понятия, особенно в случае религиозно разнообразных обществ и многоликой нерелигиозности [13, с. 73–74].

Сегодня в мире появляется множество возможностей быть религиозным и нерелигиозным, растёт не только «религиозное», но и «нерелигиозное» разнообразие, а вместе с этим и проблемы: как теоретические, так и практические, связанные с необходимостью улучшить методы наблюдения за феноменами, которые выходят за рамки общепринятых границ религии.

Нерелигиозное разнообразие, которое в данном контексте понимается не как многообразие вер, религий, нерелигий и т. п., но как разнообразие типов нерелигиозного сознания и категорий нерелигиозной идентичности. В статье рассматриваются лишь некоторые аспекты этой обширной темы. Во-первых, теоретические предпосылки и обоснования изменения западной нерелигиозной идентичности, происходящего в процессе перехода от Вестфальской к поствестфальской системе религиозного моделирования и становления особого типа плюрализма, формирующегося в процессе дедифференциации религии, глобализации и трансформации «религии места и нации» в транснациональную религию «без места и нации», когда меняется соотношение религиозного, духовного и светского в сознании постсовременного человека. Во-вторых, анализируются истоки и причины этой трансформации нерелигиозного сознания в «долгие 1960-е». В-третьих, прослеживается эволюция таких типов нерелигиозного разнообразия, как «духовные, но не религиозные», «никакие», «постпротестанты» и связующее их все понятие «духовность». Категория «духовные, но не религиозные» иногда воспринимаемая как сомнительная и неубедительная, появляющаяся в контексте контркультурной духовности, на мой взгляд, очень важна для понимания западной, особенно американской, религиозности в целом и происходящих сегодня процессов в частности. Процессов, которые связаны с ростом «никаких» и особенно с распространением «постпротестантов», имеющих отношение к культуре Woke; претендующих на роль «спасителей человечества»; придающих большее значение «новой постпротестантской этике», а не религии и традиции; стремящихся к политизации религии, сакрализации политики, расовых и гендерных отношений.

Отвергая «старую религию» и провозглашая «новую этику», переходя от идеалов многообразия, всеобщей толерантности и политкорректности к воинствующему морализму (морализаторству) и жестокому догматизму, они подтверждают идею о «сложной нерелигиозности» эпохи «поздней современности», которая представляется знаменем времени и требует пристального внимания учёных.

Всплеск интереса к *нерелигиозному разнообразию и плюрализму «никаких»* представляет собой часть другого феномена – растущего интереса к пониманию и управлению политико-экономическими последствиями и крупномасштабной и непрерывной социетальной трансформации.

Динамика развития нерелигиозного разнообразия тесно связана с динамикой и процессами развития современного глобального общества, включая массовую миграцию, урбанизацию, плюрализацию, рост грамотности и технологий, цифровизацию (и связанную с ней доступность разнообразных ресурсов), детрадиционализацию, транснационализацию. Следствием этих процессов в процессе перехода от Вестфальской к поствестфальской системе религиозного моделирования¹, от дифференциации к дедифференциации религии становится значительный рост инноваций в религиозной, нерелигиозной и духовной сферах и их «религиозная сложность».

На Западе в последние десятилетия происходит значительный рост «никаких»² («nones»), утверждающих в опросах и исследованиях религиозности, что не отождествляют себя ни с какой религией, «не имеют религии» («no religion») или «религиозных предпочтений» («religious preferences»). В некоторых странах их количество даже превышает численность считающих себя христианами, что говорит о значимом изменении в сознании людей не только по отношению к религии, но и к культуре и обществу в целом (плюрализму, либеральным ценностям, политике, образованию, иммиграции, социальной активности). Этот процесс начинается в 1960-е гг. и продолжается более полувека не только в «светской» Европе, но и в «религиозной» Америке³, и сопровождается изменениями нерелигиозного сознания и оказывается в центре внимания социальных учёных разных стран.

Растущий религиозный плюрализм и дедифференциация религии

Почти до конца XX в. учёные не замечали указаний (если не доказательств) на изменения Вестфальского религиозного моделирования, т. е. параллелизма религиозной и гражданской идентичностей по фор-

¹ О сдвиге от Вестфальской системы религиозно-государственного моделирования и регулирования (в связи с установлением в 1648 г. Вестфальского договора, покончившего с религиозными войнами и установившего право сюзерена устанавливать религию по принципу «чья земля, того и вера» («cuius region eius religio»)) к поствестфальской писал П. Байер [5; 6].

² В социальных науках термин «никакие» появляется для обозначения тех, у кого хотя и нет или недостаточно религиозной веры, но кто, в отличие от атеистов и агностиков, не ассоциирует себя с чёткой нерелигиозной позицией. Эта категория может также включать и тех, кто, не имея религиозной аффилиации, по определённым религиозным показателям может быть даже более «религиозным», чем некоторые из имеющих религиозную принадлежность. Довольно сложно дифференцировать степень и качество нерелигиозности, религиозности и духовности в сознании человека как в обыденной жизни, так и в научном исследовании, о чём идёт речь в моей статье «Религия, неверие и духовность «никаких»: проблемы определения и изучения» // Научный результат. Социология и управление. 2020. Вып. 6. № 3. ISSN 2408–9338 [URL: <http://rrsociology.ru/journal/issue/3-25-2020/>]. Поэтому здесь обсуждение «никаких» минимально.

³ Америка довольно долго считалась «исключительной» в религиозном отношении. Однако после выхода книги «Религиозная Америка, светская Европа?» под ред П. Бергера исключением из общего правила стала считаться не Америка, которая религиозна, как и многие страны в мире, а Европа, которая преимущественно является «светской» [4].

муле «одна нация – одна религия». В процессе перехода к поствестфальской системе всё больше государств принимают идею множественного гражданства, деэтнизации государственной идентичности, означающей ограничение гражданских религий, национальных идеологий и контроля над религиями. Что касается религии в поствестфальских обстоятельствах, то уменьшается способность доминирующей религии большинства функционировать в качестве эффективной монополии, определяющей религиозные идентичности и практику её последователей. С ростом форм и степени нерелигиозного разнообразия растёт нетолерантное отношение к религиозным меньшинствам¹. В процессе транснационализации религии структурирование по типу «центр – периферия» становится всё менее отчётливым, что означает не только всё большее присутствие во всё больших частях мира, но и относительную децентрализацию религиозной власти и аутентичности. Наконец, появляется альтернативное моделирование религии на основе не государства, а экономики, СМИ, т. е. в терминах производства и потребления, информации и развлечений. И тогда вполне вероятно, что гибридная синкретическая идентичность может стать заметным явлением [5].

Байер видел признаки сдвига от Вестфальской к поствестфальской системе религиозного моделирования отнюдь не в «десекуляризации», «религиозном возрождении» или «духовной революции», а по иронии судьбы в секуляризации (социальной дифференциации) и глобализации. Как отмечал Казанова [10], наиболее важный момент секуляризации – социальная дифференциация, которая забирает у религии её влияние, авторитет и место в обществе, лишая её многих прежних ролей, но отводит ей чисто религиозный сектор с определённой системой деятельности и чёткими границами. Этот процесс усиливается в связи с ростом колониальных и национальных светских государств и поддерживается религиозными элитами, которые создают бюрократические формы религиозной структуры с чёткими правилами и вознаграждениями, зачастую получая государственное признание.

В процессе глобализации и перехода от Вестфальской системы² и «религии места и нации» к поствестфальской транснациональной системе и религии «без места и нации» ситуация меняется. С одной стороны, религия выходит из отведённого ей «гетто» на простор без границ, укрепляются её транснациональные связи, способствующие углублению её «бренда», консолидации возможностей [5]. А другой стороны, ей противостоят властные силы дедифференциации эпохи поздней современности в лице растущего благосостояния во всём мире и влиятельного глобального среднего класса с его индивидуалистическими и либеральными ожиданиями «голоса и выбора».

¹ Результаты последних исследований голландских социологов свидетельствуют о том, что самое нетолерантное отношение к исламу в Европе – со стороны нерелигиозной части населения [21].

² Вестфальская система соответствует этапу модернити, а поствестфальская – этапу постмодернити. Если современная религия – это дифференцированная религия, то постмодерная может (но не обязательно) означать распад этой дифференциации.

Кроме того, массивная экспансия образования и дерегулирование информации благодаря интернету и цифровой революции значительно ослабляют религию (права религиозных лидеров и бюрократических форм религиозной организации). Она во многом теряет монополию на религиозное знание (и практику), которое раньше было в ведении исключительно религиозных профессионалов, а теперь доступно всем желающим, которые могут создавать как реальные, так и виртуальные сети и группы.

Религиозные структуры теряют способность контролировать свои границы и паству (управлять и следить за чистотой учения и верующими), тогда как обычные люди чувствуют больше полномочий по отношению к религии и хотят думать и выбирать, а не только следовать долгу и послушанию. Не удивительно, что некоторые вообще отказываются от религии, немногие испытывают враждебность, другие активно ищут, находят и создают духовные альтернативы. Но большинство сохраняет отдельные элементы религии (обряды: крещение, свадьбы, похороны, различные символы и нарративы), которые всё ещё представляют важность для них, отвергают другие (аффилиацию/регулярное посещение церкви) и сочетают их с рядом иных важных источников [24, с. 45].

Именно это Вудхед называет усиленной формой дедифференцированного религиозного плюрализма¹: всё больше людей считают себя «нерелигиозными» («no religion»), понимая под религией догматические верования современных обществ или их определённые аспекты, не становясь при этом атеистами и не отвергая веру в нечто запредельное, придающее смысл жизни. Они не отказываются от всех составляющих религии, чтобы признать себя секулярными, но и не являются религиозными в одних сферах и светскими в других. Они являются одновременно и религиозными, и светскими.

Люди перестают жить в терминах чисто дифференцированной религиозной сферы, которая ассоциировалась раньше с посещением церкви по воскресеньям, а сегодня религиозные и духовные смыслы проникают в разные, не только приватные сферы. При этом религия в ситуации дедифференциации и дерегулирования получает ряд преимуществ в виде больших возможностей в разных сферах и большого разнообразия «продуктов» на религиозном и духовном рынке. Многие продолжают отталкиваться от существующих мировых религиозных традиций, но с привлечением уникально правоверных религиозных фундаменталистов. Другие, напротив, изобретают «новые религии».

¹ В качестве наиболее характерного примера для лучшего понимания третьего типа плюрализма приводятся британские католики, большинство которых не считают себя религиозными. Только 20% из них говорят, что являются «религиозными», 10% – что они духовные, 20% – и религиозные, и духовные. Больше всего (30%) тех, кто говорят: «я не стал бы описывать себя или свои ценности и верования как духовные или религиозные». Поразительно, что 25% считающих себя католиками, не верят в Бога, и больше половины не ходят в церковь. Большинство не идентифицируют себя в качестве «религиозных» или «духовных», когда у них есть другой выбор. И 20% тех, кто считают себя католиками, говорят, что «вообще не испытывают влияния какой бы то ни было религии» Однако практически все католики – прихожане (те, кто ходят в церковь, 70%), верят в Бога и молятся (40%) [24, с. 42–43].

Самые быстро растущие в мире религии сходны в том, что являются необычайно дезорганизованными, допускающими значительное участие мирян (при размывании границ между клиром и мирянами), носят предпринимательский характер, экспериментируют с учением, практикой, формами авторитета и, как правило, оказываются недолговечными. Старые религии и церкви в этой ситуации пытаются укреплять линию обороны, углублять и поддерживать границы чёткими положениями веры и строгостью морального учения, находя государственную и международную поддержку. Так что на макроуровне они продолжают своё существование, тогда как на мезо- и микроуровнях всё больше теряют свою уместность и поддержку.

В одной из своих последних работ «Многие алтари современности» П. Бергер предлагает нам полезную перспективу для понимания религии в современном мире. Во-первых, существует религиозный плюрализм, т. е. плюрализм различных религиозных выборов, сосуществующих в одном и том же обществе; во-вторых, плюрализм секулярного дискурса и различных религиозных дискурсов, т. е. плюрализм религиозного и светского существования в том же обществе. Для большинства верующих вера и секулярность не являются взаимоисключающими способами отношения к реальности. Вопрос состоит не в том, чтобы выбрать то или другое, но скорее в том, чтобы соединить и то, и другое. Способность управлять различными дискурсами или различными релевантными структурами – существенная характеристика современного человека [3, с. 53]. Эти типы плюрализма пересекаются, усиливая друг друга.

Британский социолог Л. Вудхед¹ предлагает добавить ещё один тип плюрализма, имеющий тесную связь с первыми двумя, но выходит за их пределы, и который помогает лучше охватить и упорядочить многие «несообразности», противоречия и нестыковки при классификации нынешнего нерелигиозного разнообразия, а также объяснить черты современной религии и идентичности, в том числе рост «никаких» и то, почему молодые поколения сопротивляются религиозным «ярлыкам».

Предлагаемый ею третий углублённый, усиленный (*intensified*) плюрализм означает стирание границ между религиями, религиозным и светским и поэтому называется *плюрализмом религиозной дедифференциации*. Он тесно связан с дедифференциацией прежде отделённых друг от друга обширных социальных областей, которую многие страны, включая Британию и США, переживают сегодня, и которая даёт о себе знать растущим числом тех, кто говорит о себе как о «неимеющих религии» (*no religion*) и/или «никаких» [24]. Зачастую новые формы религии отрицаются в качестве таковой как старыми традициями, так и некоторыми учёными.

Но сегодня всё больше людей дистанцируются от религии и идентифицируют себя в качестве «нерелигиозных» (*no religion*), не обязательно теряя интерес ко всем аспектам религии и вовлечённость в рели-

¹ Учёная пришла к выводу о необходимости расширить эту типологию в процессе исследования ценностей и верований в Британии (Шотландии, Англии и Уэльсе, не включая Сев. Ирландию) в 2013–14 гг. [24].

гиозную деятельность, демонстрируя «сложную нерелигиозность». Мне представляется, что когда все привычные категории для описания этих типов не «работают» как надо, весьма уместными оказываются такие понятия, как «плюрализм дедифференциации» и «религиозная сложность», которые помогают понять, что происходит размывание чётких границ между религиозным и нерелигиозным, что религия проникает в те сферы жизни, в которых ей раньше не было места; что привычный религиозный порядок заменяется чем-то новым и требует пристального внимания исследователей.

Культурные сдвиги в «долгие 1960-е»: истоки и причины появления «духовных, но не религиозных», «никаких» и «постпротестантов»

Чтобы понять, *почему* меняется нерелигиозная идентичность современного западного человека, важно вспомнить, что происходило в 1960 гг., которые многие историки называют «долгими», сыгравшими немалую роль в формировании «духовных, но не религиозных», «никаких» и «постпротестантов».

Рост числа людей, «не имеющих религии» (no religion), и уменьшение количества традиционных верующих христиан резко контрастируют с ситуацией 1950-х гг., когда «христианская культура» была доминирующей в западных обществах. Согласно Брауну и Маклеоду, поворотный пункт, или «водораздел», – это 1960-е, которые стали называться «десятилетием секуляризации» [8; 17]. «Долгие 1960-е» (1958–74) – период в европейской религиозной истории, сравнимый по значимости с Реформацией, поскольку означает конец христианской эпохи и поворот от христианского мира к постхристианскому, секулярному плюралистическому миру [17, с. 15]. Здесь следует искать причины последующих «культурных войн», поляризации западных обществ на основе разных систем ценностей, упадка традиционной религии, краха «библейской морали», появления «новой этики», «новой духовности», «духовного поворота», «духовного рынка», распространения религиозного плюрализма, появления в недалёком будущем «никаких», «постпротестантов» и Woke.

Именно в это время гуманизм (секуляризм) становится доминирующим мировоззрением в западном мире и происходит столько значимых событий для понимания секуляризации и роста числа «неопределённых», «никаких», «не имеющих религии» в 1990-е гг., что необходимо хотя бы кратко их перечислить: «*контркультура*», «*сексуальная революция*» (и в Европе, и в США), *протестные движения против войны во Вьетнаме*, оказавшей огромное травматическое влияние на сознание американцев, с последующей культурной и социально-политической поляризацией общества; *движения за гражданские права и эмансипа-*

цию: расовую¹, социальную, гендерную, сексуальную (в Европе и США); *политическая поляризация* между либералами и консерваторами; *всё большее слияние религии и политики* в США, достигшее кульминации в «стратегии Бога» в 1980-е гг. после выборов Рейгана; *изменения стилей и качества жизни* (конец в 1950–60 гг. германского «экономического чуда», экономического роста во Франции и Британии) в связи с беспрецедентным ростом благосостояния представителей рабочего класса и низшего среднего класса, что привело к едва уловимым изменениям жизненного стиля и к ослаблению традиционных связей (семейных, соседских, общинных, партийных и религиозных); *рост евангелического протестантизма* – характерное и очень важное явление для США, но не для Европы.

Ключевым событием в религиозной жизни Европы и США этого периода стал Второй Ватиканский Собор (1962–65), инициировавший «внутреннюю секуляризацию» и «внутреннюю конкуренцию». По своим последствиям он был подобен «французской революции в церкви» (по словам кардинала Суэненса) и сыграл огромную роль в трансформации Католической церкви (её учения, литургии, организации, структуры); распространении секулярного мышления и экуменизма с его глобальной идеей объединения всех церквей; в создании предпосылок для плюрализма и конкуренции; изменении отношения к традиции и осовременивании самой традиции, против чего возражали интегрисы – лефевристы². В рамках католической монополии возникает «внутренняя религиозная конкуренция» как между церковными движениями, группами и общинами, так и между этими движениями и «первичной» католической религиозной структурой (приходами и епархиями). Иначе говоря, Католическая церковь, реформируя себя изнутри, стала более секулярной, плюралистичной, конкурентоспособной и подготовленной к последующим изменениям в мире и сознании её паствы.

Важный аспект религиозной жизни «долгих» 1960-х – «разрушение религиозной социализации» как следствие «культурной революции», изменения гендерных ролей, предписанных обществом и церковью, и сексуальной морали женщин, набожность которых на протяжении долгого времени поддерживала христианскую культуру [8]. В результате этого процесса разрушаются общепринятые социальные образцы передачи, поддержания и распространения традиционных ценностей, верований и практик, а также их интерпретаций. Кроме того, исчезают возможности привычных контактов с религиозными институтами по мере того,

¹ Убийство в 1968 г. М. Л. Кинга – баптистского проповедника и лидера движения за права афроамериканцев, известного ненасильственными мерами борьбы и воззванием «у меня есть мечта» как часть «американской мечты», провозгласившим, что все люди – и чёрные, и белые – станут братьями, всколыхнуло всю Америку, по всей стране прокатилась волна выступлений, и число жертв было впечатляющим – 46 человек были убиты и 2500 ранены. Ситуация вокруг убийства Дж. Флойда говорит о том, что спустя полвека «расовая проблема» настолько обострилась, что принимает псевдорелигиозную форму.

² Часть католического епископата под руководством М. Лефевра (известного противника проводимых католической церковью реформ), выступавшая против модернизации и секуляризации церкви.

как происходит их замещение светскими агентами в образовании, благотворительности, семейных обрядах (свадьба, похороны и т. д.). Так что неумение родителей приобщить детей к вере – это долговременная тенденция. На способность родителей передавать свой духовный капитал влияет также общий уровень «окружающей религии» в культуре, включающей такие аспекты, как религиозная социализация в школе, общая поддержка церквей, верования и установки сверстников.

Кризис религиозной социализации сегодня – одна из самых важных причин роста «никаких». Можно сказать, что с каждым новым поколением американцы становятся всё менее религиозными, а генерационное различие – главным двигателем упадка. За американским религиозным упадком стоит образец замещения когорт. Этот упадок начинается с когорт, родившихся в начале XX в. И с тех пор от когорты к когорте падают: 1) религиозная аффилиация; 2) церковная посещаемость; 3) глубокая вера в Бога [23].

Не менее значимым был также *рост альтернативных духовностей*. 1960-е – время «духовного пробуждения» в США, сравнимое по значимости с другими «пробуждениями»¹ в американской истории XVIII–XIX столетий, но которое сильно от них отличается. Так, если в более ранних «пробуждениях» ключевая роль принадлежала ревивалистам и евангелическим проповедникам, то в последнем они не играли никакой роли. Духовное пробуждение 1960-х, ознаменовавшее собой переход к постсовременному и постматериалистическому обществу этапа «поздней современности», затронуло также и Европу. Оно характеризовалось наличием множественных истин, идентичностей, религий и духовностей. Не только в Америке, но и в Европе получают распространение понятия «духовность» «новая духовность», «постхристианская духовность»², подчёркиваются неограниченные возможности и открытость «духовного супермаркета» для свободного индивидуального выбора, в отличие от догматических и авторитарных христианских церквей.

Поколение бэби-бумеров стояло у истоков «контркультуры» 1960-х гг. Важной характеристикой этого поколения было отрицание ограничивающих догм, ассоциирующихся с традиционной религией,

¹ Три волны Святого Духа в истории Америки также называются «духовными пробуждениями».

² «Постхристианская духовность» в основе своей есть совмещение романтической концепции Я и имманентной концепции сакрального (священного). В ней подчёркивается значение невидимых сакральных сил, присутствующих в человеке, придающих всей жизни особую значимость. Это отличает её как от традиционной христианской духовности, которая является не имманентной, а трансцендентной (т. е. Истина и Божество находятся «не внутри», а «за пределами человека»), так и от светского рационализма, согласно которому истина, если вообще постижима, то лишь благодаря человеческому разуму. «Постхристианская духовность» – это третий путь «гнозиса» (познания истины), отвергающий как религиозную веру, так и научный разум в качестве средств выражения истины. Скорее стоит прислушиваться к своему «внутреннему голосу» и доверять своей «интуиции»: истина может быть пережита человеком и открыта во внутреннем откровении, инсайте, «просвещении», но не в процессе научного или религиозного познания. Постхристианскую духовность, следующую в русле эзотерической традиции, можно понять как «третий выбор» западной культуры, в основе которого не разум или вера, а глубины человеческого Я, которое, по сути своей, божественно.

и пробуждение новой духовности, связанной с движением Нью эйдж. Её формированию способствовали религиозные учения Востока, особое внимание уделявшие индивидуальному просвещению, и использование психоделических наркотиков и альтернативных медицинских практик, фокусирующихся на целостном (холистическом) излечении. Плюрализм, равенство, разнообразие и индивидуальная свобода – те ценности, которые стали частью родительской практики многих бэби-бумеров, которые, в отличие от их родителей, в меньшей степени стремились вовлекать своих детей в религиозные традиции и прививать им веру. Так что многие миллениалы получили пассивное руководство от своих родителей, позволявших своим детям независимо исследовать религию и духовность. Свободное самостоятельное исследование этих областей миллениалами в известной степени способствовало религиозной безграмотности.

В 1960-е были заложены предпосылки для важных тенденций развития западной религиозной жизни, которые нашли впоследствии отражение в теории (роста, упадка и изменения религии) будущего бурного роста консервативных форм христианства, особенно евангелического протестантизма (роста религии); появления «духовных, но не религиозных» и распространения «альтернативных форм духовностей» (изменения религии); увеличения количества людей, «не имеющих религии», и «никаких» (роста нерелигии как изменения религии); и в конечном счёте – к появлению «новой этики», постпротестантства и культуры Woke как новой квазирелигии.

Вместе с тем можно говорить не только о дехристианизации, но и о размывании границ между религиозными традициями, между секулярным и религиозным, о влиянии глобализации с её всевозрастающей открытостью. Можно интерпретировать происходящие изменения в контексте «упадка структурированных человеческих отношений и иерархии, с одной стороны, и уменьшения социальной сплочённости – с другой, что приводит к ситуации коллективной «лиминальности» (liminality), при которой индивид освобождается от традиционных социальных ограничений и оказывается перед необходимостью заново определять себя» [18, с. 370].

Типология понятия «духовность» – основа для понимания «духовных, но не религиозных», «никаких» и «постпротестантов»

«Духовность» в социальных науках долго оказывалась лишь альтернативой институциональной религии, без определения и понимания, что же это такое. Слово «духовность» редко определяется точно. Для большинства американцев – это что-то о связи с Богом, но понимание этой связи весьма различно, и когда духовность может означать столь разные вещи, как же её интерпретировать? Несмотря на то, что слова «дух», «духовность», «духовное» у всех на слуху, трудно ухватить их

суть. И хотя многие люди считают, что знают значение этих слов, они по-прежнему двусмысленны и неопределённые в качестве исследовательских категорий.

Во многих исследованиях «духовность» остаётся чем-то вроде «неизученного чёрного ящика», а простое разграничение религии и духовности не только не охватывает всей реальности американской религии, но и несправедливо по отношению к сложности самой духовности [1].

Чтобы лучше понять, как меняется нерелигиозная идентичность современного человека, необходимо выработать более адекватные способы понимания «духовности», лежащего в основе духовного, религиозного и нерелигиозного опыта. И здесь весьма уместной оказывается типология духовности, предложенная Н. Аммерман. Она предпринимает попытку открыть «чёрный ящик духовности», показать её значение в повседневной жизни и культурном контексте, выделив для описания духовности четыре типологические категории (дискурса).

Во-первых, «*теистический дискурс*». Духовность здесь понимается как установление связи с Богом, понимаемой, как правило, в контексте христианской традиции. Представители этой группы связывают духовность с такой деятельностью, которая пробуждает, дисциплинирует и укрепляет дух (молитва, чтение Библии, связь с друзьями-христианами). Религиозные институты помогают им приобрести привычки, обычаи, правила, практики, которые ассоциируются у них с духовным взглядом на мир. Результатом такой сосредоточенности на духовной жизни становится способность видения сверхъестественного измерения жизни, тайны и чуда, непостижимого и загадочного, не выходящего за рамки христианской теологии.

Во-вторых, – «*экстратеистический дискурс*», где духовность понимается как «имманентная духовность», содействующая аффективному опыту, не связанному ни с христианским Богом (спасением, бессмертием души и т. д.), ни с иными божествами. Но она даёт ощущение целостности жизни, сопричастности общечеловеческому духу и трансцендентному миру, взаимосвязи человека с коллективом, миром природы, проявляется в глубоком сострадании и переживании священного. Духовное здесь усматривается также в произведениях искусства, музыке, во всех проявлениях прекрасного, во всём, что повергает в трепет, заставляет выйти за рамки обычной деловой жизни, будит воображение, рождая «слухи об ангелах» и «сигналы трансценденции» (по П. Бергеру). Часто такая духовность описывается как поиски смысла, пути, истины и цели, руководящего принципа жизни, как открытие в себе «искры Божественного» [1]. При этом не возникает потребности в авторитетах. В немалой степени такой тип духовности характерен для светских «нерелигиозных» людей.

Если не состоящие в религиозных общинах обращаются к теистическому дискурсу в минимальной степени, то экстратеистический тип духовности, напротив, имеет отношение как к людям, не связанным

с церквями¹, так и к членам традиционных религиозных общин². Они разговаривают как на духовном языке своих традиций, так и за их пределами. В этом смешанном дискурсивном поле хорошо видна проницаемость границ между традиционными христианскими общинами и остальной культурой, на что обращают внимание многие исследователи.

Но далеко не все христианские общины, особенно консервативные протестанты и мормоны, обращаются к духовному дискурсу, выходящему за рамки их теизма. Обращение к экстратеистическому дискурсу³ зависит скорее от религиозной принадлежности (или непринадлежности), чем от демографических показателей. Мужчины и женщины, афроамериканцы и евроамериканцы – все в равной степени используют экстратеистические термины.

Люди пожилого возраста с большей вероятностью будут использовать теистические категории и в меньшей – экстратеистические; напротив, в наибольшей степени экстратеистические категории будут использованы не молодым, а средним поколением (1942–72 годов рождения), то есть бэби-бумерами, о чём говорят и другие исследования.

Бумеры сохраняют открытость к широким определениям духовности. И хотя высшее образование статистически является не очень важным фактором, можно предположить, что университетский кампус может стать местом встречи с экстратеистическим дискурсом. Сегодняшний экспрессивный индивидуализм, уходящий своими корнями в философию романтизма и прагматизма, имеет альтернативные, нетеистические способы описания моральной жизни, доступные хорошо образованным людям.

Третья категория – «*этическая духовность*». Согласно Н. Аммерман, – это общий знаменатель для первых двух категорий, и такой духовный опыт проявляется в помощи другим, преодолении собственного эгоизма, моральном, правильном поведении, основная черта которого – доброта. Почти три четверти итальянской⁴ и американской выборки определяют духовность в моральных терминах, не отличающихся от того, что участники проекта Аммерман описывают как «Золотое правило христиан», т. е. стремление жить добродетельной жизнью. Эта форма духовности характерна для религиозного американского

¹ 91% не аффилированных, 10% неоязычников [1, с. 21].

² Католики – 60%, протестанты основного направления – 57%, афроамериканские протестанты – 50%, мормоны – 40%, консервативные протестанты – 25% [1, с. 21].

³ Несмотря на широкую доступность в массовой культуре и популярной литературе, экстратеистический дискурс уступает теистическому (57% в сравнении с 71% участников проекта Аммерман) [1, с. 23]. Кроме того, экстратеистические значения доминируют скорее в европейских исследованиях, чем в американской выборке.

⁴ Для ответа на вопрос: «Что означает для Вас слово «духовность»?» в итальянском проекте духовности был разработан перечень из 10 возможных ответов, которые можно принять или нет. Ответ «Поиски внутреннего Я, развитие духовных качеств» занял третью строчку, вторую – «Поиски смысла жизни», первую – «Состояние гармонии и внутреннего мира». Каждый вопрос получил более 80%, и все вместе они составили фактор Палмисано, названный «духовностью внутреннего Я» [1, с. 23].

мэйнстрима с его живой повседневной верой, относительной незаинтересованностью, доктринальной ортодоксией и «случайными проявлениями доброты». Эта сосредоточенность на этической духовности существует как внутри, так и за пределами религиозных общин, и присутствует у всех (мужчин и женщин, средних и низших слоёв, образованных и не очень, молодых и стариков и т. д.).

Последняя, четвёртая категория – «религиозная духовность» («духовность веры и церковности» – belief and Belonging spirituality), имеет отношение к вере в Бога и принадлежности к религиозной традиции. Примерно половина участников проекта понимают духовность как веру в Бога и учения о Боге, больше трёх четвертей – как причастность религиозной традиции, и они тесно связаны друг с другом. Здесь есть элементы, составляющие тип религиозности, которую легко измерить¹. Однако эта форма духовности – спорная, и она пересекается с теистической духовностью.

Можно согласиться с Н. Аммерман, утверждающей, что духовность не является ни диффузным индивидуализированным феноменом, ни просто альтернативой религии. Между духовностью и религией нет непреодолимой стены, что хорошо видно при анализе «духовных, но не религиозных». И вместо того, чтобы считать, что религия лучше всего измеряется организационной принадлежностью и традиционной верой, а духовность рассматривать в качестве индивидуального экспериментального творчества, разумнее признать, что и религия, и духовность имеют институциональные источники, и что измерения религиозности должны стать шире, включая огромное разнообразие духовной жизни [1].

Категория «духовные, но не религиозные» имеет различные интерпретации и изучается в разных контекстах. Однако многие авторы согласны, что само её возникновение говорит об определённых проблемах, напряжённости и путанице при определении духовности и религиозности; о сопутствующих культурных и политических коннотациях; о трансформации нерелигиозности и нерелигиозной идентификации.

Так кто же такие «духовные, но не религиозные»? Во-первых, это представители не аффилированного в религиозном отношении населения; люди, которые ни организационно, ни персонально не были религиозными или духовными; они подчеркивают недостатки и слабости организованной религии; видят в религии лицемерие и пустой ритуал; для них самая уместная духовность – «этическая»; они противопоставляют религию (институциональную) духовности (как правило, этической); рассматривают религию в качестве репрессивной силы, лишаящей людей личной и политической свободы; противопоставляют религиозную веру разуму. Многие представители этой категории имеют негативный опыт общения с церквями и церковнослужителями, которые, по их мнению, в большей степени заняты реализацией матери-

¹ Фактор «религиозной духовности» представлен в итальянском исследовании, как и ответы на вопросы о вере в Бога, в высшую силу, о посещении церкви представляют 76, 71 и 51% соответственно [1, с. 25].

альных интересов (хозяйством, строительством и организацией своих общин), чем вопросами духовности [12; 1]. В значительной степени это не церковные, светские люди, устанавливающие границы между религией и духовностью, которые понимают духовность в этическом, а религию в культурном и политическом смыслах. Согласно типологии Аммерман, это те, кто обращаются к *дискурсу этической духовности*. Согласно Д. Воасу, это те «неопределённые верующие», кто не относится «ни к религиозным, ни к светским», но кто может в определённый момент стать тем или другим, и от кого во многом зависит степень религиозности или нерелигиозности обществ, т. к. это весьма значительная часть населения. Именно они в будущем, вероятнее всего, могут стать «никакими» [22].

Во-вторых, это консервативные протестанты, которые сходным образом противопоставляют религию духовности. Хотя они не проводят чёткого различия между религией и духовностью, но предпочитают «духовное». По их мнению, «просто религии недостаточно, необходима личная духовная связь с Иисусом» [1, с. 13]. Это те люди, которые, хотя и являются членами церкви, но также устанавливают границы между религией (слишком безжизненной и неподлинной) и духовностью (настоящей живой духовной верой). Они хотят отличаться от неистинно «религиозных» благодаря активной деятельности в консервативных религиозных общинах, участие в которых само по себе является «духовным». Здесь подчёркивается приоритет «*теистической духовности*», и само слово «духовный» является маркером их понимания правильной «религиозности».

В-третьих, это те, кто обращаются к «экстратеистической духовности», испытывают интерес не к формальным религиозным организациям, а к индивидуализированной (персональной) духовности, которую многие социологи называют «постсовременной» или «имманентной» духовностью. Представители этой группы менее склонны к позитивной оценке религиозности, менее вовлечены как в традиционные формы поклонения (посещение церкви, молитва), так и в групповые практики, связанные с духовным ростом. Они в большей степени являются агностиками и считают, что духовность и религиозность – различные и непересекающиеся понятия, в большей степени придерживаются нетрадиционных верований Нью эйдж и имеют мистический опыт. «Духовные, но не религиозные» отрицают исключительность традиционной организованной религии, и что самое важное – это способствует их дальнейшему духовному росту.

Можно сказать, что эти люди не относятся «ни к религиозным, ни к светским» [23], но обращаются к альтернативным типам духовности, источники которых многообразны: от духовных пробуждений XIX в. до Нью эйдж 1960-х с последующим нетеистическим экспериментированием «духовных искателей», стремившихся к состоянию «гармонии и внутреннего мира», «поискам смысла жизни», «поискам Я и развитию

духовных качеств»¹. Иными словами, они открыты для самых разных духовных и религиозных опытов, но предпочитают говорить не о религии и религиозности, а о духовности и духовном росте. Так что «духовность» выступает в качестве связующего звена и фундамента разных типов нерелигиозной идентичности: «никаких», «духовных, но не религиозных», «неопределённых верующих» и «постпротестантов».

«**Постпротестанты**» – закономерное звено в эволюции нерелигиозного разнообразия, наряду с «духовными, но не религиозными», «никакими», «не имеющими религиозной аффилиации». Они получили широкое распространение не только в США, но и в других странах, и являются частью культуры Woke.

Феномен и идеология Woke² сегодня прочно укоренились в американской культуре, образовании³, массовом сознании, распространяя своё влияние по всему миру. Важная часть этой культуры – становящийся всё более активным в социально-политическом смысле класс «постпротестантов». Это не постпротестантская религия типа мега-церквей, а скорее «класс», или социально-политическое движение левого толка, учитывая его широту, распространённость и стремление играть главную роль в «спасении человечества» по причине «чистоты» и «полноты» своей моральной позиции. Они называют свою идеологию «новой постпротестантской этикой», которая в отличие от «старой протестантской этики» связана не с экономикой и капитализмом, а с «духовным беспокойством» о судьбах мира и духом социального евангелия, направленным не на божественное искупление и спасение в потустороннем мире, а на «спасение» от социального зла в мире существующем.

В западной литературе эта проблематика подробно рассматривается в работе Дж. Боттума «Беспокойный век: постпротестантская этика и дух Америки» [7]. Публичное обсуждение его книги о религиозных трансформациях, культурных формах и политических идеях сегодня оказываются почти пророческими и весьма актуальными в свете последних событий в Америке, происходящих на наших глазах. Невозможно отрицать у людей, марширующих по улицам городов, наличие неутолённого в церквях духовного голода, который проявляется в насилии [19].

«Мы живём в необычайно духовное и особенное время. Огромные пространства американской культуры охвачены маниакальной духовной тревогой и неослабевающим сверхъестественным беспокойством. Радикалы и традиционалисты, либералы и консерваторы, политики,

¹ Это три самые главные составные части фактора Палмисано, названного «духовностью внутреннего Я» [1; 25].

² Woke – «пробуждённые» (от англ. Stay woke – «быть начеку», «быть вовлечённым» и «пробуждённым»). Термин получил широкое распространение после гибели М. Брауна в 2014 г. и имеет отношение к «начекистам», «пробуждённым», движениям BLM (Black lives Matter), #Me Too, «чувствительным» к проблемам несправедливости (расовой, гендерной, сексуальной). Помимо постпротестантов, важной частью Woke является неофеминизм.

³ Представители Woke видят дискриминацию и расизм повсюду, вмешиваясь в судьбы несогласных, превращая борьбу за свободу в «охоту на ведьм», доводя её до абсурда и «полного затмения разума».

художники, защитники окружающей среды, сторонники здорового питания, телекомментаторы говорят о том, что в Америке множество людей стремится к одобрению своей сущностной доброты и великодушия. Мы – нация, отчаянно пытающаяся занять сторону морали и получить подтверждение своей правоты пребывания в свете, когда политическое трансформируется в сотериологическое, а спасение наших душ зависит от того, за кого мы голосуем» [7].

Это легко воспринять за риторику догматического либерализма. Но Боттум хочет пояснить: внутренняя жизнь светских американцев остаётся проникнутой духовным опытом, а постпротестантский опыт напоминает сверхъестественный мир Средневековья, но с новыми духовными сущностями вместо прежних демонов и эльфов. Социальные и политические идеи получили статус прежних божеств, они возникают из древней потребности в духовном и религиозном, но существуют в этом мире у обычных людей и адаптировались к веку, в котором мало осталось из старой религии. Происходит «духовное уплотнение» и «околдование» (re-enchantment) [7].

Постпротестанты имеют много имён – Woke, «духовные граждане», «новое духовное поколение», «светские духовные», «хранители ортоэтики», «новые пуритане», «Poster Children» («образцовые дети»). И все эти названия имеют отношение к трансформации «старых» протестантов (основного направления Protestant Mainline, PM) в постпротестантов.

Чтобы понять, как у неверующих рационалистов появляется «строгая вера» и какова её суть, следует вспомнить предысторию протестантизма, поскольку постпротестанты приходят на смену потерпевшему крушение протестантизму основного направления (PM), заполнив вакуум, образовавшийся в публичной жизни. Это время Боттум называет «тревожным», поскольку протестантские церкви основного направления¹, будучи основой социального консенсуса и культурного единства американцев, сегодня утратили доверие в обществе и перестали играть привычную роль моральных скреп.

До 1960–70-х гг. американское общество представляло собой некое единство на основе трёх столпов: демократии в политике, капитализма в экономике, протестантизма в этике. Протестантизм гарантировал нации определённое моральное видение и поддерживал вклад демократии и капитализма в существование американского общества. Прославляя американские ценности и обличая недостатки, христианство (PM) создавало уверенность, что Америка следует курсом, отличным от Европы.

¹ PM-Protestant Mainline – протестантские церкви основного направления, к которым относятся епископалы, лютеране, северные баптисты, методисты, пресвитериане, конгрегационалисты/Единая церковь Христа. Несмотря на то, что американская религия, согласно широко распространённому мнению (основанному на исследовании У. Херберга), представляет собой триединство протестантизма, католицизма и иудаизма, доминировал всегда протестантизм, и каждая из других частей этого единства испытала его необычайное влияние. И хотя формальное и правовое равенство всех религий перед законом было закреплено в «Декларации прав» и Конституции, на разных этапах американской истории они играли далеко не равную роль. Этот процесс многие учёные называли «протестантизацией американской религии», т. к. каждая из них носила протестантский отпечаток.

Постпротестанты (Poster Children) – «духовные граждане» и современные либералы, и их неспроста называют «новыми пуританами», поскольку они весьма «религиозны», но на свой лад. Объекты их веры (purity) не Бог и божества, а современные социальные проблемы – охрана окружающей среды, реконструкция человеческой сексуальности и гендерных ролей, и т. п. Их эkkлезиология является не столько светской (secular), сколько гражданской (civic). По большей части они политические либералы, предпочитающие, чтобы социальные вопросы решались правительством, а не частными ассоциациями. И они пуритане по своему оценочному осуждающему тону, желающие переустроить мир в соответствии с собственными представлениями о том, какое поведение является хорошим и как его достичь. Это «новая элита», занимающая публичное пространство, в котором образовался вакуум после ухода протестантов основного направления (РМ).

Как же происходит это превращение пуритан в новых пуритан или постпротестантов, есть ли у них нечто общее и что их разделяет? Пуритане всегда были одержимы чистотой и безупречностью (само их наименование происходит от этого слова). Чистая религия, чистая жизнь, безукоризненные институты, безупречные люди, что заставило их в своё время оставить Англию и переселиться в Америку, поскольку Англиканская церковь не соответствовала их представлениям о чистоте веры и не вполне очистилась от католицизма. Они постоянно искали проступки и недостатки в себе и в своём окружении, чтобы исправить их и это было отправной точкой человеческого духа, души и культуры. Они испытывали скепсис по отношению к разуму и интеллекту падшего человека, даже своему собственному, но всё же опирались на него, интерпретируя Писание, полагая, что Святой Дух предохранит их от ошибок и неверных выводов. Как известно, в основных направлениях аскетического протестантизма главное внимание уделялось руководству не религиозных авторитетов и церковнослужителей, а Святого Духа. Конечно, всегда было опасение, как бы «оправдание верой» и руководство Святого Духа не превратились в «оправдание безграмотности», когда любой человек может присвоить себе Его заслуги. Поэтому было введено понятие «half-way covenant» («наполовину верующий») как компромиссный вариант для детей и внуков пуритан, которые не могли доказать своё обращение, что позволяло им быть частью местных конгрегаций и достичь полного членства под наблюдением старших. В конечном счёте пуританизм разделился в зависимости от двух возможных вариантов избежать этой опасности: интеллектуальное, составившее либеральное крыло религиозного общества, и ортодоксальное, составившее библейское крыло на пути к фундаментализму.

В начале XX в. усиливаются их расхождения в интерпретации Миссии Христа, что приводит к появлению движения «социального евангелизма». По мнению Боттума, именно идеи «социального еванге-

лия» в изложении В. Раушенбуша¹ нанесли непоправимый вред протестантизму основного направления (РМ) и во многом объясняют формирование постпротестантской этики. Раушенбуш иначе интерпретирует цель христианства вообще и социального евангелия в частности. По его мнению, от личного спасения необходимо переходить к евангелизации и спасению мира. Но главное – он дал новое определение греха и его искупления. Грех – фанатизм, коррумпированные власти и право; милитаризм означает преступление не столько против Бога, сколько против общества, и то, что искупление грехов происходит не благодаря вере в Иисуса Христа и миру с Богом, а посредством установки сознания, личному внутреннему отрицанию сил зла. Такая «спасённая личность – фундаментальный вклад каждого человека в то, что Раушенбуш называет «прогрессивным обновлением социальной жизни» [7, с. 66, 70].

Постпротестанты, подхватив эти идеи, уверены: сегодня первородный грех (расизм) становится привилегией белого населения, в котором они должны постоянно каяться без надежды на спасение. Для постпротестантов социальные силы фанатизма, власти, коррупции, массового мнения, милитаризма и подавления – постоянные темы истории, с которыми они должны бороться. Суть их «секулярной религии» – встать в оппозицию к фанатизму и подавлению, понимая, что добро и зло определяются не терминами персонального поведения, а состоянием социальных условий жизни. Другими словами, грех – социальный факт, а личность спасается в процессе осознания этого, отвергая зло и темноту общества.

Эти люди не являются религиозными в подлинном смысле слова, хотя они могут считать себя «духовными». Они осуждают протестантское христианство своих отцов за всё худшее, что есть в мире. Но если они отвергают теологические и церковные идеи и убеждения своих отцов, то наследуют их твёрдую уверенность в своей «сущностной моральной правоте» [7, с. 13]. Фактически, без опоры на Христа и церковнослужителей у них крепнет чувство «морального просвещения», ощущение своей избранности и высокой миссии спасителей человечества.

«Новая этика» постпротестантов оказывается сродни секулярной религии, перестраивающей старый протестантизм на новый мирской лад, главные догматы которой – *антирасизм*, *антигендерная дискриминация*, *антинеравенство* и т. д. У неё есть свои священные тексты, табу, крестовые походы и инквизиция, своя миссия и переполняющее каждый их шаг чувство сакрального.

Сторонники «новой этики» представляют свою идеологию как завоевание демократии, расширение прав различных групп и осознание разных типов угнетения, на которые раньше не обращали внимания.

¹ Согласно программе социального евангелия, изложенной В. Раушенбушем: 1). «Великий день Христа, которого мир так долго ждал, наступил; 2). В процессе эволюции американского общества «выявляется огромный перфекционистский потенциал человеческой природы»; 3). Человек, покоривший природу, должен овладеть социальными силами, разрушить «оковы зла». Суть этой программы: каждый истинный христианин способен жить по велению совести и участвовать в решении главной задачи – построении Царства Божия на Земле. Церковь ответственна не только за спасение индивида, но и за состояние общества и его преобразование на основе этики Христа [20].

Но, в сущности, всё с точностью до наоборот. Идеалы многообразия, толерантности, равенства, которые полвека назад были поставлены во главу угла большинством западных левых движений, породили свою противоположность: «воинствующий морализм и жестокий догматизм», характерные для мировоззрения и культуры Woke [16]. Их идеология разрушает сами основания американской демократии, приводя к разделению американцев на группы «угнетателей» и «угнетённых», сея между ними вражду и ненависть, подрывая смысл и суть принципа «единства в многообразии», их общую веру – «гражданскую религию».

Идеи плюрализма¹, культурного, религиозного и нерелигиозного многообразия, борьба за равноправие «подавляемых» меньшинств, стремящихся к социальному, этническому, расовому, гендерному равенству, сегодня часто приводят к диктатуре меньшинств и утрате прав большинства, настолько отчётливой, что скоро можно будет говорить о превращении большинства в самое угнетённое меньшинство и о необходимости защиты его прав. Иначе говоря, сегодня в Западном мире происходит утрата смысла и сути «демократии», нарушение прав большинства и «затмение разума», поскольку теряется чувство меры как признака разума, о чём в своё время писал итальянский философ М. Ф. Шакка, рассуждая о природе глупости.

Заключение

Современные западные общества находятся в процессе перехода от дифференцированной к дедифференцированной религии, сосуществуя друг с другом. Растёт нерелигиозное разнообразие, появляется всё больше людей, не относящих себя ни к религиозным, ни к светским, но при этом сочетающих религиозные, нерелигиозные и духовные взгляды, верования и практики, когда все привычные категории для их описания не «работают» как надо. И в этом случае весьма уместными оказываются такие понятия, как «плюрализм дедифференциации» и «религиозная сложность».

Понятие «сложность» означает одновременное присутствие религиозного упадка, роста и изменения на разных уровнях общества, помогая лучше понять, что происходит размывание чётких границ между религиозным и нерелигиозным, что религия проникает в те сферы жизни, в которых ей раньше не было места. Появляются разные типы для описания сложности нерелигиозного разнообразия: «духовные, но не религиозные», «неопределённые верующие», «никакие», «не имеющие религии», «религиозно неаффилированные», «постпротестанты», о которых в той или иной степени идёт речь в этой статье, и предпринимается попытка показать их преемственность и эволюцию понятия «духов-

¹ Плюрализм имеет разные значения, но в данном контексте – это следствие и основа принципов либеральной идеологии (индивидуализма, рационализма, равенства и толерантности, религиозной свободы).

ность»: от контркультурной, материалистической (телесной) и индивидуалистической к постматериалистической, постпротестантской, этической и морализаторской.

Связь между каждым поколением и религией уникальна, но есть нечто общее, что их объединяет – это важные культурные сдвиги, произошедшие в 1960-е, которые всё ещё влияют на сегодняшние нерелигиозные верования и практики и на то, какими они будут в будущем. Произошедшие тогда изменения способствовали формированию высоко индивидуалистической идентичности и мировоззрения бэби-бумеров. Они всё меньше интересовались верой, в которой были воспитаны, проявляя интерес к интроспекции и «просвещению». Они были склонны не к религиозному и культурному единообразию (несмотря на различие деноминаций и вер все американцы до событий 1960-х были объединены в общую американскую религию, скреплявшуюся гражданской религией, – верой в идеалы американской демократии), а к культурному и моральному релятивизму, вбирая нетрадиционное во всём, в том числе и в социальных и религиозных вопросах: контроль рождаемости, изменение сексуального поведения, вызов гендерным ролям и отрицание брака, вовлечённость в либеральные движения, связанные с такими вопросами, как гендерное и расовое равенство, права геев, война, окружающая среда и новые религии.

Религиозные верования и в эмоциональном, и в практическом смысле становились амальгамой различных религиозных традиций, которые интерпретировались индивидом самостоятельно, без обращения к традиционным религиозным авторитетам и посещения религиозных служб. В литературе такое смешение получило название «шейлаизма»¹. По иронии судьбы больше всего в это время пострадали либеральные церкви, тогда как консервативные (пятидесятники, евангелики и др.), напротив, росли. Они фокусировались на духовном опыте, что привлекало к ним как бэби-бумеров, так и светскую часть населения, не имевшую никакой религиозной принадлежности. Иначе говоря, поиски и стремление к «духовности» объединили и бумеров, и миллениалов, и религиозных, и нерелигиозных. Эта тенденция (быть «никакими») усиливается в последующие десятилетия и сегодня является характерным признаком миллениалов. Бэби-бумеры, протестовавшие против буржуазного общества и культуры, отказывались от традиции и религии своих отцов, но были в «духовном поиске», миллениалы-постпротестанты тоже отказываются от религии своих предков, но сохраняют (и умножают) пуританскую уверенность в своей избранности, создавая собственную секулярную религию, участвуя в делах не только своего общества, но и всего мира, желая реконструировать его по своему весьма радикальному разумению, переходя границы разумного в стремлении подчинить всех своей тоталитарной идеологии, полагая, что в этом и состоят их высшая цель и назначение.

¹ От имени Шейла, одной из участников интервью, которая описывала своё индивидуализированное восприятие Бога и личностное отношение к вере, зафиксированное Р. Беллой и его соавторами в книге «Привычки сердца» [2].

Идеалы многообразия, толерантности, равенства, бывшие принципами всех левых движений за права меньшинств более полувека назад, сегодня превращаются в свою противоположность: «воинствующий морализм и жестокий догматизм», характерные для мировоззрения Woke. Это приводит к диктатуре меньшинств, извращению сути демократии с его принципом «единство в многообразии» и необходимости защиты прав большинства, становящегося самым бесправным меньшинством, что вызывает обеспокоенность как обычных людей, несогласных с ней, так и научного сообщества.

Причины этих изменений самые разные. Во-первых, институциональные, включая социальную трансформацию, секуляризацию, детрадиционализацию. Во-вторых, социально-психологические: индивидуализацию и социальное расщепление, изменение роли женщины в семье. В-третьих, политические: поляризацию консерваторов и либералов, с последующей либерализацией общества. Всё это приводит к доминированию либеральных ценностей и последующим изменениям системы образования, приобретающей всё более светский характер; к контролю рождаемости; разногласиям между правами человека и правами религиозной личности; плюрализации во всех сферах социальной и индивидуальной жизни; потребительской идеологии; уменьшению индивидуальной религиозности и росту влияния религии в публичной сфере.

Один из самых важных факторов роста «никаких» и «постпротестантов» – низкий уровень или отсутствие религиозной социализации и трансляции религиозных стандартов от родителей детям, что приводит к религиозной безграмотности молодых поколений и имеет давнюю традицию, которую можно проследить вплоть до 1960 гг., когда начинается «разрушение религиозной социализации».

В последнее время проблема «никаких», ВОК и постпротестантов становится не только научной, привлекая внимание исследователей к решению сложностей при изучении многоликкой, нерелигиозной идентичности, но и общественно-политической, т. к. непосредственно связана со всё большим разделением западных обществ на «угнетателей» и «угнетённых», ростом вражды и нарушением главных принципов демократии: свободы слова, плюрализма, равенства всех перед законом.

Библиографический список [References]

1. Ammerman N. T. «Spiritual but not Religious? Beyond Binary Choices in the Study of Religion.» *Journal for the Scientific Study of Religion*. Boston University, 2013: 52(2): 57. Accessed 10.04.2021. URL: <https://hdl.handle.net/2144/5449>
2. Bellah R. N., Sullivan W. M., Swindler A., Tipton S., Madsen R. *Habits of the heart: Individualism and commitment in American life*. New York, Harper and Row, 1985: 355.

3. Berger P. The Many Altars of Modernity. Towards a Paradigm for religion in a Pluralist Age. De Greuter, 2014: 147.
4. Berger P., Davie G., Fokas E. Religious America, Secular Europe? Ashgate, Great Britain, 2008: 168.
5. Beyer P. Religion in the Context of globalization. A Developing of theoretical perspective. In: Religion in the context of globalization. Essays on concept, form and political implications. Routledge, 2013: 1–23.
6. Beyer P. Beaman L. Dimensions of Diversity: Towards a More Complex Conceptualization, Basel, Switzerland, 2019: 1–15. Accessed 10.04.2021. URL: <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>
7. Bottum J. An Anxious Age: The Post-protestant Ethic and the Spirit of America. New York, Image Press, 2014: 296.
8. Brown C. G. Religion and Demographic Revolution: Women and Secularization in Canada, Ireland, UK, and USA since 1960s. Woodbridge, 2012: 305.
9. Brown C. G. The Secularisation Decade: What the 1960s have done to the study of religious history. In: *The decline of Christendom in Western Europe 1750–2000*. Ed. by McLeod H., Ustorf W. Cambridge, 2003: 29–46.
10. Casanova J. Public Religions in the Modern World. The University of Chicago Press, Chicago, London, 1994: 320.
11. Chaves M. American Religion: Contemporary Trends. Priston, New York, Prinston University Press, 2017: 172.
12. Fuller R. C. Spiritual, but not Religious: Understanding Unchurched America. Oxford, UK, Oxford University Press, 2001: 224.
13. Fursett I., Kuhle L., Lundby K., Lovheim M. Religious Complexity in Nordic Public Spheres. *Nordic Journal of Religion and Society*, 2019: 1: 32: 71–90.
14. Heelas P., Woodhead L., with Seel.B., Szerzhynski B., Tusting K. The Spiritual Revolution. Why Religion is Giving Way to Spirituality. Blackwell, USA, UK, 2005: 204.
15. Hout M. and Fischer C. S. Explaining Why More Americans Have No Religious Preference: Political Backlash and Generational Succession, 1987–2012. *Sociological Science*, 2014: 1: 423–447.
16. Klainerman S. How to fight the enemies of academic freedom? “Quillette”. Accessed 10.08.2020. URL: <https://quillette.com/2020/08/10/how-to-fight-the-enemies-of-academic-freedom/>
17. McLeod H. A Religious Watershed? The “Long Sixties” in Long-Term Perspective. SZRKG, 107, 2013: 15–31.
18. Pasture P. 2013. Dechristianization and the changing religious landscape in Europe and North America since 1950. In: *The Sixties and Beyond: Dechristianization in North America and Western Europe, 1945–2000*. Ed. by Christie N., Gauvreau M. Toronto, 2013: 367–402.

19. Post-protestantism's Anxious Age Revisited: A conversation with Joseph Bottum, September 9, 2020. Accessed: 10.04.2021. URL: <https://albertmohler.com/2020/09/09/joseph-bottum>
20. Rauschenbusch W. Christianity and Social Crisis. New York, The Macmillan company; London, Macmillan & co. ltd., 1907: 458.
21. Ribberink E., Achtenberg P., Houtman D. A post-secular turn in attitudes towards religion? Anti-religiosity and anti-Muslim sentiment in Western Europe. *Rassegna Italiana di Sociologica*, 2017: 4: 802–829. DOI: 10.1111/jssr.12335
22. Voas D., Day A. Recognizing Secular Christians: Towards An Unexcluded Middle in the Study of Religion. *ARDA GUIDING PAPER*. Accessed 10.04.2021. URL: http://www.thearda.com/rrh/papers/guidingpapers/voas_essay.doc
23. Voas D., Chaves M. Is the United States a Counterexample to the Secularization Thesis? *American Journal of Sociology*, 2016: 121: 5 (March): 1517–1556.
24. Woodhead L., Intensified Religious Pluralism and De-differentiation: the British Example. Department of Politics, Philosophy and Religion, Lancaster, University, County South, Lancaster LA1 4YQ, UK. [Springerlink.com](http://www.springerlink.com), 2016: 41–46.
25. Wuthnow R. The Cultural Turn: Stories, Logics and the Quest for Identity in American Religion. In: Contemporary Religion. Ed. by Becker P., Eiesland N. Walnut Creek, AltaMira, 1997: 245–265.

Статья поступила: 30.06.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Руткевич Елена Дмитриевна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.737

(Non)Religious Diversity and Correlation of Religious, Spiritual and Secular in the Consciousness of Modern Man

Elena D. Rutkevich

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: erutkevich@yandex.ru

Orcid ID: 0000-0002-4082-7198

For citation: *Rutkevich E. D.* (Non)Religious Diversity and correlation of religious, spiritual and secular in the consciousness of modern man. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No.3. P. 54–78. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.737

Abstract: Non-religious diversity is growing in the world nowadays. In the current context it is understood not as a diversity of faiths, religions, non-religions, etc., but as a variety of types of non-religious consciousness and categories of non-religious identity. The article covers only a few aspects of this vast topic. First, the theoretical prerequisites and substantiations for the change in the Western non-religious identity taking place during the transition from the

Westphalian to the post-Westphalian system of religious governance and the emergence of a special type of pluralism that is formed in the process of dedifferentiation of religion, globalization and the transformation of the “religion of place and nation” into a transnational religion “without place and nation”, when the ratio of religious, spiritual and secular in the mind of a postmodern person changes. Second, the author analyses the origins and causes of this transformation of non-religious consciousness in the “long 1960s”. Third, the author traces the evolution of such types of non-religious diversity as “spiritual but not religious”, “none” and “post-protestants” and the concept of “spirituality” that connects them. The category “spiritual but not religious”, sometimes perceived as dubious and unconvincing, appearing in the context of countercultural spirituality, in the author’s opinion, is very important for understanding Western, especially American irreligiousness in general and the processes taking place today in particular. The processes that are associated with the growth of “none” and the proliferation of “post-Protestants” related to the Woke culture, who claim the role of “saviours of humanity”, attaching more importance to the “new post-Protestant ethics” (rather than religion and tradition), seeking to politicise religion, to sacralise politics, race and gender relations. Rejecting the “old religion” and proclaiming a “new ethics”, moving from the ideals of diversity, universal tolerance and political correctness to “militant moralism and cruel dogmatism”, they confirm the idea of “complex irreligiousness” in the era of “late modernity”, that seems to be a sign of the times and requires close attention of scientists.

Keywords: non-religious diversity, spirituality, religion, irreligiousness, spiritual but not religious, none, pluralism, dedifferentiation of religion, post-protestants, new ethics, non-religious“complexity

The article was submitted on: 30.06.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena D. Rutkevich, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Research Fellow,
Institute of Sociology of FCTAS RAS Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА

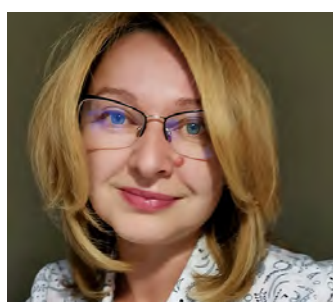
ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ ПОСТМОДЕРНЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738

Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования

Ссылка для цитирования: *Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С., Сорокин О. В.* Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 3. С. 79–98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738

For citation: Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Lyubutov O. V. Sorokin O. V. Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12 No. 3. P. 79–98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738

**Зубок
Юлия Альбертовна¹**

¹ИСПИ ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

uzubok@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 74721

**Чупров
Владимир Ильич¹**

¹ИСПИ ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

chuprov443@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 74722

**Любутов
Александр Сергеевич¹**

¹ИСПИ ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

alexander501@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 74719

**Сорокин
Олег Владимирович¹**

¹ИСПИ ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

ov.sorokin@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 719446

Аннотация. В последнее время внимание к тематике жизненных позиций молодёжи усилилось в связи с активизацией молодёжи в общественно-политическом пространстве жизнедеятельности общества: отстаивание своего права на участие в формировании городского пространства, участие в волонтерском, экологическом движении, за сохранение культурного наследия и ценностей различного спектра: от традиционных до современных. Характер этих и других видов деятельности регулируется жизненной позицией, отражающей понимание разными группами молодёжи себя, смысла своей жизнедеятельности, своей роли в обществе.

В статье рассматриваются сущность жизненной позиции молодёжи, особенности её формирования в рамках существующего смыслового пространства реальности и связь с социальной активностью. На основе разрабатываемой Центром социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН концепции социокультурной саморегуляции жизнедеятельности и данных, полученных в ходе проведённого Центром социологического исследования, анализируются связи жизненной позиции молодых людей с возрастом, уровнем материального положения и образования, а также с региональными условиями жизни.

Описаны связи жизненных позиций молодых людей с их мировоззренческими установками на индивидуализм и коллективизм, доверие и недоверие окружающим. Путём применения структурно-таксономического моделирования процесса жизнедеятельности молодёжи рассмотрены взаимосвязи её жизненных позиций с элементами социокультурного механизма саморегуляции. Так, анализируются связи ядра таксона габитусов активной и пассивной жизненных позиций молодых людей с архетипами, ментальными чертами, современными чертами и смысловыми ценностями, типами молодёжных культур. Установлено, что регуляционная функция активной жизненной позиции реализуется посредством как традиционных, так и современных элементов механизма саморегуляции: архетипами славы и идеализации прошлого, с одной стороны, и рационализмом, открытостью ко всему иностранному, отношением к стране как месту проживания, с другой. В свою очередь регуляционная функция пассивной жизненной позиции преимущественно формируется под влиянием условий жизнедеятельности молодых людей, а роль молодёжных типов культуры и смысловых ценностей сводится к осознанию ими смыслового содержания сформировавшейся габитуальной установки. В статье также анализируются показатели социальной активности молодёжи исходя из их связи с мировоззренческими смысловыми установками.

Ключевые слова: молодёжь, жизнедеятельность молодёжи, саморегуляция, жизненная позиция молодёжи, социальная активность молодёжи, социальная реальность, смысловое пространство

Жизненная позиция: социальная сущность и формы

Жизненная позиция в наиболее общем виде представляет собой взгляды, убеждения и действия личности, отражающие её отношение к окружающему миру и реализуемые в социальной жизни [12; 1]. Это отношение личности к собственной жизни [9].

Социальная жизнь молодого человека – особая форма организации и регулирования его жизнедеятельности. Ключевым понятием в ней является социальная деятельность человека – «система преднамеренных, целенаправленных действий, включающая в себя разумное целе-

полагание». Жизнедеятельность регулируется «динамической системой смысла жизни», представляющей собой «мотивацию как некое смысловое единство» [3, с. 611]. Понимание смысла жизни обусловлено мировоззренческими, моральными и психологическими качествами личности и различается в разных социальных группах, в т. ч. молодёжи, отражаясь *в жизненных позициях молодых людей*. Субъективно, отмечает В. Н. Маркин, это «форма бытия индивида, внутренне детерминирующее звено жизнедеятельности человека, которую характеризует не отдельно взятый поступок, а совокупность типичных (репрезентативных) поведенческих актов, устойчивая линия поведения и деятельности. Поэтому единство духовного и практического (слова и дела, замысла и поступка, мотива и действия) становится принципом анализа жизнедеятельности личности, её жизненной позиции [11].

Рассматривая жизненную позицию в контексте деятельности человека, Л. С. Рубинштейн отмечал роль общезначимых целей, которые определяют образ жизни и формируют личность, и выделял две ключевые парадигмы в её понимании. Марксистская парадигма исходит из понимания бытия не только как объекта сознания, но и действия, практики. Экзистенциальная рассматривает бытие исключительно только как объект сознания [15; 16, с. 373]. Соответственно различаются и подходы к пониманию жизненной позиции как регламентированной социальной активности индивида, или как открывания для себя смыслов разных объектов в процессе их включения в свою деятельность. Классик экзистенциальной психологии В. Франкл связывал жизненные позиции человека с процессом его духовного роста, направленностью на объекты социальной реальности, готовностью посвятить себя любимому делу, человеку или Богу [19, с. 54]. С точки зрения данного подхода, молодой человек в процессе деятельности открывает для себя функциональные смыслы объекта, которому себя посвящает, тем самым выполняет свою социальную миссию, отдаваясь любимому делу. Стремление к смыслу, по В. Франклу, – это и есть суть жизненной позиции человека. При этом стремление к смыслу выступает ведущим принципом поведения зрелой личности человека [19, с. 61]. Выход за рамки «направленности на самого себя» отражает стремление человека в поиске духовно-нравственных ценностей и идеалов, способствует становлению жизненной позиции молодого человека. Изучение природы жизненной позиции личности посредством субъектно-деятельностного подхода предполагает рассмотрение таких способностей человека, как стремления к непрерывному изменению, росту, самореализации и самосовершенствованию [2, с. 7].

В рамках деятельностного подхода в психологии исследуются различные аспекты жизненной позиции индивида. Так, исследователи И. Ю. Кулагина и В. Н. Колюцкий объясняют природу жизненной позиции личности молодого человека с помощью концепции жизненного пространства. Векторная направленность восприятия окружающего мира определяет характер потребностей и интересов человека [8, с. 71]. Согласно данной концепции, каждый социальный объект обладает силой

притяжения, а следовательно – влияет на мотивационную сферу сознания молодого человека. Исследователи выделяют концепт «центральные жизненные принципы». Наряду с принципами удовольствия и реальности они рассматривают принцип ценности, который означает новую ступень в развитии мотивации личности [8, с. 72]. А центральный жизненный принцип в концепции Кулагиной и Колюцкого – это принцип творчества.

В концепции Н. Низовских жизненные принципы отражают внутренние позиции и средства саморазвития личности [14, с. 112]. Наличие осознанных жизненных принципов свидетельствует о социальной зрелости человека в мире. Только через внутреннюю позицию, по мнению исследователя, складывается система личностных смыслов, на основе которой человек строит своё мировоззрение. Таким образом, жизненная позиция индивида у В. С. Мухиной отражает ценностное отношение человека к себе, к окружающим людям, к собственному жизненному пути и к жизни вообще [13, с. 36].

Жизненная позиция, в которой отражается понимание молодым человеком самого себя и смысла собственной жизни, является необходимой составляющей высшего уровня диспозиции личности, позволяя адекватно определить свою роль как субъекта собственной жизнедеятельности. Формирование цели жизненной позиции представляет собой результат осознанной деятельности молодого человека, осуществляемой в процессе саморегуляции его жизнедеятельности. Осознанность как рефлексивность, активность или субъектность (agency), способность к конструированию и гармоничность как независимость и возможность жить собственной жизнью в соответствии со своими представлениями рассматриваются Д. А. Леонтьевым в качестве основных составляющих жизненной позиции [10].

В отечественной науке смысл категории «жизненная позиция» как формирование субъектного отношения разных групп молодёжи к объектам и событиям реальности рассматривался преимущественно в качестве сферы целенаправленного регулирования, а экзистенциальные основания жизненных позиций – преимущественно как критерий их успешности. Это привело к смещению данного понятия в разряд старомодных и «олдскульных» (от английского «old school» – старая школа), вытеснив в его на периферию современных исследований молодёжи. Между тем игнорирование этого феномена плохо коррелировало с возрастанием субъектной активности молодёжи в условиях либерализации общества и необходимостью изучения мотивационных основ этой деятельности. Обращение к феноменологической парадигме в изучении конструирования молодёжью своей жизни, субъектного формирования ею жизненных стратегий и реализации жизненного выбора показало связь этих процессов с характеристиками жизненной позиции молодых людей. Иными словами, их отношением к реальности и наделением объектов реальности соответствующими смыслами.

В процессе социальной активности индивид наделяет объекты новыми значениями, которые напрямую зависят от его культурной идентификации. Новые смыслы из значения объектов закрепляются в форме образов окружающего мира в сознании индивида, становятся частью жизненной позиции и определяют характеристики жизнедеятельности и конкретные способы социальной активности.

Формы активности в концепте жизненной позиции

Представляя собой отношение молодого человека ко всем проявлениям окружающего мира, жизненная позиция реализуется в различных формах активности, а также посредством демонстрации пассивного отношения к различным его проявлениям. Соответственно выделяются активная и пассивная жизненные позиции. В отличие от активной жизненной позиции, направленной на конструктивные изменения, её пассивная форма отражает конформистскую либо эскапистскую (бегство от действительности) направленность поведения. В этих формах жизненная позиция выступает интегральным коррелятом жизнедеятельности молодёжи и значимым фактором её саморегуляции.

Ключевое понятие «активность» отражает способ жизнедеятельности молодёжи в социальном пространстве, где она одновременно проявляется как характеристика и жизненной позиции, и жизнедеятельности в целом. Её атрибутивными признаками выступают «отсутствие безразличия к существенным, жизненно важным воздействиям внешней среды (в отличие от простой реактивности, т. е. неизбежного реагирования на несущественные перемены во внешней среде; наличие комплекса свойств, обеспечивающих самодвижение и выражающихся в самодетерминации, самоопределяемости, способности к саморегуляции и самоорганизации, самовоспроизведению и саморазвитию; воздействия на среду, связанные с преодолением внешних разрушающих сил; выбор способов действия в условиях изменчивости). В качестве смыслового содержания активных форм реализации жизненной позиции используется понятие «активизм», которое в широком философском плане отражает представление о сущности человека не в созерцании, а в деятельностном преобразовании окружающего мира» [22, с. 43]. В контексте повседневной реальности в нём подразумеваются любые формы активности. Поэтому, с одной стороны, она отражает качество личности, а с другой – меру интенсивности её социальной деятельности.

Как качество личности, проявляющееся в сознании необходимости общественно значимой деятельности и в готовности к этой деятельности, в умении действовать на общую пользу, социальная активность часто воспринимается как деятельность по решению общественных задач [20, с. 176; 17, с. 167]. Подразумевается осознание человеком социального смысла самих задач и их решений, соотнесение собственных потребностей с общественными интересами и потребностями, формирование

мотивации, выражающей общественную позицию. Вместе с тем активность может быть направлена исключительно (или в большей мере) на собственные интересы, саморазвитие, преобразование себя. Если в случае общественно значимой активности, направленной на других, личность принимает на себя определённые обязательства, становится субъектом ответственности не только за себя, но и за свою группу или даже общество в целом, то в случае высокой индивидуализации целью и критерием активности является сама личность и её интересы. В соответствии с этими ориентациями жизнедеятельность наполняется разными смыслами.

Конкретные проявления активной жизненной позиции также разнообразны: благотворительность, волонёрская деятельность, электоральная активность, работа в общественных организациях, выдвижение инициатив и их обсуждение на общественных слушаниях, и т. д. Через участие в этих структурах реализуется институционализированная активность, а посредством участия в неформальных структурах, уличных акциях протеста происходит её выход за пределы институциональных рамок, однако не утрачивается возможность оставаться социальной активностью как по форме (развивается в процессе совместной деятельности молодых людей), так и по направленности (нацелена на решение актуальных социальных проблем). В обоих случаях реализуется активная жизненная позиция молодёжи.

В противоположность активной, пассивная жизненная позиция как форма организации собственной жизни характеризуется отсутствием ясно выраженного представления о целях и средствах их достижения, когда жизнь регулируется реакцией на внешние обстоятельства. Применительно к социальной жизни, она рассматривается в контексте взаимодействия с другими людьми, проявляясь в равнодушном и безразличном отношении к ним, ко всему, что исходит со стороны, в т. ч. общества.

Социокультурная обусловленность жизненной позиции

Формирование жизненных позиций происходит в смысловом пространстве. Отражая понимание молодым человеком сущности различных сторон жизни, смыслы определяют и значение разных форм активности для молодого человека. Движимые разными смысловыми интенциями, молодые люди направляют свою активность и руководствуются теми смыслами, которые наиболее адекватно отражают их опыт. Наделение разных сторон жизни особым смыслом и значением и невозможность полноценного существования вне их реализации придаёт жизненным позициям динамический, деятельностный характер.

Значимая роль в этом процессе принадлежит элементам механизма саморегуляции – архетипам, ментальным и современным чертам национального характера, габитусам и стереотипам, которые служат важным

источником формирования в сознании молодых людей смыслов, определяющих направленность целей их жизненных стратегий. Конструируя образы объектов реальности, молодые люди наполняют их (объекты) собственным смыслом, в результате чего они приобретают для молодого человека самоценное (терминальное) значение, т. е. выступают как ценности-цели и служат основанием для выбора в качестве жизненной цели. Достижение этой цели и становится смыслом жизни. Смыслжизненные ценности являются ценностной основой формирования цели жизненной позиции.

Рассматривая жизненные позиции, мы отмечаем их направленность на общественно значимые цели, достигаемые в солидарных отношениях, или индивидуально значимые, реализуемые самостоятельно. Руководствуются ли молодые люди коллективистскими или индивидуалистическими установками, чувствами или расчётом, они в равной мере могут осуществлять свою жизнедеятельность как в активной, так и в пассивной форме. В жизненных позициях при этом могут проявляться сложные конфигурации смыслов и форм. Так, индивидуализированные активности характеризуются слабыми социальными связями, а коллективные, напротив, стремлением к объединению со сверстниками на основе коллективной самоорганизации; но и одни, и другие могут быть движимы как чувствами, так и расчётливостью. А доверие как механизм саморегуляции жизнедеятельности способен и повысить активность, и понизить её. В то же время приверженность пассивной позиции скорее проявится в согласии с целями, провозглашаемыми обществом, но в безразличии к процессам, не касающимся лично каждого, однако молодые люди воспротивятся любым инициативам, непосредственно затрагивающим их интересы.

Жизненная позиция как многоплановое явление на уровне сознания представляет собой систему установок, осознанных представлений и убеждений в отношении активности, определённым способом закреплённых в социальных практиках. В обыденной жизни это проявляется в привычках быть активным или пассивным, т. е. в габитусах, связывающих установки с социальными практиками. Исходя из этого, жизненные позиции интерпретируются как габитусы активной либо пассивной жизненной позиции. Основанием для подобной интерпретации послужило то, что габитус порождается средой, условиями жизнедеятельности, поэтому связан с позицией молодого человека в социальном пространстве. Применительно к процессу саморегуляции он выполняет двойственную функцию. С одной стороны, являясь продуктом интериоризации внешних условий, габитус влияет на формирование внутренних структур сознания в форме предрасположенности молодого человека к активности или пассивности, а с другой, – закрепляясь в социальных практиках, становится условием их экстериоризации, т. е. преобразования внутренних структур в систему внешних воздействий самих молодых людей на условия их жизнедеятельности.

Социокультурными регуляторами жизненных позиций выступают элементы социокультурного механизма, к которым в разрабатываемой авторами концепции отнесены: традиционная культура, определяющая историческую обусловленность процесса саморегуляции, и молодёжная субкультура, характеризующая её социально-групповые особенности; архетипы коллективного бессознательного, лежащие в основе смыслообразования; ментальные и современные черты национального характера, закреплённые в социальных практиках посредством габитусов; установки, стереотипы и ценности, образующие структуру диспозиций, регулирующих социальное поведение [6, с. 114–123; 7; 18]. Названные элементы и заложенные в них смыслы играют важнейшую роль в самонастраивании и саморегуляции жизнедеятельности молодёжи, а вместе складываются в единый социокультурный механизм. Каждый элемент этого механизма по-своему влияет на формирование жизненных позиций и выполняет собственную регулирующую функцию в их формировании. Достижение конечного результата – общего эффекта саморегуляции – обеспечивается взаимосвязью между всеми элементами этого механизма. Поэтому и смыслы, стоящие за каждым элементом, не проявляются в одиночку, а образуют множественные смысловые единства, определяющие сложную структуру мотивации жизнедеятельности. В жизненных позициях эта сложная структура находит конкретное воплощение.

Опираясь на результаты исследования¹, проанализируем характеристики жизненных позиций в различных группах молодёжи.

Характеристики жизненных позиций в самооценках молодёжи

Для анализа жизненных позиций молодёжи использовались ответы на предложение: «Опираясь на собственный опыт, оцените характер Вашей жизненной позиции». Оценка проводилась на основе семибалльной шкалы, где значение «1» означало крайнюю пассивность, а «7» – наивысшую активность. Просуммировав процентные значения шкальных позиций «5», «6», «7» и половину значений позиции «4», получим долю респондентов, разделяющих активную жизненную пози-

¹ Анализ основан на результатах социологического исследования «Саморегуляция жизнедеятельности в культурном пространстве молодёжи», проведённого путём опроса молодёжи от 15 до 29 лет включительно методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов. Опрос проведён по репрезентативной для населения России выборке в 28 населённых пунктах 7 субъектов Российской Федерации, всего опрошено 803 человека. Для обеспечения репрезентативности опроса была использована *случайная маршрутная выборка* с целью поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно *квотному* заданию, частично был применён метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. При отборе респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодёжь с учётом региональных особенностей. Руководители исследования – В. И. Чупров и Ю. А. Зубок (Москва). Партнёр – Институт общественного мнения «Квалитас», руководитель Н. А. Романович (Воронеж).

цию. Соответственно, суммируя значения позиций «1», «2», «3» и половину значений позиции «4», получим долю респондентов с пассивной жизненной позицией.

Как показало исследование, подавляющему большинству молодёжи в разной степени присуща активная жизненная позиция (86,7%). Лишь каждый десятый респондент (13,3%) оценил свою жизненную позицию как пассивную. Однако в разных группах молодёжи жизненные позиции различаются по степени активности. Возрастают значения активной жизненной позиции в следующих группах: в возрасте 18–24 года (89,4%), с высоким уровнем материального положения (92,3%), а также среди сельской молодёжи (89,1%). А значения пассивной жизненной позиции возрастают в группах с низким уровнем материального положения (74%), со средним профессиональным образованием (82,7%) и среди жителей малых городов (83,6%); т. е. значимыми факторами, влияющими на активность жизненной позиции молодёжи, являются возраст, уровень материального положения и образования, а также региональные условия жизни.

Для определения смысловой направленности жизненных позиций молодёжи проанализируем их связь с мировоззренческими установками на индивидуализм и коллективизм, на доверие и недоверие окружающим (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Связь жизненных позиций с мировоззренческими установками, %
Connection of life positions with worldview attitudes, in %

Жизненные позиции	Мировоззренческие установки			
	Индивидуализм	Коллективизм	Недоверие	Доверие
Активная	30,1	69,9	15,4	84,6
Пассивная	66,4	33,6	36,3	63,7

В анализе использовались ответы на вопрос: «В какой степени Вы считаете себя...?», где по семибалльной шкале за «1» принимался ответ «убеждённым индивидуалистом», а за «7» – «убеждённым коллективистом». Также рассматривалось распределение ответов на вопрос: «На чём, по Вашему мнению, должны строиться отношения?» – от «1», что соответствовало ответу «на недоверии окружающим», до 7 баллов, относящихся к ответу «на доверии окружающим». Для оценки значений связи жизненных позиций с установками на «индивидуализм» и «недоверие» суммировались значения ответов респондентов, отметивших позиции «1», «2», «3» и половина тех, которые отметили позицию «4». А для оценки значений связи с установками на «коллективизм» и «доверие» суммировались значения «5», «6», «7» и также половина значения «4».

Согласно данным, представленным в таблице 2, среди респондентов, занимающих активную жизненную позицию, по сравнению с приверженцами пассивной позиции, более высокие значения установок на коллективизм (69,9% против 33,6) и на доверие окружающим (84,6%

против 63,7). А среди сторонников пассивной жизненной позиции, наоборот, выше значения установок на индивидуализм (66,4% против 30,1 среди занимающих активную позицию) и на недоверие (36,3% против 15,4). Следовательно, активность в жизненной позиции молодёжи в большей степени определяется мировоззренческими установками на коллективизм и доверие, а пассивность – установками на индивидуализм и недоверие окружающим.

Вместе с тем обращает на себя внимание высокий уровень связи пассивной жизненной позиции с доверием окружающим (63,7%). Это может быть связано с неоднозначным отношением молодых людей к доверию, которое предполагает взаимность. Об этом свидетельствует тот факт, что среди сторонников пассивной жизненной позиции, с одной стороны, 63,7% признают, что отношения должны строиться на доверии, а с другой, – 55,7% считают, что «сегодня ни в ком нельзя быть уверенным, никому нельзя доверять». Следовательно, воспринимая доверие окружающих в одностороннем порядке, одни ожидают одобрения собственной жизненной позиции, в данном случае оправдания пассивности, а другие проявляют нежелание отвечать взаимностью, беря на себя дополнительные обязательства.

Таким образом, смысловая направленность жизненных позиций молодёжи во многом определяется мировоззренческими установками на коллективизм или индивидуализм, а также на доверие или недоверие окружающим.

Жизненные позиции молодёжи в механизме саморегуляции жизнедеятельности

Для анализа взаимосвязи жизненных позиций молодёжи с элементами социокультурного механизма саморегуляции, обратимся к результатам, полученным при структурно-таксономическом моделировании процесса её жизнедеятельности [6, с. 240–256]. Метод структурно-таксономического анализа (моделирования), неоднократно использованный авторами для изучения саморегуляции в молодёжной среде, представляет собой набор формализованных процедур иерархической кластеризации, или автоматической классификации; процедуры структурно-таксономической интерпретации полученных разбиений; структуры самых значимых (по критерию «максимальной близости») связей между параметрами-образами («подлежащими») и выделенными таксонами (смысловыми группировками/объединениями). Значимость смыслов определяется путём расчётов тесноты связи между показателями. Используемые алгоритмы позволяют автоматически выделить наиболее близкие друг к другу элементы по достаточно большому числу характеристик и сгруппировать эти элементы в естественные классы-таксоны. Таким образом, соответствующие элементам смыслы распределяются не хаотично, а выстраиваются в определённую иерархию в соответствии со значениями выбранной меры близости.

сти. Каждый таксон задаёт подпространство для конкретного смыслового поля, а в совокупности смысловые поля, соответствующие полученным таксонам, рассматриваемым в их взаимосвязи друг с другом, образуют структуру смыслового пространства (группировки таксонов). Наиболее близкие смыслы образуют ядро таксона, а его слои формируются по мере ослабления связей между смыслами. Вместе они составляют смысловые поля, в которых создаются габитусы жизненных позиций (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Характеристики смысловых полей разных типов жизненной позиции молодёжи
Characteristics of the semantic fields of different types of the life position of youth

Активная	Пассивная
<p>1. Ядро: «Активная жизненная позиция» (габитус); «Любовь к ближнему» (черта менталитета).</p> <p>2. «Идеализация прошлого» (архетип)</p> <p>3. «Слава» (архетип)</p> <p>4. «Открытость ко всему иностранному» (современная черта).</p> <p>5. «Рационализм» (современная черта).</p> <p>6. «Отношение к стране как месту проживания» (современная черта).</p> <p>7. «Политическая борьба» (как смысложизненная ценность).</p>	<p>1. Ядро: «Инновационная культура» (тип базовой культуры); Самовыражение, отличие от других» (молодёжная субкультура).</p> <p>2. «Культура физического развития» (тип базовой культуры).</p> <p>3. Адаптационная культура (тип базовой культуры).</p> <p>4. «Духовная культура» (тип базовой культуры).</p> <p>5. «Любовь» (как смысложизненная ценность).</p> <p>6. «Благополучие» (как смысложизненная ценность).</p> <p>7. «Пассивная жизненная позиция» (габитус).</p>

В таксоне (смысловом поле), ядро которого образует связь *габитуса активной жизненной позиции* (весовое значение в общем массиве 86,7%) с ментальной чертой «любовь к ближнему» (весовое значение 83%), представлены значимые связи и с другими элементами. Так, на втором слое габитус активной жизненной позиции связан с архетипом «идеализации прошлого», отражающим отношение к прошлому как мерилу истины (весовое значение 73,1%); на третьем слое – с архетипом «славы» как веры в непрерывность эпох, заботы о сохранении памяти о себе в следующих поколениях (весовое значение 58,4%); на четвёртом, пятом и шестом слоях – с современными чертами «открытостью ко всему иностранному» (вес 63,1%), «рационализмом» (вес 60,2%), «отношением к стране как месту проживания» (вес 22,2%); на седьмом слое – с «политической борьбой», рассматриваемой в качестве смысложизненной ценности (вес 4%).

То, что сам габитус активной жизненной позиции входит в ядро этого таксона и образует его во взаимосвязи с ментальной чертой «любовь к ближнему», свидетельствует, с одной стороны, о значимой роли привычки проявлять активность в процессе саморегуляции, а с другой – о гуманистической природе этой активности, проявляющейся большей частью на бессознательном уровне.

Закреплённая в социальных практиках в форме габитуальной установки как предрасположенности к активности, активная жизненная позиция связана с глубинными пластами культуры. Во-первых, с архетипами «идеализация прошлого» и «слава», заложенными в коллективном бессознательном, посредством которых формирование смысла активности основывается на историческом опыте, а также на стремлении оставить память о себе. Во-вторых, с современными чертами, присущими значительной части молодого поколения – с рационализмом, открытостью ко всему иностранному, отношением к стране не более как к месту проживания. Сформированная таким образом активная жизненная позиция несёт на себе влияние гибридных смысловых конструкций, состоящих из традиционных и современных смыслов. Объединяя эти смыслы, она реализует уже собственную регуляционную функцию.

Габитус пассивной жизненной позиции представлен в таксоне, ядро которого образует связь инновационной культуры, отражающей стремление к «преобразованию внешней среды» (П. Сорокин) (вес 88%), с субкультурой самовыражения, характеризующей стремление быть непохожим на других (вес 84,8%). Смысловое единство, образованное в ядре таксона, расширяется в результате связей с другими элементами механизма саморегуляции на втором и последующих слоях по критерию близости. Инновационная культура связана с культурой физического развития (второй слой), характеризующейся стремлением к преобразованию «себя», к здоровому образу жизни, к культу здоровья, культуры тела (вес 83,7%), а также с адаптационной культурой, вызванной необходимостью во всём экономить, приспособливаться к условиям (вес 77,3%). На третьем слое – с духовной культурой, ориентированной на высшие смыслы добра, красоты, любви и веры (вес 73,5%). Смысловое единство, образованное связью различных типов культур, дополняется на четвёртом слое ценностью «любви», а на пятом – ценностью «благополучия», с которым связывают смысл жизни 58 и 42,2% респондентов соответственно. Последовательность взаимосвязей рассмотренных элементов, объединённых в данном таксоне, завершается на шестом слое связью с габитусом пассивной жизненной позиции (вес 20,2%).

Габитус пассивной жизненной позиции как квинтэссенция сути пассивности, занимает в таксоне самый нижний, шестой слой. Это означает, что связи между элементами механизма саморегуляции, образующиеся в ядре и на предыдущих слоях таксона, влияют на формирование пассивной позиции, а не наоборот, когда занимаемая позиция определяет характер этих связей. Иными словами, формирующийся габитус выполняет в общем механизме саморегуляции жизнедеятельности скорее подчинённую функцию. В отличие от габитуса активной жизненной позиции он не преобразуется в систему воздействий на жизнедеятельность молодёжи. Регулирующее влияние пассивной жизненной позиции на жизнедеятельность осуществляется непосредственно через структуры сознания.

Габитус пассивной жизненной позиции, порождаемый средовыми условиями жизнедеятельности, формируется во взаимодействии культурного пространства молодёжи, образованного различными типами

культуры – инновационной, физического развития, адаптационной, духовной; а также типичного для молодёжной субкультуры стремления к самовыражению и проявлению индивидуальности. Связь пассивности с инновационной культурой не превышает 8,2%; с субкультурой самовыражения – 9,1%; с культурой физического развития – 11,6%; с духовной культурой – 12,4%; с адаптационной культурой – 17,8%. Со смысложизненными ценностями «любовь» и «спокойная, безбедная жизнь» – соответственно 11,3 и 15,5%. Отсюда следует, что габитус пассивной жизненной позиции хоть и имеет социокультурную природу, но не в полной мере, а формируется преимущественно под влиянием условий жизнедеятельности молодых людей. Роль типов культуры и смысложизненных ценностей сводится к тому, что они отвечают за конкретное смысловое содержание сформировавшейся габитуальной установки. Пассивная жизненная позиция, закреплённая в структурах сознания молодых людей, привносит в их жизнедеятельность соответствующую смысловую аргументацию.

В процессе саморегуляции смыслы, сформировавшиеся в сознании разных групп молодёжи, преобразуются в поведенческие установки, закрепляясь в социальных практиках и определяя содержательную направленность поведенческих предрасположенностей. «Опривыченные» смыслы становятся частью установки – тем основанием, отталкиваясь от которого молодые люди регулируют направленность своей активности. Сравнительный анализ основных показателей жизнедеятельности среди представителей активной и пассивной жизненной позиции выявляет следующие соотношения: предпочитают постоянство в выборе жизненной стратегии соответственно 75,5 и 61,7%; уверенность и предсказуемость в выборе моделей поведения – 77,5 и 68,9%; доверие как основание отношений с окружающими – 84,4 и 63,8%; оценивают свою жизнь как стабильную и безопасную – 67,5 и 59,8%; признают себя убеждёнными индивидуалистами – 32,3 и 70,7%.

Мировоззренческие смыслы как установки в социальной активности молодёжи

Проанализируем, как изменяются показатели социальной активности молодёжи под влиянием мировоззренческих смысловых установок. В анализе использовались ответы на вопрос: «На чём, по Вашему мнению, должны строиться отношения?». Для показателей «расчётливость», «индивидуализм» и «недоверие» суммировались ответы респондентов, отметивших на семибалльной шкале позиции «1», «2», «3» и половина тех, которые отметили позицию «4». В свою очередь, для показателей «чувственность», «коллективизм» и «доверие» суммировались значения «5», «6», «7» и также половина значения «4». Такой подход в анализе позволяет не потерять респондентов, оказавшихся в зоне

мировоззренческой неопределённости (выбирающих позицию «4»). Для базового показателя пассивности суммировались позиции «1», «2», «3», а для показателя активности – «5», «6», «7». (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Связь мировоззренческих установок с социальной активностью
в молодёжной среде, в %
*Connection of worldview attitudes with social activity
in the youth environment, in %*

Показатель социальной активности	Мировоззренческие установки					
	Расчётливость	Чувственность	Индивидуализм	Коллективизм	Недоверие	Доверие
Активность	27,0	73,0	30,1	69,9	15,4	84,6
Пассивность	47,2	52,8	66,4	33,6	36,3	63,7

Как видно из таблицы 3, высокая активность молодёжи прочно связана с такими мировоззренческими установками, как доверие, чувственность и коллективизм. В свою очередь, социальная пассивность характеризуется преобладающей индивидуализацией и более размытой эмпатией, о чём свидетельствует небольшая разница между чувственностью и расчётливостью в этой группе молодёжи.

Неоднозначную роль играет в социальной активности молодых людей мировоззренческая установка на доверие. Позитивно коррелируя с их активизацией, она заметно усиливает и пассивность. Фактически это означает, что доверие представляет собой явление конфункциональное. Одни молодые люди, доверяя, активизируют социальное участие, а другие, воспринимая среду как дружественную, скорее делегируют проявление социальной активности другим. Эта особенность была ранее замечена в связи с исследованием социально-политической активности молодёжи [4].

А теперь проанализируем, как изменяются сами мировоззренческие основания социальной активности в связи с обобщённым доверием и недоверием окружающим, а также связь обобщённого доверия/недоверия с уровнем социальной активности молодёжи.

Референтом доверия и недоверия послужило согласие/несогласие с высказыванием, что «сегодня ни в ком нельзя быть уверенным, никому нельзя доверять». Несогласие с утверждением интерпретировалось как доверие, а принятие этой позиции – как недоверие (см. табл. 4).

Из таблицы 4 следует, что связи между показателями существенно различаются под влиянием доверия и недоверия окружающим. Обобщённое доверие больше, чем недоверие, активизирует жизненную позицию (83,4 против 71,1%), коллективизм (52,6 против 27,2%), способность к сочувствию и сопереживанию (61,4 против 33,8%). А недовере-

рие – индивидуализм (35,4 против 22,5%) и расчётливость (43,8 против 15,9%). Следовательно, обобщённое доверие, являясь мировоззренческим основанием саморегуляции, преимущественно укрепляет интеграционные ориентации в жизненной позиции молодых людей, солидарность и эмпатию, которые укладываются в модель традиционных отношений, а недоверие – в модель современных рациональных. Связь доверия с традиционным, а недоверия с современным в саморегуляции жизнедеятельности молодёжи является устойчивой [21].

Таблица 4 (Table 4)

Связь доверия и недоверия с мировоззренческими основаниями социальной активности молодёжи, %
The connection of trust and distrust with the worldview foundations of social activity of youth, in %

Обобщённое доверие/недоверие	Выраженность связи					
	Характеристики социальной активности		Мировоззренческие основания			
	Высокая активность	Низкая активность (пассивность)	Коллективизм	Индивидуализм	Чувственность	Расчётливость
Доверие	83,4	4,4	52,6	22,5	61,4	15,9
Недоверие	71,1	9,5	27,2	35,4	33,8	43,8

Заключение

Проведённый анализ показал не только характеристики разных типов жизненной позиции молодёжи, но и источники смысловых, определяющих активность и пассивность молодых людей. А они связаны с тем, какие именно элементы социокультурного механизма оказываются значимыми. Это многое говорит о природе активности и пассивности и её широкой связи с культурой.

Сравнение двух типов позиций показало, что ведущая роль принадлежит именно активной жизненной позиции. Она присуща в разной степени большинству молодёжи (86,7%) и реализуется посредством габитуса активной жизненной позиции как внутренней «неуспокоенности» молодого человека. Значимыми факторами её саморегуляции являются возраст, уровень материального положения и образования, а также региональные условия жизни [5].

Активная позиция определяет позитивную направленность социальных взаимодействий её сторонников. Во многом это обусловлено удачным сочетанием как традиционных, так и современных элементов саморегуляционного механизма, определяющих содержания смыслов,

лежащих в её основе. На это указывает доминанта положительных оценок молодёжью всех анализируемых характеристик жизнедеятельности, по сравнению с оценками приверженцев пассивной жизненной позиции.

Пассивная жизненная позиция также влияет на жизнедеятельность молодых людей. Её влияние осуществляется посредством габитуальных установок, смысловое содержание которых определяется принадлежностью молодых людей к различным типам культуры и субкультуры. Это, с одной стороны, придаёт пассивной позиции предметную направленность, а с другой – возникающая плюрализация смыслов усиливает её размытость и неопределённость. Пассивность этой части молодёжи не следует интерпретировать как отсутствие у неё собственной позиции или сводить её к «обломовщине». Позиция может быть пассивна в связи с несформированностью у молодого человека представления о самом себе, невыраженностью цели жизни. Но это не исключает спонтанно возникающей активности как реакции на изменяющуюся ситуацию. Ситуационная активность проявляется и в выборе молодыми людьми рискованных моделей поведения, и в немотивированных формах протеста, и в недоверии власти, и в эпатаже окружающих, и во многих других ситуациях.

Пассивность может являться и отражением рационального выбора молодёжи, пронизанной духом симуляции и имитационности в социальном пространстве. Тогда пассивное неучастие можно рассматривать как мотивированное дистанцирование молодёжи в результате недоверия к эффективности, «бессмысленности» активной деятельности, закрепляемое на уровне сознания и конвертируемое в соответствующие социальные практики.

Таким образом, жизненная позиция разных групп молодёжи имеет свои особенности, обусловленные спецификой не только сознания, но и социального положения этой социально-демографической группы, места и возможностей в более широкой сети социальных отношений. Вместе с тем исследование роли жизненной позиции в механизме саморегуляции на примере молодёжи раскрывает общесоциологический контекст проблемы, что позволяет расширить наши знания в области теории социальной саморегуляции.

Библиографический список

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: «МОДЭК», 1999. 224 с.

2. Асмолов А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 3–15.

3. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

4. Григоренко Б. Ю. Доверие к власти как фактор социально-политической активности молодёжи: социокультурный аспект: дис. ... к. социол. н.: 22.00.06. Белгород, 2013. 157 с.
5. Зубок Ю. А., Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 89–105. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105
6. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодёжь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. 304 с.
7. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысловых ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164–186. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>
8. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Психология развития и возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический проект, 2015. 420 с.
9. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. 43 с.
10. Леонтьев Д. А. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации // Международная научная конференция «Ананьевские чтения. Психология личности: традиции и современность» 2018 // Профессиональное интернет-издание «Психологическая газета». URL: <https://psy.su/feed/7109/> (дата обращения: 5.05.2021).
11. Маркин В. Н. Жизненная позиция личности как психолого-акмеологическая категория и феномен социального самоутверждения // Мир психологии. 2005. № 4. С. 45—50.
12. Маркин В. Н. Жизненная позиция личности. Идеологический и социально-психологический аспекты. М.: Мысль, 1989. 173 с.
13. Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). Екатеринбург: ИнтелФлай, 2007. 1065 с.
14. Низовских Н. Жизненные принципы // Развитие личности. 2010. № 1. С. 112–122.
15. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957. 330 с.
16. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 508 с.
17. Ситаров В. А., Маралов В. Г. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 164–176. DOI: 10.17805/zpu.2015.4.15
18. Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи: исследование социокультурного механизма. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 48 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Uchenye_zapiski_2020_7.pdf (дата обращения: 5.05.2021).

19. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
20. Фромм Э. Душа человека. Революция надежды / Пер. с англ. Закс В.; Панфилова Т. М.: АСТ, 2018. 352 с.
21. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности. М.: Норма, 2019. 208 с.
22. Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

Статья поступила 30. 07. 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодёжи, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Чупров Владимир Ильич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодёжи, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Любутов Александр Сергеевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Центра социологии молодёжи, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Сорокин Олег Владимирович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии молодёжи, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738

Life Positions in Self-Regulation of Life Activity of the Youth

Julia A. Zubok

ISPR FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: uzubok@mail.ru

ORCID ID 0000-0002-3108-2614

Vladimir I. Chuprov

ISPR FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: chuprov443@yandex.ru

ORCID ID 0000-0002-7881-9388

Alexander S. Lyubutov

ISPR FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: alexander501@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-6042-169X

Oleg V. Sorokin

ISPR FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ov.sorokin@gmail.com

ORCID ID 0000-0003-2597-9465

For citation: Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Lyubutov O. V. Sorokin O. V. Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12 No. 3. P. 79–98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738

Abstract. Recently, the topic of the life positions of young people attracts more attention due to the activation of youth in the socio-political space of the society life: defending their right to participate in the formation of urban space, participation in volunteer and environmental movement, for the preservation of cultural heritage and values of a various spectrum: from traditional to modern. The nature of these and other types of activity is regulated by a life position, reflecting the understanding by different groups of young people of themselves, the meaning of their life, their role in society.

The article examines the essence of the life position of youth, the specifics of its formation within the existing semantic space of reality and the relationship with social activity. On the basis of the concept of socio-cultural self-regulation of life activity developed by the Center for Sociology of Youth of the Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS and the data obtained in the course of the Center for Sociological Research, the author analyses the connection between the life position of young people and age, the level of material status and education, as well as with regional living conditions.

The interconnection between the life positions of young people and their ideological attitudes towards individualism and collectivism, trust and distrust of others are described. By using structural and taxonomic modeling of the life process of young people, the interrelationships of their life positions with elements of the socio-cultural mechanism of self-regulation are considered. Thus, the author analyzes the connections between the core of the taxon of habitus of active and passive life positions of young people with archetypes, mental traits, modern features and life-meaning values, types of youth cultures. It has been established that the regulatory function of an active life position is realized through both traditional and modern elements of the self-regulation mechanism: by archetypes of glory and idealization of the past, on the one hand, and rationalism, openness to everything foreign, attitude to the country as a place of residence, on the other. In turn, the regulatory function of a passive life position is predominantly formed under the influence of the conditions of the vital activities of the young people, and the role of youth types of culture and life-meaning values is reduced to their awareness of the semantic content of the formed habitual attitude. The article also analyzes the indicators of the social activity of young people based on their connection with the worldview semantic attitudes.

Keywords: youth, life activity of youth, self-regulation, life position of youth, social activity of youth, social reality, semantic space

References

1. Abulhanova K. A. *Psihologija i soznanie lichnosti: (Problemy metodologii, teorii issledovanija real'noj lichnosti) [Psychology and the consciousness of personality: (Problems of Methodology, Theory of Real Personality Research)]*. Izbranny'e psixologicheskie Trudy. Ed. by K. A. Abulxanova. Moscow, MPSI, Voronezh, MODEK, 1999: 224 (in Russ.).
2. Asmolov A. G. *Prakticheskaja psihologija i proektirovanie variativnogo obrazovanija v Rossii: ot paradigmy konflikta k paradigme tolerantnosti [Practical Psychology and the Design of Variative Education in Russia: From a Paradigm of Conflict to a Paradigm of Tolerance]*. *Voprosy psihologii*, 2003: 4: 3–15 (in Russ.).
3. Veber M. *Izbrannye proizvedenija [Selected works]*. Transl. from Germany. Ed. by Yu. N. Davydov. Moscow, Progress, 1990: 808 (in Russ.).
4. Grigorenko B. Ju. *Doverie k vlasti kak faktor social'no-politicheskoy aktivnosti molodjozhi: sociokul'turnyj aspekt: dis. ... k. sociol. n.: 22.00.06 [Trust in power as a factor of socio-political activism among young people: a socio-cultural aspect]*. Belgorod, 2013: 157 (in Russ.).
5. Zubok Yu. A., Berezutskiy Yu. V. Social activity of youth: ideological foundations of self-regulations. *Power and Administration in the East of Russia*, 2020: 2 (91): 89–105. (in Russ.). DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105
6. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. *Molodjozh' v kul'turnom prostranstve: samoreguljacija zhiznedejatel'nosti [Young people in cultural space: self-regulation of livelihoods]*. Moscow, Norma, 2020: 304 (in Russ.).
7. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Vestnik instituta sotziologii*, 2019: 10: 4: 164–186. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>
8. Kulagina I. Ju., Koljuckij V. N. *Psihologija razvitija i vozrastnaja psihologija: Polnyj zhiznennyj cikl razvitija cheloveka: Uchebnoe posobie dlja vuzov [Developmental and Developmental Psychology: The full life cycle of human development]*. 2-e izd. Moscow, Akademicheskij proek, 2015: 420 (in Russ.).

9. Leont'ev D. A. Oчерк psihologii lichnosti [An outline of the psychology of personality]. Moscow, Smysl, 1993: 43 (in Russ.).
10. Leont'ev D. A. Zhiznennaja pozicija lichnosti: ot teorii k operacionalizacii [Individual life stance: from theory to operationalisation]. Accessed 5.05.2021 URL: <https://psy.su/feed/7109/> (in Russ.).
11. Markin V. N. Zhiznennaja pozicija lichnosti kak psihologo–akmeologicheskaja kategorija i fenomen social'nogo samoutverzhdenija [Personal life position as a psychological and acmeological category and the phenomenon of social self-affirmation]. *Mir psihologii*, 2005: 4: 45–50 (in Russ.).
12. Markin V. N. Zhiznennaja pozicija lichnosti. Ideologicheskij i social'no–psihologicheskij aspekty [The life position of the individual. Ideological and socio-psychological aspects]. Moscow, Mysl', 1989: 173 (in Russ.).
13. Muhina V. S. Lichnost': Mify i Realnost' (Alternativnyj vzgljad. Sistemnyj podhod. Innovacionnye aspekty) [Personality: Myths and Reality (Alternative View. Systemic Approach. Innovative Aspects)]. Ekaterinburg, IntelFlaj, 2007: 1065 (in Russ.).
14. Nizovskih N. Zhiznennye principy [Life principles]. *Razvitie lichnosti*, 2010: 1: 112–122 (in Russ.).
15. Rubinshtejn S. L. Bytie i soznanie [Being and consciousness]. Moscow, AN USSR, 1957: 330 (in Russ.).
16. Rubishtejn S. L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir [Being and consciousness. Man and the world]. St. Petersburg, Piter, 2003: 508 (in Russ.).
17. Sitarov V. A, Maralov V. G. A person's social activity (levels, criteria, types and paths of development). *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2015: 4: 164–176 (in Russ.).
18. Uchenye zapiski FNISC RAN. Vypusk 7. Samoreguljacija zhiznedejatel'nosti molodezhi: issledovanie sociokulturnogo mekhanizma. [Scientific notes of the IS RAS. Issue 7. Self-regulation of the vital activity of young people: a study of the socio-cultural mechanism] / Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, FNISC RAN, 2020: 48. Accessed 21.01.2020. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Uchenye_zapiski_2020_7.pdf (in Russ.).
19. Frankl V. Man's Search for Meaning. Trans. from Eng. and German. Ed. By L. Ja. Gozman, D. A. Leont'ev. Moscow, Progress, 1990: 368 (in Russ.).
20. Fromm E. The heart of man. The revolution of hope. Transl. from Eng. Zaks V., Panfilova T. Moscow, AST, 2018: 352 (in Russ.).
21. Chuprov V. I., Zubok Ju. A., Romanovich N. A. Doveriye v samoregulyatsii izmenyayushcheysoya sotsial'noy real'nosti [Trust in the self-regulation of a changing social reality]. Moscow, Norma, 2019: 208 (in Russ.).
22. Jenciklopedicheskij slovar' [Encyclopaedic dictionary]. Moscow, Gardariki, 2004: 1072 (in Russ.).

The article was submitted on: July 30.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Julia A. Zubok, Doctor of Sociological Science, Professor,
Head of the Center for Youth Sociology, ISPR FCTAS RAS, Moscow, Russia

Vladimir I. Chuprov, Doctor of Sociological Science, Professor, Chief researcher,
Center for Youth Sociology, ISPR FCTAS RAS, Moscow, Russia

Alexander S. Lyubutov, Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher,
Center for Youth Sociology, ISPR FCTAS RAS, Moscow, Russia

Oleg V. Sorokin, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher,
Center for Youth Sociology, ISPR FCTAS RAS, Moscow, Russia

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.739

Самооценка образовательной успешности как институциональный феномен: социологический анализ эффективности и внутрисистемных противоречий

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-29-07016

Ссылка для цитирования: Шуклина Е. А. Самооценка образовательной успешности как институциональный феномен: социологический анализ эффективности и внутрисистемных противоречий // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 3. С. 99–119. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.739

For citation: Shuklina E. A. Self-evaluation of educational success as an institutional phenomenon: sociological analysis of efficiency and intrasystem contradictions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 99–119. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.739

**Шуклина
Елена Анатольевна¹**

¹Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

e.a.shuklina@urfu.ru

AuthorID РИНЦ: 137656

Аннотация. В условиях институциональной трансформации образования, усложнения процессов его функционирования и развития в информационную эпоху актуальной является проблема анализа самооценки образовательной успешности как субъективного регулятора образовательной деятельности человека. В статье рассматривается субъективная оценка успешности в формальном образовании как отражение представлений обучающихся о степени соответствия системе институциональных требований через их приятие/отторжение. На материале масштабного социологического исследования школьников, студентов среднего профессионального образования (СПО) и вузов Свердловской области (N=2489 чел.) анализируются проблемы образовательной успешности. Осуществлены типологизация субъектов образовательной деятельности по уровню самооценки образовательной успешности; сравнение выявленных типов при переходе от одной подсистемы образования к другой (школа – СПО – вуз); определение противоречий и конфликтов индивидуально-личностного и институционального в оценке образовательной успешности в качестве точек роста, поиска согласования потребностей и интересов личности, с одной стороны, и образования как социального института, с другой.

Сделаны выводы о том, что самооценка образовательной успешности – устойчивый институциональный конструкт, унифицированно регулирующий образовательную деятельность на всех этапах образования, осуществляя процесс дифференциации её субъектов. При этом она может быть дисфункциональной по отношению к институту образования, реализации им адаптивной, социокультурной функции, функции профессионального самоопределения. Результаты социологического исследования показали, что институционально сформированная модель самооценки успешности для образовательных общностей в настоящих условиях не является оптимальной. Постепенно трансформируясь в соответствии с потребностями обучающихся, возможностями института образования, вызовами времени, она вынуждена будет видоизменяться, создавая условия для более широких перспектив и разнообразия образовательного и профессионального будущего учащейся молодёжи.

Ключевые слова: институт образования, образовательная успешность/неуспешность, образовательные общности, образовательная мотивация, профессиональное самоопределение

Образовательная успешность/неуспешность – актуальная исследовательская полидисциплинарная проблема. Традиционно она рассматривалась как «успешность в учебной деятельности» в рамках педагогического дискурса, использования педагогических технологий, оценки их эффективности, психолого-педагогического сопровождения процесса обучения и пр. Как социальная проблема она актуализировалась в последнее десятилетие, когда стал очевидным общемировой тренд роста неуспешности обучающихся всех уровней образования, его глубокие экономические и социальные последствия, связанные с неэффективностью функционирования института образования, разрыва его связей с институтами профессии, культуры, науки, негативным влиянием на развитие производства, подчёркнутые количественными данными о сложившейся неблагоприятной динамике.

Изменение социальной роли феномена образовательной успешности в информационную эпоху связано, с одной стороны, с ростом разнообразия видов, моделей, технологий образовательной и профессиональной деятельности, с другой – с фактом социально-экономической и социокультурной многоукладности жизни российского социума, также требующего разных режимов функционирования образовательной успешности. Её стандарты, сформированные в рамках формального образования, не способны соответствовать всему многообразию социальных запросов. Становится очевидной трансформация не только образовательной успешности как регулятора образовательной деятельности и инструмента социальной мобильности, но смысла самого термина. Для учащихся стремление к образовательной успешности в её традиционной интерпретации в рамках формального образования часто обесценивается отсутствием понимания её значимости для прогнозирования собственного образовательного и профессионального будущего. Это непонимание проявляется в оценках дисфункциональности самого института образования, его несоответствия требованиям времени и потребностям личности.

Факт изменения представлений об образовательной успешности становится очевидным при постановке проблемы изучения самооценки образовательной успешности в контексте социологического знания, социологии образования, в частности. Одним из продуктивных способов анализа здесь является институциональный подход. Его применение к образовательной успешности/неуспешности как объективно-субъективному феномену ставит рассмотрение проблемы на грань столкновения макро- и микроанализа. С одной стороны, речь идёт о субъективной интерпретации, особенностях конструирования успешности, с другой – о переходе к её интерсубъективному видению через соотношение оценки и самооценки образовательной успешности и превращению последней в институциональный регулятор деятельности и взаимодействия образовательных общностей.

В статье мы рассматриваем самооценку образовательной успешности обучающихся как социальный феномен, институциональный конструкт, сформированный в контексте формального образования, результат интериоризации субъектом основных институциональных норм и требований, в котором интегрирована институциональная идеология образования. Представления об образовательной успешности являются субъективным регулятором образовательной деятельности личности, который отвечает за все элементы её структуры: образовательные потребности и интересы, образовательные цели и ценностные ориентации, мотивацию и установки образовательной деятельности, прогнозирование её результатов и определение основных механизмов и средств их достижения.

Самооценка образовательной успешности обучающихся реализует ряд институциональных функций: адаптивную (отвечающую за формирование системы представлений обучающегося о нормах образовательной деятельности в институциональной среде), регулятивную (обеспечивающую стабильное воспроизводство образовательных практик, соответствующих институциональным требованиям), прогностическую (ориентирующую на постановку и достижение целей в сфере образования и за его пределами), функцию социальной мобильности (ответственную за горизонтальные и вертикальные перемещения субъекта образовательной деятельности в соответствии с его представлениями о референтной образовательной и профессиональной среде, соответствующей индивидуально-личностным предпочтениям). Эти же функции реализуются и на личностном уровне. Степень соответствия и глубина противоречий институционального и индивидуально-личностного в определении образовательной успешности задаёт перспективы исследовательского поиска в определении путей развития образования и места человека в нём.

Представления об образовательной успешности формируются у учащихся на всех этапах образовательного процесса. Изменяясь от одной ступени и уровня образования к другому, они определяют индиви-

дуальную образовательную стратегию человека. Проблема безбарьерности перехода от ступени к ступени и самооценка образовательной успешности взаимосвязаны тесно, хотя и неоднозначно.

Производство субъективных интерпретаций образовательной успешности, конструирование новых практик образования на индивидуальном, локальном и более масштабном уровнях способствует усложнению образовательной среды в условиях развития информационного общества. Образовательное пространство уже сейчас активно формирует новые неформально организованные лакуны с моделями образовательной успешности, находящимися за пределами традиционного институционального регулирования. При этом актуальной задачей в новых условиях остаётся углубление понимания того, как работают существующие институционально сконструированные регуляторы, среди которых одним из значимых является самооценка образовательной успешности обучающихся.

Целью статьи стал анализ регулятивного потенциала самооценки образовательной успешности как институционального конструкта, а ряд исследовательских задач ориентированы на её эмпирическое обоснование. С помощью анализа социологических данных осуществлены:

1. Типологизация социальных общностей школьников, студентов СПО и вузов по критерию самооценки образовательной успешности.
2. Характеристика выявленных типов в системе институциональных норм и требований, а также практик реализации институциональной деятельности образовательными общностями.
3. Анализ эффективности самооценок образовательной успешности как регулятора образовательной деятельности на индивидуально-личностном и институциональном уровнях, выявление проблем и противоречий между ними.
4. Сравнение особенностей восприятия образовательной успешности школьниками, студентами СПО и вузов, анализ трансфера самооценки образовательной успешности от одной подсистемы образования к другой через рассмотрение внутрисистемных противоречий.

Особенности методологии и методики исследования

Методология исследования предполагает несколько теоретических отсылок. С одной стороны, она базируется на институциональных подходах к образовательной успешности как регулятору социальных позиций в области образования и за его пределами, когда дифференциация обучающихся по принципу успешности приводит к их статусной иерархизации в других подсистемах и институтах общества, осуществляя процесс воспроизводства его социальной структуры [21]. С другой – в микро-социологическом подходе [8] самооценка образовательной успешности рассматривается в контексте социологии знания А. Шюца (переход от

субъективных интерпретаций успешности отдельной личности к её интерсубъективному видению) [15]; конструктивистских концепциях производства реальности П. Бергера и Т. Лукмана [2], где принцип успешности может быть проинтерпретирован в системе институционального распределения знания и институциональной экспертизы [1]. При этом успешность на институциональном уровне характеризуется в качестве принципа формирования институциональной нормы и критерия её практической реализации посредством поддержания институционального порядка с помощью разнообразных форм социального контроля. На индивидуальном уровне образовательная успешность описывается как процесс идентификации и самоидентификации, как условие биографической ситуации «успеха» [14]. В контексте радикального конструктивизма Е. Глазерсфельда [19] успешные практики (образовательные, в частности) – это те осознанные действия, которые вписываются в целевые или дескриптивные контексты, в которых мы ими пользуемся, а неуспешность – знание о неудачах, «негативном» аспекте реальности, состоящее из правил, указывающих на то, какие именно действия оказываются успешными для устранения препятствий [12].

В ракурсе полидисциплинарных исследований проблема оценки и самооценки образовательной успешности анализируется в контексте человеческого капитала [5], повышения его качества, обогащения и трансфера [9; 16], рассмотрения его противоречий, неоднозначности функционирования в разных социальных контекстах [4], проблем перехода от одной ступени образования к другой [7; 10] в теориях выбытия и удержания [6; 13; 20]. Актуализирована, но мало разработана проблема образовательной политики как инструмента трансфера человеческого капитала от неуспешности к успешности [11; 17; 18].

Педагогический аспект проблематики успешности как эффективности и результативности процесса обучения рассмотрен в контексте работ Ю. К. Бабанского, А. С. Белкина, В. В. Давыдова, Г. Д. Кириллова, В. В. Краевского, М. Н. Скаткина, Г. И. Щукиной и др. [3], где успешность в обучении трактуется как совпадение ожиданий субъекта и оценки его окружением, осуществляется разведение понятий успеха как внешнего признания и успешности как позитивного результативного тренда в индивидуальных усилиях обучающегося. Концепция «ситуации успеха» лежит в основе педагогической технологии, обеспечивающей их совпадение. Однако при этом не актуализируется проблема самооценки образовательной успешности как инструмента регулирования педагогического воздействия в соответствии не с институциональными требованиями, а с экзистенциальными запросами ребёнка.

Эмпирическое исследование проблем образовательной успешности проведено исследовательским коллективом Уральского федерального университета в январе–феврале 2021 г. с использованием метода массового онлайн-опроса образовательных общностей школьников (9–11 классов), студентов среднего профессионального (СПО) и высшего образо-

вания Свердловской области. Общий объём выборочной совокупности составил 2489 чел. Выборка стратифицированная с пропорциональным размещением. Для обследования школьников и студентов СПО применялся гнездовой отбор из каждой страты. Для опроса студентов вузов была использована квотная выборка (ошибка по квотным признакам не превышала 2%). Выборка формировалась на основе открытых статистических данных о численности учащейся молодёжи Свердловской области.

Эмпирическая типология субъектов образовательной деятельности была осуществлена на основе двухэтапного кластерного анализа по следующим характеристикам успешности:

- мотивационным (*отношение к учёбе*);
- содержательным (*объём и качество знаний, полученных в ходе обучения*);
- праксеологическим (*умение применять полученные знания на практике*);
- интеграционным (*общие достижения в учёбе*).

Описание выявленных типов образовательной успешности осуществлено с использованием элементов корреляционного анализа. Система показателей, с которыми выявлялись корреляционные связи, представлена следующими блоками.

1. Отношение к институту образования измерялось системой показателей, отражающих социальные функции образования в их индивидуально-личностном преломлении:

- социокультурная функция («образование делает меня культурным человеком»; «образованному человеку интереснее живётся»);
- функции воспроизводства социально-профессиональной структуры общества, статусной и профессиональной мобильности («с образованием легче найти хорошую работу»; «образование позволяет занять высокое положение в обществе»);
- самореализационная («образование даёт возможность реализовать свой потенциал») и
- адаптационная функция («хорошее образование даёт уверенность в будущем»).

А также показатели дисфункций образования:

- «образование сейчас потеряло своё значение, его наличие не гарантирует успеха в жизни»;
- «полезные знания приобретаются на практике, а образование нужно только для “корочек”».

2. Образовательные практики субъектов характеризовались показателями их отношения к процессу и результатам обучения:

- стратегии получения знаний в системе образования;
- отношение к учёбе и динамика его изменений за последние 1–2 года;
- мотивация учебной деятельности;
- объективные характеристики образовательной успешности (оценки, баллы ЕГЭ, наличие стипендии);
- отношение к дополнительному образованию и самообразованию;
- образовательные планы на будущее.

3. Отношение к институту профессии измерялось рядом показателей, характеризующих процесс профессионального самоопределения субъектов образовательной деятельности:

- удовлетворённость выбором профессии;
- уровень информированности о будущей профессии;
- оценка характера будущей профессиональной деятельности.

4. Измерение отношения к образовательным рискам осуществлялось через оценку:

- формальных и неформальных требований к процессу и результату образовательной деятельности;
- рискам в области выбора специальности, образовательной организации для дальнейшего обучения;
- рискам в сфере профессионального самоопределения и становления.

Типология самооценок образовательной успешности школьников

При реализации кластерного анализа на выборке школьников выявлено два кластера. Первый (38,6%) характеризуется повышенным, второй (61,4%) – сниженным уровнем самооценки. Выявленные группы школьников различаются по самооценке роли образования в их жизни (см. табл.1).

Обе группы идентичны в оценке роли образования в перспективе профессионального трудоустройства, возможности стать культурным человеком, реализовать свой потенциал, занять высокое положение в обществе.

Кластеры дифференцируются по критерию связи образования с будущим («хорошее образование даёт уверенность в будущем») и представлениями об институциональных дисфункциях образования. Вторая

группа школьников (2 кластер) более пессимистично оценивает связь получаемого образования со своим будущим, они считают, что образование потеряло своё значение и не гарантирует успеха в жизни (45,5%), не даёт уверенности в завтрашнем дне и нужно только для «корочек» как формальная констатация факта окончания образовательного учреждения (35,6%).

Таблица 1 (Table 1)

Школьники о роли образования в жизни, в зависимости от типа кластера, %
Schoolchildren on the role of education in life, depending on the type of cluster, %

С какими из высказываний Вы согласны?	1 кластер	2 кластер
С образованием легче найти хорошую работу	41,5	45,3
Образование важно само по себе, оно делает меня культурным человеком	41,1	36,3
Образование даёт возможность реализовать свой потенциал	40,7	34,9
Хорошее образование позволяет занять высокое положение в обществе	24,8	24,9
Образованному человеку интереснее живётся	28,1	21,2
Хорошее образование даёт уверенность в будущем (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,15</i>)	45,6	30,7
Показатели, характеризующие дисфункции образования		
Образование сейчас потеряло своё значение, его наличие не гарантирует успеха в жизни (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,16</i>)	30,7	45,3
Полезные знания приобретаются на практике, а образование нужно только для «корочек» (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,12</i>)	27,8	35,6

Самооценки успешности коррелируют с конкретными образовательными стратегиями школьников, связанными с получением знания. Представители второго кластера предпочитают довольствоваться ограниченным кругом знаний, которые получают во время уроков в школе (41,6%), в меньшей степени ориентируясь на самообразовательные практики, либо вообще отрицать необходимость знания для дальнейшей жизни и работы (27%).

В целом реальные результаты образовательной деятельности представителей второго кластера ниже: средний уровень оценок; уровень участия в олимпиадах, конкурсах, научно-исследовательских проектах; ниже активность в сфере дополнительного образования и самообразования, хотя их ценность осознаётся. Сниженная мотивация образовательной деятельности также является фактором конструирования образовательной неуспешности второй группы школьников. При этом неприятие институциональных требований ставит их в ситуацию риска, связанную с достижением формальных результатов (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

**Школьники об отношении к результатам образовательной деятельности,
в зависимости от типа кластера, %**

*Schoolchildren on their attitude to the results of educational activities,
depending on the type of cluster, %*

Какие мысли и чувства возникают у Вас, когда Вы думаете	1 кластер	2 кластер
- о формальных результатах (баллах, оценках, получении диплома) (Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,24)		
Это меня тревожит	47,8	67,2
Мне всё равно	23,0	21,9
Это меня мотивирует	29,2	10,9
Итого	100,0	100,0
- о содержательных результатах (знаниях, уровне моей образованности) (Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,19)		
Это меня тревожит	27,7	40,2
Мне всё равно	19,3	24,7
Это меня мотивирует	53,0	35,1
Итого	100,0	100,0
- о том, что нужно всё время повышать свой уровень знаний (Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,15)		
Это меня тревожит	18,5	29,5
Мне всё равно	24,1	27,2
Это меня мотивирует	57,4	43,3
Итого	100,0	100,0

Достижение формальных результатов – это проблема почти для половины успешных и 67,2% менее успешных школьников. Содержательные результаты образовательной деятельности школьников значительно менее пугают, а самореализационные перспективы постоянного повышения уровня знаний даже скорее мотивируют, чем вызывают опасения у обеих групп респондентов. При этом показатели второго кластера по сравнению с первым имеют статистически значимые различия. Другими словами, вторая группа находится в зоне риска в большей степени, чем первая, и осознаёт это.

В рамках существующих институциональных правил игры школьники конструируют собственную неуспешность, ограничивая горизонты будущего. Так, выбор своего будущего относительно учебного заведения и специальности по-разному осуществляется этими группами школьников (см. табл. 4). Представители «менее успешных» проявляют пассивность, уровень их информированности о направлении дальнейшего обучения, профессии и работе тоже ниже. Удовлетворены выбором своей будущей профессии 81,1% «успешных» и 57,4% «неуспешных» учащихся. При этом различий в формулировке требований к будущей профессиональной деятельности у школьников этих групп нет.

Типология самооценок образовательной успешности студентов СПО

На выборке студентов СПО также выделено два кластера. Первый кластер (42,6%) характеризуется повышенным, второй (57,4%) – сниженным уровнем самооценок. Рассмотрим, каким образом выявленные кластеры различаются по оценке роли образования в жизни студентов СПО (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Студенты СПО о роли образования в жизни, в зависимости от типа кластера, %
SVE students on the role of education in life, depending on the type of cluster, %

С какими из высказываний Вы согласны?	1 кластер	2 кластер
С образованием легче найти хорошую работу	43,7	38,5
Хорошее образование даёт уверенность в будущем (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,13</i>)	43,0	30,3
Образование даёт возможность реализовать свой потенциал (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,13</i>)	43,0	30,7
Образование важно само по себе, оно делает меня культурным человеком (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,13</i>)	38,3	27,6
Хорошее образование позволяет занять высокое положение в обществе (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,14</i>)	32,1	19,6
Образованному человеку интереснее живётся	21,6	17,9
Показатели, характеризующие дисфункции образования		
Полезные знания приобретаются на практике, а образование нужно только для «корочек» (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,20</i>)	23,0	42,3
Образование сейчас потеряло своё значение, его наличие не гарантирует успеха в жизни (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,25</i>)	23,5	48,3

По сравнению со школьниками, студенты СПО имеют более дифференцированную структуру самооценок успешности, формируемую системой институциональных условий. Это касается их отношения ко всем функциям образования, но прежде всего его дисфункциональных факторов. «Успешные» студенты статистически значимо доминируют при оценке позиций: хорошее образование даёт уверенность в будущем (43,0%); даёт возможность реализовать свой потенциал (43,0%); делает меня культурным человеком (38,3%); позволяет занять высокое положение в обществе (32,1%).

Считают, что образование сейчас потеряло своё значение и его наличие не гарантирует успеха в жизни, в два раза больше представителей второго кластера (48,3%), чем первого (23,5%). Кроме того, различия между группами проходят по критерию роли практики в получении

знаний. Уверены, что полезные знания приобретаются, как правило, на практике, а образование нужно только для «корочек», также почти вдвое больше представителей второго кластера (42,3%), чем первого (23,0%).

Обе группы сходятся только в утверждениях, что с образованием можно легче найти хорошую работу и интереснее организовать жизнь.

Самооценки успешности коррелируют с конкретными образовательными стратегиями студентов СПО, связанными с получением знания. Так, активные практики в получении знаний характерны для кластера «успешных» студентов (46,7%), которых вдвое больше, чем «неуспешных» (22,2%). Получаемые знания не имеют значения для дальнейшей жизни и работы каждого четвертого «неуспешного» студента. Их втрое больше, чем представителей первого кластера.

Кластер «неуспешных» имеет более низкие оценки, в целом учёба им даётся тяжелее, желание учиться за последние 1–2 года снизилось. Эти студенты менее активны в научно-исследовательской деятельности, реже принимают участие в олимпиадах, конкурсах, научных проектах. Они меньше занимаются дополнительным образованием и самообразованием, ниже оценивают свои навыки самообразовательной деятельности, чем кластер «успешных».

Образовательные риски студентов СПО (см. табл. 4) связаны с достижением формальных результатов (баллов, оценок и пр.). Это проблема почти для половины успешных и 52,5% менее успешных студентов.

Таблица 4 (Table 4)

Студенты СПО об отношении к результатам образовательной деятельности, в зависимости от типа кластера, %

SVE students about their attitude to the results of educational activities, depending on the type of cluster, %

Какие мысли и чувства возникают у Вас, когда Вы думаете	1 кластер	2 кластер
- о формальных результатах (баллах, оценках, получении диплома) (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,23</i>)		
Это меня тревожит	47,0	52,5
Мне всё равно	20,4	33,4
Это меня мотивирует	32,6	14,1
Итого	100,0	100,0
- о содержательных результатах (знаниях, уровне моей образованности) (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,21</i>)		
Это меня тревожит	34,9	34,4
Мне всё равно	20,2	37,7
Это меня мотивирует	44,9	27,9
Итого	100,0	100,0
- о том, что нужно всё время повышать свой уровень знаний (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,15</i>)		
Это меня тревожит	27,7	28,4
Мне всё равно	24,6	37,3
Это меня мотивирует	47,7	34,3
Итого	100,0	100,0

В обеих группах студентов СПО и школьников практически совпадает отношение к формальным и содержательным результатам обучения. Отношение к необходимости непрерывного образования также является более «мотивирующим», чем тревожащим. По-видимому, несмотря на высокую оценку уровня дисфункциональности института профессионального образования, институциональные условия в этой подсистеме образования для них достаточно комфортны.

При этом образовательным рискам чаще подвергаются студенты второго кластера, в среднем каждый пятый, тогда как из «успешных» студентов – только каждый десятый. К наиболее значимым рискам можно отнести риски выбора учебного заведения; организации и реализации образовательного процесса; освоения профессиональных знаний и навыков, их соответствия выбранной специальности (профессии).

Не сталкивались с серьёзными проблемами в образовательной деятельности 64,8% студентов первой и 41,8% второй группы. Расценивают все перечисленные выше проблемы как норму и готовы самостоятельно справиться с ними 61,5% «успешных» и 40,9% «неуспешных» студентов. Эта ситуация свидетельствует о достаточной приемлемости институциональных условий для студентов СПО, поэтому моделируемая ими самооценка успешности в целом достаточно высока.

«Успешные» студенты (91,6%) значительно более удовлетворены профессиональным выбором, чем «неуспешные» (58,1%). Будущую профессию лучше представляют себе студенты 1 кластера (7,3 балла по 10-ти балльной шкале), чем второго (5,5 баллов).

Типология самооценок образовательной успешности студентов вузов

Эмпирическая типологизация на выборке студентов вузов позволила выявить три кластера: первый кластер (37,3%) характеризуется высоким уровнем самооценок успешности образовательной деятельности; второй (29,9%) – средним; третий (32,8%) – сниженным уровнем. Рассмотрим, насколько выявленные кластеры различаются по оценкам роли образования в жизни студентов вузов (см. табл. 5).

Студентов вузов дифференцируют по кластерным различиям прежде всего институциональные дисфункции. Для студентов со средней (41,8%) и низкой (49,8) самооценкой успешности образование потеряло своё значение и не гарантирует успеха в жизни, оно нужно только для «корочек», поскольку полезные знания приобретаются, по их мнению, в основном на практике (38,6 и 39,3% соответственно).

Вместе с тем дифференцирующими факторами выступают и социокультурная функция, функции самореализации и статусного продвижения. Представители «успешного» кластера более других уверены, что образование делает их культурными людьми (46,5%), даёт возможность реализовать свой потенциал (45,9%), позволяет занять высокое положение в обществе (25,1%).

Таблица 5 (Table 5)

Студенты вузов о роли образования в жизни, в зависимости от типа кластера, %
University students on the role of education in life, depending on the type of cluster, %

С какими из высказываний Вы согласны?	1 кластер	2 кластер	3 кластер
Образование важно само по себе, оно делает меня культурным человеком (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,10</i>)	46,5	40,0	36,4
Образование даёт возможность реализовать свой потенциал (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,10</i>)	45,9	41,1	34,8
Хорошее образование даёт уверенность в будущем	38,3	34,0	29,4
С образованием легче найти хорошую работу	32,1	33,7	34,5
Образованному человеку интереснее живётся	31,5	30,9	23,6
Хорошее образование позволяет занять высокое положение в обществе (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,10</i>)	25,1	16,8	16,9
Показатели, характеризующие дисфункции образования			
Полезные знания приобретаются на практике, а образование нужно только для «корочек» (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,16</i>)	23,4	38,6	39,3
Образование сейчас потеряло своё значение, его наличие не гарантирует успеха в жизни (<i>Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,21</i>)	25,4	41,8	49,8

Ещё одной важной характеристикой является то, что третья часть представителей всех трёх кластеров единодушна в том, что с образованием легче найти хорошую работу, оно даёт уверенность в будущем, с ним человек может интереснее организовать свою жизнь.

Самооценки успешности коррелируют с конкретными образовательными практиками студентов вузов, связанными с получением знания. Чем выше самооценка уровня образовательной успешности, тем выше студент ценит знания и активнее занимается инициативными видами познавательной деятельности – научными исследованиями, самообразованием. При этом почти каждый пятый студент со средними и низкими самооценками успешности считает, что получаемые в вузе знания не имеют значения для его дальнейшей жизни и работы, поэтому ориентирован только на получение официального документа об окончании образовательной организации.

Рассмотрим комплекс характеристик образовательной деятельности, по которым выявленные типы студентов имеют статистически значимые отличия (по выраженности данных характеристик кластеры расположены иерархично от первого к третьему):

- уровень успеваемости выше у студентов, входящих в первый кластер и снижается к третьему;
- наличие сложностей в учёбе (если представителям первого кластера учёба даётся легко, сложностей не возникает, то к третьему нарастают проблемы и трудности, с которыми студенты не справляются);

- снижение желания учиться за последние 1–2 года обучения в вузе наиболее выражено у представителей третьего кластера;
- активность участия в научно-исследовательской деятельности, олимпиадах, конкурсах, научных проектах явно выражена у студентов, входящих в первый кластер, и снижается к третьему;
- активность самообразовательной деятельности и оценка навыков самообразования выше у «успешных» студентов и имеет тенденцию к снижению к кластеру «неуспешных».

К наиболее значимым рискам, с которыми сталкиваются студенты на этапах входа в систему профессионального образования, можно отнести риски организации и реализации образовательного процесса. Для студентов с низким уровнем образовательной успешности риски значительно возрастают также в связи с собственной неготовностью к обучению в вузе (21,4%) и высокими требованиями вуза (16,9%), разочарованием в специальности (19,5%), образовательном учреждении (17,9%), получаемых знаниях по профессии (16,0%). Сущностными институциональными рисками являются риски результата образовательной деятельности (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Студенты вузов об отношении к результатам образовательной деятельности, в зависимости от типа кластера, %
University students about their attitude to the results of educational activities, depending on the type of cluster, %

Какие мысли и чувства возникают у Вас, когда Вы думаете	1 кластер	2 кластер	3 кластер
- о формальных результатах (баллах, оценках, получении диплома) (Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,14)			
Это меня тревожит	32,1	44,5	50,8
Мне всё равно	32,1	25,3	30,7
Это меня мотивирует	35,8	30,2	18,5
Итого	100,0	100,0	100,0
- о содержательных результатах (знаниях, уровне моей образованности) (Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,17)			
Это меня тревожит	23,1	26,3	32,6
Мне всё равно	16,9	11,6	22,0
Это меня мотивирует	60,0	62,1	45,4
Итого	100,0	100,0	100,0
- о том, что нужно всё время повышать свой уровень знаний (Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,11)			
Это меня тревожит	20,6	18,9	26,2
Мне всё равно	18,6	21,4	29,4
Это меня мотивирует	60,8	59,7	44,4
Итого	100,0	100,0	100,0

Риски, связанные с формальными результатами, в большей степени тревожат «неуспешных» студентов, содержательные результаты и перспективы непрерывного образования с целью повышения своего уровня знаний мотивируют все три группы студентов, хотя и с некоторыми различиями. При этом отношение к образовательным рискам принципиально различно у представителей разных кластеров. Так, если 70,6% «успешных» студентов считают их нормой, то среди студентов из кластера «неуспешных» дающих такие оценки вдвое меньше (36,4%).

Влияние института профессии на дифференциацию студентов по критерию самооценки успешности проявляется на этапе выбора профессии: удовлетворены профессиональным выбором 93,8% представителей первого, 78,6% – второго и 59,4% третьего кластеров¹. Уровень информированности студентов о будущей профессиональной деятельности тоже различен: 8,1 баллов у представителей первого, 6,7 – второго, 6,2 – третьего кластеров (по 10-ти балльной шкале, где 0 – плохо представляю, 10 – хорошо представляю)².

Различия в предпочтениях относительно будущей профессиональной деятельности существуют практически по всем показателям. Единственно, в чём единодушны респонденты – что профессия должна давать возможность проявить творческую инициативу и самостоятельность. Студенты 1 и 2 кластеров схожи в желании с помощью профессии максимально раскрыть способности и таланты, достичь высокого общественного положения, признания окружающих. Хотят, чтобы профессия была неустойчивой, не вызывала отрицательных эмоций по преимуществу представители из группы «неуспешных». При этом представители 2 кластера отличаются от всех особым прагматическим интересом к профессии: они больше остальных ориентированы на получение достойной заработной платы, достижение высокого уровня благосостояния (82,1%) при условии, чтобы профессия не мешала полноценному и разнообразному досугу, увлечениям, общению с друзьями (43,2%).

Некоторые выводы для обозначения проблемного поля научной и практической дискуссии

В ходе анализа исследовательской проблемы была поставлена задача рассмотрения самооценки образовательной успешности как социального феномена, институционального регулятора индивидуального развития представителей образовательных общностей при переходе от одной подсистемы образования к другой, позволяющего выявить внутрисистемные противоречия. Поскольку проблему такой сложности в принципе нельзя полностью перевести на уровень эмпирического обоснования, то в рамках социологического исследования был реализован ряд задач: выявлена эмпирическая типология образовательных общно-

¹ *Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,33.*

² *Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,29.*

стей школьников, студентов СПО и студентов вузов по критерию самооценки образовательной успешности; осуществлен её анализ в системе институциональных норм и требований, а также практик реализации институциональной деятельности образовательными общностями.

Можно утверждать, что самооценка образовательной успешности является устойчивым институциональным конструктом, который достаточно унифицировано регулирует образовательную деятельность на всех этапах образования, осуществляя процесс дифференциации и даже сегрегации её субъектов. Самооценка образовательной успешности определяет выбор субъектом определённой стратегии образовательной деятельности, прогнозирует его ориентации на образовательное и профессиональное будущее.

Другими словами, по поводу образовательной успешности сложился консенсус, который воспроизводится в сознании обучающихся (и можно предположить, что и в установках их родителей, педагогов, представителей образовательного менеджмента) достаточно стабильно. Он порождается образовательной средой, транслируется в процессе коммуникации образовательных общностей, проникает в массовое сознание, воспроизводится в общественном мнении. Насколько же этот регулятивный феномен эффективен по отношению к институту образования в целом и регуляции индивидуально-личностных жизненных стратегий субъектов образовательной деятельности?

Анализ полученных данных позволил сформулировать ряд выводов, которые могут стать самостоятельными направлениями дальнейших исследований.

1. Самооценка образовательной успешности как социальный феномен и институциональный регулятор дисфункциональна по отношению к институту образования.

- Прежде всего это касается подсистемы школьного и среднего профессионального образования. Так, количественно бо́льшая часть школьников (61,4%) и студентов СПО (57,4%) склонны относить себя скорее к неуспешным, а группа «неуспешных» дифференцируется в основном по критерию институциональных дисфункций образования. Существующий стандарт образовательной успешности у этих групп нивелирует представления о роли формального образования в обеспечении успешности собственного будущего.

- Особенно это характерно для «неуспешных» студентов СПО, половина которых (48,3%) считают формальное образование дисфункциональным, не гарантирующим успеха в жизни; 80,4% уверены, что оно не обеспечит им статусного продвижения, не сделает их жизнь интереснее (82,1%), а их самих культурными людьми (72,4%). Активное отрицание роли образования в своей жизни как результат несоответствия стандартам успешности – негативный феномен, поскольку способствует уходу от практик непрерывного образования (формального и неформального), формированию особой группы стигматизированных «неуспешных» учащихся, активно отторгающих образование как вид деятельности.

• Для «неуспешных» школьников и студентов СПО характерны высокие субъективные риски формальных результатов (получение баллов, оценок, диплома) образовательной деятельности, имеющие травмирующий характер, что свидетельствует о дисфункциях субъективной модели успешности для этих групп учащихся. Для этой группы студентов вузов мотивирующий эффект содержательных рисков образования уравнивает и даже в какой-то мере нивелирует травматогенные факторы формальных институциональных требований.

2. Самооценка образовательной успешности дисфункциональна по отношению к институту профессии, влияет на снижение адаптационного и прогностического потенциалов будущего обучающихся.

• «Неуспешные» школьники и студенты СПО, как правило, пассивны в выборе стратегии будущего, связанного с образовательной и профессиональной сферой. Адаптационные возможности «неуспешных» студентов СПО и вузов практически вдвое ниже, чем у «успешных». Они чаще сталкиваются с проблемами организации и реализации образовательного процесса, не готовы рассматривать их как норму и справляться с ними самостоятельно. Комплекс факторов, включая и стигму неуспешности, снижает их адаптационный потенциал и социально-ориентированные навыки включения в образовательную среду.

• Студенты вузов демонстрируют большее разнообразие и адаптивность к институциональным требованиям образовательной успешности. Практически третья часть (29,9%) студентов, балансируя между «успешными» и «неуспешными», демонстрируют адаптационный потенциал, базирующийся на прагматических ценностях образования и профессии.

3. Институциональный стандарт образовательной успешности, интериоризированный образовательными общностями, универсален для всех трёх подсистем образования. Однако его трансфер при переходе от одной ступени образования к другой осуществляется противоречиво, без учёта их особенностей, не адаптируется к новым требованиям каждой ступени.

Проведённое социологическое исследование показало, что институционально заданная модель самооценки успешности для образовательных общностей не является в настоящих условиях оптимальной ни с точки зрения развития экзистенциального потенциала личности, ни с позиции института образования. Она явно будет постепенно трансформироваться с ориентацией на потребности обучающихся и возможности открытия для них более широких перспектив и разнообразия образовательного и профессионального будущего.

Библиографический список

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию/ Пер. с нем. под общ. ред. Н. А. Головина, В. В. Козловского. СПб.: Алетейя, 2000. 272 с.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания/ Пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бирина О. В. Понятие успешности обучения в современных педагогических и психологических теориях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 8 (часть 2). С. 438–443.
4. Бурдые П. Воспроизводство: элементы теории системы образования/ Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Просвещение, 2007. 267 с.
5. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–65.
6. Горбунова Е. В. Выбытия студентов из вузов: исследование в России и США // *Вопросы образования*. 2018. № 1. С. 110–131. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-1-110-131
7. Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в современном контексте. М.: Юрайт, 2017. 224 с.
8. Завадская М. А. Академическая неуспеваемость как социологический феномен: перспективы микросоциологического анализа // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. 14. № 2. С. 102–118.
9. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Переход образовательных общностей от неуспешности к успешности в процессе трансфера их человеческого капитала // *Мир России*. 2021. Т. 30. № 1. С. 88–110. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-88-110
10. Константиновский Д. Л. Измерение неравенства в образовании // *Россия реформирующаяся: ежегодник*. М.: Новый хронограф, 2018. Вып. 16. С. 171–191. DOI 10.19181/ezheg.2018.8
11. Хекман Д. Политика стимулирования человеческого капитала // *Вопросы образования*. 2011. № 3. С. 73–137.
12. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: Phren, 2000. 333 с.
13. Шмелева Е. Д., Фруммин И. Д. Факторы отсева студентов инженерно-технического профиля в российских вузах // *Вопросы образования*. 2000. № 3. С. 110–136.
14. Шуклина Е. А. Образовательная успешность в контексте феноменологической социологии знания // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2020. № 3. С. 62–75. DOI: 10.15593/2224-9354/2020.3.4
15. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом/ Пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев и др. М: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
16. Berger J. B. Optimizing Capital, Social Reproduction, and Undergraduate Persistence: A Sociological Perspective // J. M. Braxton (ed.). *Reworking the Student Departure Puzzle*. Nashville, TN: Vanderbilt University, 2000. P. 95–124.

17. Casarico A., Micheletto L., Sommacal A. Intergenerational transmission of skills during childhood and optimal public policy // *Journal of Population Economics*. 2015. Vol. 28. №. 2. P. 353–372.
18. Cremer H., Pestieau P. Intergenerational Transfer of Human Capital and Optimal Education Policy // *Journal of Public Economic Theory*. 2006. Vol. 8. №. 4. P. 529–545.
19. Glasersfeld E. von. *Radical Constructivism*. London: Falmer Press, 1996. 323 p.
20. Kuh G. D., Love P. G. *Cultural Perspective on Student Departure // Reworking the Student Departure Puzzle*. Nashville, TN: Vanderbilt University. 2000. P. 196–212.
21. Parsons T. *School Class as a Social System // Parsons T. Social Structure and Personality*. London. 1964. P. 130–154.

Статья поступила: 20.05.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шуклина Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.739

Self-Evaluation of Educational Success as an Institutional Phenomenon: Sociological Analysis of Efficiency and Intrasystem Contradictions

The reported study was funded by RFBR, project no. 19-29-07016

Elena A. Shuklina

Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: e.a.shuklina@urfu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6478-4332

For citation: Shuklina E. A. Self-evaluation of educational success as an institutional phenomenon: sociological analysis of efficiency and intrasystem contradictions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 99–119. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.739

Abstract. In the context of the institutional transformation of education and the complication of the processes of its functioning and development in the information age, the problem of analyzing the self-assessment of educational success as a subjective regulator of human educational activity becomes of particular importance. The article examines the subjective assessment of success in formal education as a reflection of students' ideas about the degree of compliance with the system of institutional requirements through their acceptance / rejection. The analysis of the problems of educational success is based on the material of a large-scale sociological study of schoolchildren, students of secondary vocational education (SVE) and universities of the Sverdlovsk region (N = 2489 people). There were carried out the typologization of subjects of educational activity in accordance with the level of self-assessment of educational success; comparison of the types identified during the transition from one subsystem of education to another (school – secondary vocational education – university); determination of individual-personal and institutional contradictions and conflicts in the assessment of educational success as points of growth, the search for coordination of the needs and interests of the individual, on the one hand, and education as a social institution, on the other.

The author comes to the conclusion that the self-assessment of educational success is a stable institutional construct that uniformly regulates educational activity at all stages of education, carrying out the process of differentiation of its subjects. At the same time, it can be dysfunctional in relation to the institution of education, its implementation of an adaptive, socio-cultural function, the function of professional self-determination.

The results of the sociological study demonstrated that the institutionally formed model of self-assessment of success for educational communities in the current conditions is not optimal. Gradually transforming in accordance with the needs of students, the possibilities of the educational institution, the challenges of the time, it will have to change, creating conditions for broader prospects and diversity of the educational and professional future of students.

Keywords: institute of education, educational success / failure, educational communities, educational motivation, professional self-determination

References

1. Abels H. Interaction, identity, presentation. An Introduction to Interpretive Sociology. Saint-Petersburg, Aleteya, 2000. 272 p. (In Russ.).
2. Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. Transl. from Eng. by E. Rutkevich. Moscow, Medium, 1995: 323 (in Russ.).
3. Birina O. V. Ponjatie uspešnosti obučeniya v sovremennyh pedagogicheskikh i psihologicheskikh teoriyah [The concept of the successful training in modern pedagogical and psycho-logical theories]. *Fundamentalnye issledovaniya*, 2014: 8-2: 438–443 (in Russ.).
4. Bourdieu P. Reproduction elements for a theory of the teaching system. Transl. from Fr. by N. A. Shmatkom. Moscow, Prosveshchenie. 2007: 267 (in Russ.).
5. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2002: 3: 5: 60–65 (in Russ.).
6. Gorbunova E. V. Elaboration of Research on Student Withdrawal from Universities in Russia and the United States. *Voprosy obrazovaniya*, 2018: 1: 110–131. (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2018-1-110-131
7. Gorshkov M. K., Klyucharev G. A. Nopreryvnoe obrazovanie v sovremennom kontekste [Continuing education in a modern context]. Moscow, Yurajt, 2017: 224 (in Russ.).
8. Zavadsкая M. A. Akademicheskaya neuspevaemost' kak sociologicheskij fenomen: perspektivy mikrosociologicheskogo analiza [Academic failure as a sociological phenomenon: perspectives of microsocial analysis]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*. 2011: 14: 2: 102–118 (in Russ.).
9. Zborovskij G. E., Ambarova P. A. The Transition of Educational Communities from Failure to Success in Human Capital Transfer. *Mir Rossii*, 2021: 30: 1: 88–110. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-88-110 (in Russ.).
10. Konstantinovskiy D. L. Izmerenie neravenstva v obrazovanii [Measuring educational inequality]. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik*. Moscow, Novyj hronograf, 2018: 16: 171–191. DOI 10.19181/ezheg.2018.8 (in Russ.).
11. Heckman J. Policies to foster human capital. *Voprosy obrazovaniya*. 2011: 3: 73–137 (in Russ.).
12. Cokolov S. Diskurs radikal'nogo konstruktivizma. Tradicii skepticizma v sovremennoj filosofii i teorii poznaniya [Discourse of Radical Constructivism. Traditions of skepticism in modern philosophy and the theory of knowledge]. Myunhen, Phren, 2000: 333 (in Russ.).
13. Shmeleva E. D., Frumin I. D. Faktory otseva studentov inzhenerno-tekhnicheskogo profilya v rossijskikh vuzah [Dropout Factors for Engineering Students in Russian Universities]. *Voprosy obrazovaniya*, 2000: 3: 110–136 (in Russ.).
14. Shuklina E. A. Educational success in the phenomenological sociology of knowledge. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki*, 2020: 3: 62–75 (in Russ.).
15. Shutc A. Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom [Favorites: A world glowing with meaning]. Transl. from Eng. and Germ. by V. G. Nikolaev et al. Moscow, ROSSPEN, 2004: 1056 (in Russ.).
16. Berger J. B. Optimizing Capital, Social Reproduction, and Undergraduate Persistence: A Sociological Perspective. In: J. M. Braxton (ed.) *Reworking the Student Departure Puzzle*. Nashville, TN, Vanderbilt University, 2000: 95–124.

17. Casarico A., Micheletto L., Sommacal A. Intergenerational transmission of skills during childhood and optimal public policy. *Journal of Population Economics*, 2015: Vol. 28: 2: 353–372.
18. Cremer H., Pestieau P. Intergenerational Transfer of Human Capital and Optimal Education Policy. *Journal of Public Economic Theory*, 2006: Vol. 8: 4: 529–545.
19. Glasersfeld E.von. *Radical Constructivism*. London, Falmer Press, 1996: 323.
20. Kuh G. D., Love P. G. Cultural Perspective on Student Departure. Reworking the Student Departure Puzzle. Nashville, TN, Vanderbilt University, 2000: 196–212.
21. Parsons T. School Class as a Social System. In: Parsons T. *Social Structure and Personality*. London, 1964: 130–154.

The article was submitted on: 20.05.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Shuklina, Doctor of Sociological Science, Professor of chair sociology and public administration technologies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.740

Бюджет времени студенческой молодёжи и её адаптация к учебной деятельности

Ссылка для цитирования: Большакова О. А., Караханова Т. М. Бюджет времени студенческой молодёжи и её адаптация к учебной деятельности // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 3. С. 120–144. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.740

For citation: Bolshakova O. A., Karakhanova T. M. The student time-budget and their adaptation to educational activities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 120–144. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.740

**Большакова
Ольга Александровна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

patruhev@isras.ru

AuthorID ПИНЦ: 738446

**Караханова
Татьяна Муртазаевна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

patruhev@isras.ru

AuthorID ПИНЦ: 74345

Аннотация. В статье рассматривается общая картина использования студентами вузов своего фонда времени, его структурирование, а также динамика показателей времени, относящихся к основным сферам повседневной деятельности учащихся за 2002–20 гг. Особое внимание уделено учебной деятельности как статусообразующей для студентов очной формы обучения. Опрос студентов вузов Москвы, Омска и Пскова проведён в марте 2019–январе 2020 гг. сектором изучения повседневной деятельности и бюджета времени ИС ФНИСЦ РАН в рамках мониторингового комплексного исследования «Повседневная деятельность городского населения: бюджет времени, ценности, социальная адаптация». Реальное поведение студентов анализировалось в комплексе с анализом мотивации к получению высшего образования, адаптивных возможностей участия в учебной деятельности и успешности профессиональной социализации учащихся. Выявлено, что доминирующий мотив получения высшего образования – «необходимость иметь диплом

о высшем образовании для устройства на хорошую работу» – не только сохранил (за период 2002–20 гг.) своё доминирование и значительный «отрыв» от значимости других мотивов, но его важность даже повысилась. Сохранилась в целом и конфигурация образовательной мотивации. Изменения в ресурсных временных возможностях наименее всего затронули сегмент повседневной деятельности, относящийся к общей трудовой нагрузке (учебное время, оплачиваемый труд, неоплачиваемый труд). Более существенно учебное время студентов сократилось у женщин (у мужчин – много меньше). Снижился объём времени, расходуемого на физическое восстановление учащихся, однако значительно расширилось пространство для занятий в свободное время. Показано, что типы ценностной ориентации студентов в отношении учебной деятельности имеют связь с объёмом, структурой учебного времени и другими показателями. Показатели адаптивных возможностей учащихся для осуществления учебной деятельности связаны со степенью подготовленности студентов к учёбе в вузе. Выявлено, что времязатраты на всю учебную деятельность и её структура в 2019–20 гг. отличаются худшими характеристиками как по сравнению с 1920 г., так и в сопоставлении с другими периодами (рассматривался в динамике период 1920–2020 гг.).

Ключевые слова: бюджет времени студента вуза, учебная деятельность, мотивы поступления в вуз, ценность учёбы, адаптация к учёбе в вузе

Одним из аспектов изучения процесса формирования субъекта профессиональной деятельности, берущего начало со студенческой скамьи, является исследование реального поведения студенчества в различных сферах его повседневной жизни. Оценка изменений, происходящих в реальном поведении студенческой молодёжи, в том числе в учебной деятельности, позволяет приблизиться к пониманию перспектив успешности профессиональной социализации [6; 8] будущих специалистов, на которую нацелены инновационные трансформации в области получения высшего профессионального образования. Анализ объективной картины повседневной деятельности учащихся, описанной в показателях бюджета времени (структурирования времени), занимает важное место в изучении «процесса развития адаптационно-интегративных особенностей человека, ... усвоения большого круга социальных и профессиональных ролей, включающих осознание человеком себя как субъекта профессиональной деятельности» [1, с. 180].

В последнее десятилетие среди научных публикаций, к сожалению, не появилось работ, содержащих в большей или меньшей степени углублённый анализ результатов самостоятельных исследований реального поведения (использования бюджета времени) студенческой молодёжи с описанием методики сбора информации и эмпирической базы. Ряд статей, названия которых предполагают такой анализ, фактически содержат пересказ фрагментов работ других авторов в области методологии и методики исследований по данной теме. Работы могут цитироваться с вольной интерпретацией их содержания, а в некоторых случаях – и без всяких ссылок на источники, хотя их авторы на протяжении более чем полувека занимались данными

проблемами и имеют в своём распоряжении арсенал разработанных и многократно апробированных методологических и методических социологических приёмов изучения реального поведения различных групп населения, включая студенческую молодёжь. Между тем определённые возможности для объяснения предполагаемых будущих жизненных траекторий молодых специалистов – выпускников вузов – дают объективные сведения об использовании времени. Заслуживает исследовательского внимания изучение повседневного фактического поведения студента в сферах учебной деятельности, оплачиваемого, неоплачиваемого труда и физического восстановления, а также в свободное время в комплексе с анализом мотивов получения высшего образования, адаптивных возможностей участия в учебной деятельности и успешности профессиональной социализации учащихся. В этом контексте сформулированы следующие задачи данной статьи.

1. Наметить своего рода «набросок» к портрету современного вузовского студенчества, написанный в показателях времени, т. е. охарактеризовать в общих чертах распределение фонда времени на основные группы видов повседневной деятельности студентов (объективная информация).

2. Провести сравнение данных за 2019–20 гг. с результатами аналогичных исследований, проведённых в 2002–4 гг.

3. Проанализировать группу видов повседневной деятельности в категории «Учебная деятельность», в т. ч. затраты времени на неё за 1920–2020 гг.

4. С привлечением информации о самооценках (мотивах получения высшего образования, ценности учёбы, отношения к ней студентов и др.), полученной в ходе опросов в 2002–20 гг., рассмотреть различные стороны адаптации студентов к учебной деятельности.

Предпринятый анализ основывается на данных опроса студентов очной формы обучения, проведённого сектором изучения повседневной деятельности и бюджета времени ИС ФНИСЦ РАН в период с марта 2019 г. по январь 2020 г. в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ФГБОУ ВО ГАУГН, социологический факультет); Омском государственном университете (ФГБОУ ВО ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, различные факультеты); Псковском государственном университете (ФГБОУ ВО ПсковГУ), а также в ряде филиалов московских и петербургских вузов, находящихся во Пскове. Выборочная совокупность – 173 студента. Опрос проведён в рамках мониторингового комплексного исследования «Повседневная деятельность городского населения: бюджет времени, ценности, социальная адаптация». Для сбора информации о бюджете времени разных групп населения (в том числе студентов вузов), учитывая специфики методологии изучения использования времени и особенно методики проведения исследования (суточный, недельный баланс времени видов

деятельности, представительство всех дней недели и др.) [9, с. 8–18], традиционно применяется целевая выборка; контролируемые переменные – пол и возраст. Выборка предполагает обязательное включение как можно большего числа специальностей, по которым обучаются студенты, что даёт возможность получать информацию, репрезентативную для данной группы населения. В территориальных выборках студенты присутствуют как её часть. Это относится и к Пскову, в котором с 1965 по 2020 гг. (шестая волна) исследуется бюджет времени городского населения, а в его составе бюджет времени студентов вузов (очников). Омск как территориальный объект исследуется с 1961 г. Выбор московского вуза ГАУГН обусловлен, кроме общих задач, необходимостью изучения динамики реального поведения студентов, обучающихся в данном вузе. В целом для сравнительного анализа привлечены материалы проведённого нами исследования бюджета времени студентов, обучавшихся в 2002–3 гг. в пяти вузах Москвы: Российском химико-технологическом университете им. Д. И. Менделеева (РХТУ), Московском физико-техническом институте (МФТИ), Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова (ММА), Московском педагогическом государственном университете (МПГУ), Государственном университете гуманитарных наук, социологический факультет (ГУГН). Выборка составляла 240 чел. Кроме того, использованы данные анкетного опроса студентов (без изучения бюджета времени), проведённого сектором в 2004 г. в ВГУ (Воронежский государственный университет) и НГУ (Новосибирский государственный университет), опрошено 350 чел.

Краткая характеристика опрошенных, обучавшихся в вузах Москвы, Омска, Пскова в 2019–20 гг.

Объектом исследования, как сказано выше, стали студенты очных отделений вузов. «Учебная деятельность» для данной группы студентов является статусообразующей даже в том случае, если учащийся имеет вторичную занятость (оплачиваемую работу). Рассматриваемая группа учащихся отличается от работающих студентов иных форм обучения тем, что для последних «учебная деятельность» не является статусообразующей и включается в число занятий, совершаемых в их свободное время и относящихся к рубрике «Повышение образования, квалификации». Разделение учащихся высших учебных заведений по указанному критерию соответствует методолого-методическим требованиям, принятым в области социологии изучения использования времени, на основе которых осуществляется сбор эмпирической информации о реальном поведении (бюджете времени) населения на протяжении нескольких десятилетий.

В выборочной совокупности студентов очной формы обучения в вузах Москвы, Омска и Пскова – 40% мужчин и 60% женщин. Доля женщин среди студентов очных отделений уже традиционно

больше, чем мужчин, и даже увеличивается [11, с. 92]. В соответствии с целями исследования, опрошенные представляют все курсы обучения и, следовательно, возрастную структуру респондентов в возрасте от 16 до 28 лет: учащихся от 16 до 18 лет – 14%; 19-летних – 38%; 20-летних – 33%; от 21 года и старше – 15%. Бесплатно обучаются 64% опрошенных, оплачивают учёбу – 36%. На основе договора об оказании платных образовательных услуг, по данным учёта Министерства образования и науки РФ, в 2015 г. учились 59% студентов [11, с. 92]. Самооценки опрошенных показали, что из семей со средним достатком было 85% студентов; из семей, отнесённых учащимися «к бедным людям», – 12%; уровень дохода своей семьи оценили как высокий 3% студентов. Учащиеся проживают в основном «с родителями» и «с родителями и другими родственниками» (65%), каждый третий – «отдельно от родителей», в т. ч. в общежитии или снимаемом жилье. Псковские студенты, в отличие от учащихся в Москве и Омске, в большинстве своём (80%) проживают вне родительского дома. Студентов, состоящих в браке, без детей и с детьми, проживающих в отдельном домохозяйстве – 4%. Каждый четвёртый учащийся совмещает учёбу с оплачиваемой работой. По результатам опроса 2002–3 гг. доля работающих студентов-очников составляла 35%.

Мотивация к получению высшего профессионального образования у студентов в 2002–4 гг. и 2019–20 гг.

Иерархия мотивов учащихся, опрошенных в 2019–20 гг. (см. табл. 1), показывает, что для подавляющего большинства студентов при принятии решения о поступлении в вуз *ведущим* является мотив «необходимость иметь диплом о высшем образовании для устройства на хорошую работу» (81%).

Следующие шесть из представленных в таблице 1 мотивов (2, 4–8) имеют практически одинаковую значимость для учащихся (от 41 до 47%). В их числе, во-первых, вариации вышеприведённого доминирующего мотива, конкретизирующие прагматические стратегии учащихся: «улучшить своё материальное положение» (43%), «сделать успешную профессиональную карьеру» (43%). Во-вторых, студенты декларируют неменьшую для них важность своего профессионального выбора: «желание получить престижную специальность» (42%), «интерес к получаемой профессии, специальности» (47%), «желание стать высококвалифицированным специалистом в выбранной профессии» (41%), «потребность повысить свой интеллектуальный и культурный уровень» (45%). Оставшиеся 11 мотивов (см. табл. 1) назывались заметно реже, причём на более чем половину из них указали только 6–14% ответивших.

Таблица 1 (Table 1)

Изменения в распределении ответивших на вопрос:
«Какие мотивы (обстоятельства) повлияли на Ваше решение
получить именно высшее образование?», 2002–20 гг., %
(допускалось несколько вариантов мотивов)
Changes in the distribution of respondents to the question:
“What motives (circumstances) did influence your decision to get a higher education?”,
2002–20, % (several variants of motives were allowed)

Мотивы	Доля указавших мотив		Доля указавших мотив в числе выбранных трёх главных	
	2002–4 N=590*	2019–20 N=173**	2002–4 N=590*	2019–20 N=173**
1. Необходимость иметь диплом о высшем образовании для устройства на хорошую работу	82	81	47	57
2. Потребность повысить свой интеллектуальный и культурный уровень	79	45	32	24
3. Желание добиться хорошего положения в обществе	71	36	21	16
4. Улучшить своё материальное положение	68	43	19	25
5. Сделать успешную профессиональную карьеру	65	43	23	28
6. Интерес к получаемой профессии, специальности	62	47	26	27
7. Желание стать высококвалифицированным специалистом в выбранной профессии	59	41	22	25
8. Желание получить престижную специальность	56	42	12	17
9. Желание родителей, родственников	44	38	9	17
10. Желание найти новых друзей, знакомых	44	27	7	6
11. Приносить пользу обществу	39	28	8	12
12. Семейная традиция	31	13	6	4
13. Устроить свою личную жизнь	22	10	6	6
14. Не хотелось отставать от друзей, знакомых, поступивших в вуз	20	14	4	6
15. Желание заняться в будущем научно-исследовательской деятельностью	19	9	5	5
16. Хотелось получить отсрочку от армии	19	36	8	7
17. Желание переехать в областной центр, столицу	12	10	2	6
18. В будущем преподавать в вузе	9	6	3	4

* Опрос проводился в пяти вузах Москвы, Воронежском государственном университете, Новосибирском государственном университете.

** Опрашивались студенты, обучающиеся в ГАУГН (Москва), в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского, в вузах Пскова.

В распределении ответов на предложение: «Выберите три главных для Вас мотива из предыдущего списка» (см. табл. 1, четвёртый столбец) указана частота (%) попадания каждого мотива в число выбранных респондентом трёх главных для него; различия между данными таблицы 1, столбцов 2 и 4, составляющие менее 10 процентных пунктов, статистически не значимы. Распределение показывает, что и при такой методике замера в списочной иерархии порядок ранжирования значимости мотивов в целом сохраняется. Вместе с тем по ряду мотивов разница в их значимости в зависимости от одной и другой методик замеров более заметная. Например, мотив «хотелось получить отсрочку от армии» в числе трёх главных указали лишь 7% ответивших (см. табл. 1, столбец 4) против 36%, оценивших весь перечень мотивов (см. табл. 1, столбец 2), «желание найти друзей, знакомых» (6 и 27% соответственно), «желание родителей, родственников» (17 и 38%), «желание получить престижную специальность» (17 и 42%), «желание добиться хорошего положения в обществе» (16 и 36%). Последовательно прагматичный подход к оценке мотивов проявился у учащихся и в выявленных самых низких долях следующих суждений, выбранных в качестве главных из трёх: «желание заняться в будущем научно-исследовательской деятельностью» (5%) и «в будущем преподавать в вузе» (4%).

Сравнение характера мотивации к получению высшего образования в 2020 г. с аналогичными данными 2002 г., показало, что мотив «необходимость иметь диплом о высшем образовании для устройства на хорошую работу» сохранил и своё доминирование, и значительный «отрыв» от других мотивов. Порядок ранжирования мотивов также в основном остался прежним. Но при этом вызвали вопрос существенно большие доли указавших все мотивы в 2002–4 гг. по сравнению с 2019–20 гг. (см. табл. 1, столбцы 1 и 2). Исключение составляют статистически незначимые изменения, относящиеся только к четырём из 18 мотивов: «желание родителей, родственников», «не хотелось отставать от друзей, знакомых, поступивших в вуз», «желание переехать в областной центр, столицу», «в будущем преподавать в вузе». Такая активность студентов, зафиксированная почти два десятилетия назад, по-видимому, объясняется стремлением учащихся выразить своё отношение к как можно большему числу мотивов. Вместе с тем неправильно было бы утверждать, что различия в начале 2000-х и 2020-х г. в том смысле, о котором идёт речь, являются свидетельством значительных изменений в конфигурации мотивации учащихся. Подтвердить данный тезис помогает динамика выбора студентами из всего предложенного списка (18) только трёх для них главных мотивов (см. табл. 1, колонки 3 и 4). В таком контексте доля учащихся, указавших на мотив, обозначенный нами выше как ведущий, даже повысилась в 2019–20 гг., снизилась же лишь значимость мотива «потребность повысить свой интеллектуальный и культурный уровень». Изменения по остальным 16 суждениям при выборе трёх главных в 2019–20 гг. по сравнению с 2002–4 гг. оказались статистически незначимыми.

Рассмотрим далее реальное поведение учащихся (использование бюджета времени), акцентируя внимание на их учебной деятельности, взаимосвязи мотивации к получению высшего образования и реального поведения в процессе обучения, а также возможные адаптационные барьеры на пути успешной профессиональной социализации будущих специалистов.

Общая характеристика использования вузовской молодёжью своего фонда времени в 2002–20 гг.

Принципы построения эмпирической классификации видов повседневной деятельности студенческой молодёжи должны отвечать двум требованиям. Во-первых, необходимо, чтобы классификация отражала наиболее полный охват возможных видов деятельности, совершаемых данной группой населения; во-вторых, обеспечивала сопоставимость полученной «бюджетной» информации с аналогичными данными по другим группам населения.

В таблице 2 представлена классификация, в которой все виды деятельности студентов агрегированы до пяти групп. Первые три группы образуют общую трудовую нагрузку, однако состав её отличен от содержания аналогичной нагрузки, описывающей реальное поведение других социальных групп населения. Общая трудовая нагрузка студентов включает посещение лекционных, семинарских, лабораторных и других аудиторных занятий, а также внеаудиторную, прежде всего самостоятельную подготовку студентов по учебным программам. Все перечисленные группы занятий объединены под названием «*Учебная деятельность*». К ней примыкает группа «накладных» (по отношению к учебной деятельности) видов занятий, или виды деятельности, связанные с учёбой. Это – передвижения до (и от) места учёбы, уход за собой до и после занятий, ожидание учебных занятий, перерывы между аудиторными занятиями, не связанные с питанием, и т. п. Время, расходуемое на всю учебную деятельность вместе с «накладными» видами занятий, определено нами как «*Учебное время*». Анализ бюджета времени дальше будет основываться только на видах деятельности, учтённых как «первичные» без одновременно совершаемых занятий. Например, если респондент принимал пищу и на этом же отрезке времени (т. е. одновременно) смотрел телепередачу, то в суточный баланс времени в нашем анализе войдёт только приём пищи как «первичный» вид деятельности.

Специфика структурирования недельного фонда времени студенческой молодёжью по сравнению с работающим населением видна уже при определении соотношения между тремя агрегированными группами их повседневной деятельности (общей трудовой нагрузкой, удовлетворением физиологических потребностей и занятиями в свободное время): соответственно 35; 41 и 24% (у мужчин) и 36; 43 и 21% (у женщин).

Доли их общей трудовой нагрузки заметно меньше средних показателей работающего городского населения, а доли свободного времени – существенно больше. Общая трудовая нагрузка на 72–82% состоит из учебной деятельности и «накладных» затрат времени. На оплачиваемый труд (вторичную занятость) расходуется (по данным объединённого массива работающих и неработающих студентов) очень немного недельного вре- мяресурса с незначительной долевой разницей по гендеру (3 и 2% недель- ного фонда времени у мужчин и женщин). В долях времени домашнего труда и другой бытовой деятельности, напротив, такие различия при- сутствуют. Мужской частью студенчества на эти цели отводится 3%, а женской – 8% недельного фонда времени. Бытовая деятельность, как правило, находится на периферии круга потребностей и ценностей сту- денческой молодёжи.

Таблица 2 (Table 2)

**Бюджет времени студентов очного отделения вузов
Москвы, Омска, Пскова в 2002–20 гг.**

*(«первичные» виды деятельности без занятий, совершённых одновременно,
в среднем на одного опрошенного в неделю, часы)*

*Time budget of full-time students of universities in Moscow, Omsk, Pskov in 2002–20.
("primary" activities without other occupations committed at the same time,
on average per one interviewee per week, hours)*

Группа видов деятельности	Затраты времени					
	2002–3 N=240		2019–20 N=173		2020 к 2002 (+;-)	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1. Учёба в вузе (учебное время)	48,6	46,2	48,2	43,5	-0,4	-2,7
1.1. Учебные занятия в пределах учебных планов и программ	18,4	18,7	27,2	23,6	+8,8	+4,9
1.2. Самостоятельные занятия	18,1	16,1	8,8	10,0	-9,3	-6,1
1.3. Виды деятельности, связанные с учёбой	12,1	11,4	12,2	9,9	+0,1	-1,5
2. Оплачиваемая работа (вторичная занятость) и виды деятельности, связанные с ней	5,5	4,7	5,0	4,0	-0,5	-0,7
3. Домашний труд и другая бытовая деятельность	6,8	8,8	5,0	12,4	-1,8	+3,6
Общая трудовая нагрузка (1+2+3)	60,9	59,7	58,2	59,9	-2,7	+0,2
4. Удовлетворение физиологических потребностей (сон, питание, уход за собой)	73,8	77,1	69,4	72,3	-4,4	-4,8
5. Занятия в свободное время	33,3	31,2	40,4	35,8	+7,1	+4,6
Всего	168	168	168	168	-	-

«Трудовому» сегменту повседневной деятельности учащихся соот- ветствуют времязатраты на их физическое восстановление (41 и даже 43% недельного суммарного времени), указывающие на немалую цен- ность восстанавливающей деятельности для студенчества. В её струк- туре ночной и дневной сон – у мужчин более 8 часов в день, у женщин он продолжительнее. По затратам времени на питание – все приёмы

пищи вместе со временем передвижений до (и от) места питания составляют у мужчин около 50 минут в день, у женщин – 45 минут. Это не так много. Но недостаток отчасти восполняется времязатратами на питание, совершаемое одновременно с другим видом деятельности («вторичным»), т. е. суммарно времярасход на питание несколько возрастает. «Практически никогда» и «иногда» не завтракают 37% опрошенных, не обедают – 24%, не ужинают – 17%. В вузах Пскова дело с питанием обстоит особенно плохо (пропускают приёмы пищи соответственно 45; 35 и 24%), в Москве немного лучше (38; 35 и 18%). По данным некоторых опросов нарушение режима питания отмечается у 86% студентов, по результатам опросов в других вузах – 55%. Среди отказывающихся от приёма пищи 51% приходится на время завтрака, 34% – обеда, 15% – ужина. Меньше всего студентов обедают дома, при этом во Пскове, где большинство учащихся живут не с родителями, почти каждый второй питается в стенах своего жилища (в основном общежития). По мнению специалистов, у современной молодёжи питание является одним из ведущих социальных рисков [12, с. 315–316; 2, с. 116].

Ценность ухода за собой (гигиена, медицинские процедуры, косметический уход и пр.) явно выше, так как расход времяресурса в этом случае больше, чем на питание; у женской части студенчества эта разница существеннее. Такая ситуация вполне в тренде во всех группах населения в современных условиях и не связана с усилением санитарно-гигиенических требований, вызванных COVID-19, т. к. исследование завершилось до появления в России первых случаев заболевания. Нужно заметить, что на эти цели студентки затрачивают в неделю время, равное более четверти его расхода на учебную деятельность без «накладных» затрат.

Объём свободного времени у учащихся довольно большой (24 и 21% недельного времяресурса у мужчин и женщин) по сравнению с другими группами работающего населения, при этом его величина составляет соответственно 84 и 82% от величины учебного времени.

Какие структурные изменения в повседневной деятельности студенческой молодёжи, характеризующие ресурсные временные возможности в крупных её сегментах на фоне цикличности трансформационных процессов, произошли в 2019–20 гг. по сравнению с 2002 г.? Менее всего структурные изменения затронули общую трудовую нагрузку (см. табл. 2). У мужчин её доля составляет 35 против 36%, у женщин – 36 против 35%. Временные возможности восстанавливающей деятельности учащихся сократились заметнее (соответственно по полу с 44 до 41% и с 46 до 43%). В результате этого возрос ресурс свободного времени студенчества – с 20 до 24% и с 19 до 21% (речь идёт о количественной характеристике свободного времени, качественная сторона его использования – тема будущей статьи). Так структурно выглядят перемены во временной конфигурации повседневной деятельности студенчества.

Учебное время студентов за неполные двадцать лет сократилось наиболее существенно у женщин, общая его величина у мужчин подверглась изменениям мало (см. табл. 2). Трансформировалась и структура учебной деятельности. Произошло это главным образом за счёт уменьшения времязатрат на самостоятельные занятия, которое даже «перекрыло» значительное увеличение аудиторного времени. Снизилась и затраты времени на вторичную занятость учащихся. Времяресурс третьей составляющей общей трудовой нагрузки – «Труд в домашнем хозяйстве и другая бытовая деятельность» – у мужской части студенчества сократился в 1,4 раза, а у женской части ровно во столько же раз возрос. В результате перераспределения учащимися в новых реалиях недельного времяресурса величина общей трудовой нагрузки у мужчин уменьшилась в 1,1 раза, у женщин её количественный показатель практически сохранился на уровне 2002–3 гг. Отмеченные количественные и структурные (качественные) изменения общей трудовой нагрузки студенчества с точки зрения социальной адаптации не дают достаточных оснований для отнесения их, в общем и целом, к положительной динамике.

На фоне снижения временной доли восстанавливающей деятельности больше всего «пострадал» времяресурс, расходовавшийся на питание (на 3,0 часа в неделю), причём у женщин он и так меньше, чем у мужчин, примерно на 1 час. Сон также сократился, но несильно, хотя у женщин в большей мере. Увеличились только затраты времени на все виды ухода за собой у мужчин (на 0,9 часа в неделю), хотя были в 1,5 раза меньше, чем у женщин, для которых они почти не изменились.

Вследствие всех трансформаций в повседневной деятельности учащихся значительно расширилось их пространство для занятий в свободное время, масштабы расширения которого вполне сопоставимы с увеличением времени аудиторных занятий (см. табл. 2).

Далее остановимся на статусообразующей деятельности студенчества – объективных и субъективных характеристиках учебной деятельности.

Учебное время: реальное поведение в сфере учебной деятельности, самооценки студентов и динамика затрат времени на учёбу за 100 лет (1920–2020 гг.)

Величина и структура учебного времени студентов: объективные показатели по данным бюджета времени и субъективные оценки

Учебное время студенчества составляет меньше трети недельного фонда времени: 29% у мужчин и 26% у женщин. Трудоёмкость освоения студентами образовательных программ имеет часовое измерение. Федеральными государственными образовательными стандартами при освое-

нии основной образовательной программы предусмотрены нормативы объёма аудиторных учебных занятий в неделю (очная форма обучения) в количестве не менее 27 и не более 32 академических часов или 20,2 и 24 астрономических. Установленное время работы студентов в течение недели, равное 54 академическим часам – суммарное время аудиторных и внеаудиторных занятий (40,5 астрономических часов). Данный норматив вместе с тем носит рекомендательный характер, длительность академического часа для аудиторных занятий может варьироваться [10].

Таблица 3 (Table 3)

Структура фактических затрат времени на аудиторные и внеаудиторные занятия у студентов в Москве, Омске и Пскове по данным бюджета времени
(в среднем на одного опрошенного, в неделю, часы)
The structure of the actual time spent on classroom and extracurricular activities for students in Moscow, Omsk and Pskov according to the time budget
(on average per interviewee, per week, hours)

Вид деятельности	Затраты времени	
	У мужчин	У женщин
Аудиторные занятия		
1. Посещение лекций	17,1	14,7
2. Лабораторные, практические, семинарские занятия	7,3	6,5
3. Учебная, производственная, педагогическая практика	0,7	1,1
4. Получение консультаций	0,2	0,1
5. Выполнение контрольных работ, участие в коллоквиумах и т. п.	1,7	0,9
6. Аудиторные занятия при обучении одновременно во втором вузе	0,2	0,3
7. Все аудиторные занятия	27,2	23,6
Внеаудиторные занятия		
8. Самоподготовка, включая самостоятельные занятия при обучении во втором вузе, в т. ч.:	7,7	9,4
с использованием компьютера, но без интернета	0,6	1,8
с использованием компьютера и интернета	5,1	3,6
9. Поиск информации по учебной программе в интернете, чтение публикаций, их конспектирование	0,3	0,2
10. Посещение научных библиотек	0,0	0,3
11. Другие самостоятельные занятия	0,8	0,1
12. Внеаудиторные занятия, всего	8,8	10,0
Всё учебное время без видов деятельности, связанных с учёбой:		
средневзвешенная величина	36,0	33,6
медиана	36,9	38,3
Всё учебное время с видами деятельности, связанными с учёбой:		
средневзвешенная величина	48,2	43,5
медиана	50,5	47,8

Учебное время вместе с «накладными» затратами времени (в среднем на опрошенного) состоит у мужчин на 56% и у женщин на 54% из аудиторных часов, на 18 и 23% – из внеаудиторных занятий и на 25 и 23% соответственно – из видов занятости, связанных с учебной деятельностью (см. табл. 3). Причём от объёма учебной деятельности без «накладных» затрат времени на самостоятельные занятия приходится у женщин 30%, у мужчин 25% время-ресурса, по нормативу – около 70%. Медианные показатели учебного времени выше и у мужчин, и у женщин.

Обращает на себя внимание значительная величина «накладных» затрат времени. Их доля составляет половину от аудиторного времени студентов. В Москве в среднем по всем опрошенным она равна 32%, в Омске – 26%, во Пскове – 16%. В основном это время на передвижения до (и от) места учёбы.

Посещаемость аудиторных занятий выражена в средней фактической недельной продолжительности аудиторных занятий (без перерывов на отдых) по всем вузам (см. табл. 3). Она несколько выходит за пределы установленных (рекомендованных) границ (в среднем – 25,4 астрономических часа) и дифференцирована по гендеру. Бо льшая (в 1,2 раза) недельная длительность этих занятий отмечена у мужской студенческой аудитории и формирует средний показатель превышения норматива по аудиторным часам. Кроме того, недельная величина аудиторного времени варьирует в зависимости от вуза и обусловлена не только фактической посещаемостью занятий, но и неодинаковыми объёмами учебной нагрузки для подготовки специалистов разных профессий, что заложено в Государственных образовательных стандартах. Выявленная длительность аудиторных занятий (посещаемость) в среднем по всем опрошенным в Москве ниже минимальной регламентированной (17,6 часа у мужчин и 16,5 – у женщин), в Омске она укладывается в регламентированные границы (соответственно 31,4 и 18,5 часа), а во Пскове её средняя продолжительность выше верхней установленной величины (25,6 и 33,2 часа). Как видим, гендерные различия наиболее выражены в вузах Омска и Пскова.

Около двух третей выявленной величины аудиторного времени приходится у учащихся на лекционные часы и немного больше четверти – на практические, семинарские занятия (см. табл. 3). Однако женская часть студенчества на ту и другую составляющие учебного процесса фактически (в абсолютных значениях) расходует меньше времени. Такая же «гендерная картина» и по остальным видам учёбы в аудиторные часы.

Время, посвящаемое самостоятельной подготовке, также дифференцировано по вузам в трёх городах. Самые высокие средние значения показали данные опроса студентов во Пскове (9,6 часа у мужчин и 12,2 – у женщин), самые низкие – в Москве (7,9 и 9,6 часа соответственно), в Омске гендерные различия не выявлены (9,0 и 9,1 часа). У женщин активность в сфере самостоятельных занятий выше, чем в лекционной и семинарской работе. Выше она и по сравнению с мужчинами.

От 56% (среди женщин) до 68% (среди мужчин) времени самостоятельных занятий отводится работе с компьютером, в том числе около 70 и 90% соответственно – с использованием интернета. Исследователи, изучающие ситуацию в области подготовки специалистов «будущего», исходя из Атласа новых профессий «Сколково» [5, с. 159, 161, 162], связывают низкую цифровую грамотность работников с недостаточным уровнем развития образовательных программ высшего образования, направленных на формирование цифровых компетенций. Вместе с тем, по их мнению, к числу вузов, расположенных в Омской области, в которых частично реализуются образовательные программы с целью подготовки кадрового потенциала региона для работы в новых условиях цифровизации, выделяется как раз ОмГУ им. Ф. М. Достоевского – один из объектов нашего опроса [5, с. 164–165]. Дело, по-видимому, не только в уровне образовательных программ, развивающих цифровые компетенции учащихся вузов.

Крайне мало времени выделяется на «Поиск информации по учебной программе в интернете, чтение публикаций, их конспектирование, на работу с научной литературой» (0,2 и 0,3 часа в неделю, у женщин и мужчин). Г. Е. Зборовский и П. А. Амбарова отмечают отсутствие у студентов «более или менее развитых навыков работы с учебной и научной литературой...» [3, с. 132].

Дальнейший анализ потребовал, наряду с использованием объективной информации, полученной методом бюджета времени, привлечения данных о «примерных самооценках» студентов своей учебной нагрузки. С этой целью проведено сравнение количественных результатов, полученных тем и другим методами (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Самооценки студентов Москвы, Омска и Пскова
своей недельной продолжительности аудиторных и внеаудиторных занятий
и затраты времени на них по данным бюджета времени в 2019–20 гг.
(в неделю, часы)

Self-assessments of students in Moscow, Omsk and Pskov
of their weekly duration of classroom and extracurricular activities
and the time spent on them according to the time budget in 2019–20. (per week, hours)

Вопросы	Вузы*		
	Москвы	Омска	Пскова
Сколько времени в целом в течение последних 7 дней Вы фактически провели на аудиторных и других учебных занятиях?			
<i>Мода</i>	18,4	21,9	28,9
<i>Медиана</i>	19,0 (17,0)	22,0 (25,0)	29,0 (29,3)
Сколько времени в целом в течение последних 7 дней Вы фактически потратили на самостоятельную подготовку к семинарам, лабораторным и на выполнение других заданий?			
<i>Мода</i>	7,8	9,4	12,7
<i>Медиана</i>	7,0 (8,7)	8,0 (9,1)	12,0 (10,9)

* В скобках приводятся средневзвешенные значения затрат времени по данным бюджета времени, которые или ниже медианных, или равны им.

Средневзвешенные показатели времени учебной нагрузки в вузах в каждом из трёх городов, собранные «бюджетным» методом, и медианные значения в примерных самооценках не имеют серьёзных различий. Разброс в длительности – больше по аудиторным занятиям (тенденция, выявленная и по данным бюджета времени).

Дополнительное представление о загруженности студентов учёбой дают их самооценки частоты самостоятельных занятий. Более половины учащихся почти каждый день занимаются самоподготовкой, 1–2 раза в неделю – 37%, остальные – значительно реже. Те, кто занимались самостоятельно в течение недели, предшествовавшей опросу, дали аналогичное распределение. Показателем ценности учёбы, с одной стороны, и адаптивных возможностей студентов, с другой, являются самооценки, содержащиеся в ответах на вопрос «Удаётся ли Вам заниматься по учебным дисциплинам в полную меру своих сил и способностей?». «Почти всегда» это получается у немногим более трети учащихся, большинству (52–56%) это удаётся только «время от времени». Статистически значимых различий самооценок по полу не выявлено.

Адаптивные возможности участия студентов в учебной деятельности

Поскольку эти возможности не могут не влиять на формирование профессиональных компетенций и имеют особенности в зависимости от региона и пола респондента, рассмотрим их прежде всего в аспекте мотивировок пропусков занятий (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

Причины пропусков аудиторных занятий,
отражающие адаптивные возможности участия студентов в учебном процессе, %*
Reasons for missing classroom lessons,
reflecting the adaptive opportunities for student participation in the educational process, %

Причины, которые наиболее часто заставляют пропускать занятия	Мужчины			Женщины		
	Москва	Омск	Псков	Москва	Омск	Псков
1. По состоянию здоровья	81	43	60	89	83	71
2. Необходимость быть на работе	13	3	20	11	14	31
3. По семейным обстоятельствам	44	19	27	43	48	51
4. Не нравится манера изложения материала преподавателем	13	38	33	11	19	14
5. По причине непонятного изложения материала преподавателем	6	30	27	0	10	11
6. Учебный предмет не вызывает интереса	44	46	20	50	52	34
7. Из-за неумения записывать лекции	0	3	0	0	0	17
8. Из-за собственной неорганизованности	31	22	27	39	21	14
9. Необязательность знания предмета для будущей работы	31	35	33	11	17	23
Другое	25	11	7	7	10	6

* Респондентами выбирались три причины, заставляющие их наиболее часто пропускать занятия.

Все объяснения непосещения занятий можно разделить на две группы: «внутривузовские» и «вневузовские». В первую группу входят причины, содержание которых представляет собой самооценки студентов некоторых сторон преподавания дисциплин (причины непосещения № 4–7, 9, 10 в таблице 5). Ко второй группе относятся объяснения, не относящиеся к учебному процессу и организации работы вуза (№ 1–3, 8). Среди причин первой группы («внутривузовские») объяснение «учебный предмет не вызывает интереса» отличается самыми значительными долями указавших эту причину в числе трёх основных во всех вузах, особенно в Москве и Омске. У мужчин, соответственно, 44 и 46%, у женщин – 50 и 52%). «Необязательность знания предмета для будущей работы» – причина пропуска занятий, типичная для мужской части студенческой аудитории во всех вузах (31, 35, 33% соответственно изучаемым городам), для них же (но без студентов из московского вуза) характерны пропуски занятий из-за того, что им «не нравится манера изложения материала преподавателем» (38% в Омске и 33% во Пскове) и «по причине непонятого изложения материала преподавателем» (30 и 27% соответственно). Эти признаки дезадаптации к учебной деятельности можно интерпретировать (используя трактовку «образовательной неуспешности студентов» и её причин, данную Г. Е. Зборовским и П. А. Амбаровой) как «неготовность учиться в вузе». По мнению авторов, обучение для тех, кто «хотят учиться, но не могут», не должно превращаться в «массовый ликбез» [4, с. 109]. С большой долей вероятности можно утверждать, что если учащийся, пропуская занятия, в числе трёх основных причин пропусков называет «необязательность знания предмета для будущей работы», то работать в будущем по получаемой специальности он не планирует.

Все перечисленные выше объяснения пропусков занятий не относятся к женской части студенческой аудитории. Девушки мотивируют своё отсутствие на занятиях главным образом «вневузовскими» причинами: «по состоянию здоровья» и «по семейным обстоятельствам». Нужно обратить внимание на то, что мотивировка «по состоянию здоровья» среди «внутривузовских» и «вневузовских» причин, вместе взятых, – самая распространённая: от 43 (в Омске) до 89% (в Москве). С ней может конкурировать только такое объяснение прогулов: «учебный предмет не вызывает интереса». «Собственную неорганизованность», из-за которой прогуливаются занятия, в наибольшей степени признают студенты московского вуза. А «необходимость быть на работе» является более частым препятствием для посещения аудиторных занятий у студентов во Пскове по сравнению с обучающимися в вузах других городов. Несмотря на этот факт, именно у псковского студенчества (подчеркнём ещё раз) выявлен самый высокий показатель аудиторного времени среди всех вузов.

Показателем адаптации к учёбе, наряду с мотивацией к пропускам занятий, является сравнительная ценность учёбы в числе некоторых других сторон повседневной жизни студентов.

Таблица 6 (Table 6)

Сравнительная ценность учёбы как показатель адаптации к учебной деятельности и предпосылка успешности профессиональной социализации (% по строке)
Comparative value of studies as an indicator of adaptation to educational activities and a prerequisite for the success of professional socialisation (% per line)

Суждения	Полностью согласные и в основном согласные	Отчасти согласные, отчасти нет	Скорее несогласные и совсем несогласные
1. Не стоит ради учёбы и будущей карьеры отказываться от всех преимуществ студенческого периода жизни	32	55	13
2. Необходима упорная учёба за счёт самоограничения в развлечениях и потребностях во имя успешного профессионального будущего	36	40	24

В большей или меньшей степени первое суждение (см. табл. 6) поддерживают 87% студентов. Мнение о том, что «необходима упорная учёба за счёт самоограничений...» разделяют несколько меньше учащихся, но их число также значительно – 76%. Для уточнения данной ценностной ориентации и получения более углублённого представления о ней были сформированы три группы учащихся по типу отношения к учебной деятельности (см. табл. 6). «Трудоголики» (34%, т. е. 48 чел.) – «полностью согласные» и «в основном согласные» со вторым суждением, а также «скорее несогласные» и «совсем несогласные» с первым суждением. «Утилитаристы» (27%, т. е. 39 чел.) – «отчасти согласные, отчасти нет» с первым суждением и «отчасти согласные, отчасти нет» со вторым суждением. «Гедонисты» (39%, т. е. 55 чел.) – «полностью согласные» и «в основном согласные» с первым суждением, а также «скорее несогласные» и «совсем несогласные» со вторым суждением. Группы, выделенные по типу вербального поведения, количественно различаются несильно, но «гедонисты» преобладают.

«Трудоголики» и «утилитаристы» оценили свои времязатраты на аудиторные занятия (не фактические времязатраты в структуре бюджета времени, а примерные самооценки учащихся) почти одинаково – 23,7 и 24,3 часа в неделю. Оценка «гедонистов» своих аудиторных часов заметно ниже (21,6 часа). Более выраженная прямая зависимость от «трудоголиков» к «гедонистам» выявлена в отношении самостоятельных занятий в рамках учебной деятельности. Затраты времени на них снижаются по мере перехода от первого типа к третьему (соответственно 11,6; 9,9; 8,3 часа в неделю). Распределения ответивших на вопрос «Оцените, пожалуйста, насколько трудно Вам учиться в вузе?» являются ещё одним штрихом к адаптивным возможностям студентов и их подготовленности к учёбе в вузе. Во всех трёх типах их индексы составили ниже 3,19 по пятибалльной шкале. Симптоматично, что лучший результат обнаружился в группе «трудоголиков». Однако неожиданно «утилитаристы» показали, что из трёх групп учёба даётся с наибольшим трудом именно им (см. табл. 7).

Таблица 7 (Table 7)

**Показатели отношение студентов к учебной деятельности
в зависимости от типа их вербального поведения**
*Indicators of students' attitude to learning activities
depending on the type of their verbal behavior*

Вопросы	Типы вербального поведения		
	«Трудоголики»	«Утилитаристы»	«Гедонисты»
Оцените, пожалуйста, насколько трудно Вам учиться в вузе? Индекс по шкале от 1 (очень трудно) до 5 (совсем нетрудно)	3,18	2,72	3,04
А насколько интересно Вам учиться в вузе? Индекс по шкале от 1 (совсем неинтересно) до 5 (очень интересно)	4,22	3,77	3,54

Что касается интереса к учёбе, то тут выявлена прямая зависимость. Чем выше ценность учёбы (тип вербального поведения), тем выше и индекс, характеризующий степень интереса к учёбе. Перспективы профессиональной социализации здесь просматриваются довольно отчётливо. Данные таблицы 8 дополняют картину возможного профессионального будущего студенчества в зависимости от ценности учёбы и отношения к ней.

Таблица 8 (Table 8)

**Распределение учащихся, ответивших на вопрос:
«После окончания вуза собираетесь ли Вы работать по вузовской специальности?»
(в зависимости от типа вербального поведения), %**
*Distribution of students who answered the question "After graduation, are you going to
work in a university specialty?" (depending on the type of verbal behavior), %*

Варианты ответов	Типы вербального поведения		
	«Трудоголики»	«Утилитаристы»	«Гедонисты»
Да, очень хочу работать по специальности	54	46	38
Да, но без особого желания	10	9	18
Скорее, нет желания работать по специальности	15	7	20
Работать по специальности не хочу	5	9	18
Затрудняюсь ответить	16	29	8

Доля учащихся, имеющих самое большое желание по окончании учёбы работать по специальности, в трёх типах вербального поведения хотя и наиболее высокая, однако даже в группе «трудоголиков» она составляет только 54%. Вместе с тем, от первого к третьему типу доля опрошенных с такой профессиональной ориентацией снижается. Большей ясностью представлений о своих профессиональных перспективах (или легкомыслием) отличаются «гедонисты»: затруд-

нивших ответить всего 8% против 29% среди «утилитаристов» и 16% в числе «трудоголиков». Минимум 38% «гедонистов», вероятнее всего, постараются не связывать своё будущее с получаемой профессией. Также могут поступить и 20% «трудоголиков». Колеблющиеся между ними в числе «утилитаристов» вполне могут по итогам обучения пополнить ряды выпускников с такой профессиональной направленностью. Аналогичными могут получиться и итоги профессиональной социализации. Данные мониторинга Минобрнауки РФ (например, по Омской области в 2017 г.) показывают, что было трудоустроено 80% выпускников [5, с. 163]. Сам по себе этот результат нельзя считать плохим, но не все выпускники работают по специальности. По выводам Г. А. Чередниченко, «нехватка на рынке труда хороших рабочих мест..., а также низкое качество образования, не признаваемое работодателем в большом числе профессий, ведут к тому, что около трети выпускников трудоустраиваются на работу, не соответствующую полученной специальности...» [11, с. 99].

Возвращаясь к результатам анализа трёх типов вербального поведения и образовательной мотивации, надо отметить, что даже у студентов с наиболее продвинутой установкой на учёбу, относящихся к «трудоголикам», самыми распространёнными в числе трёх главных мотивов поступления в вуз являются: 1) – «необходимость иметь диплом о высшем образовании для устройства на хорошую работу» (78%); 2) – «желание получить престижную специальность» (47%); 3) – «сделать успешную профессиональную карьеру» (46%); немаловажно и «желание родителей, родственников» (46%).

У «гедонистов» выявлено также первое (62%) и третье (33%) суждения, из определившихся у «трудоголиков», но добавился и мотив «улучшить своё материальное положение» (31%). Их решение о поступлении в вуз почти не зависело от «желания родителей, родственников». Кроме того, обращают на себя внимание большие амбиции «гедонистов»: 40% из них собираются поступать в магистратуру, 3% намерены продолжить учёбу за границей, 18% рассчитывают туда поехать работать. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения о парадоксальности мотивации студенчества – получить хорошее образование, не прикладывая к этому значительных усилий, следствием чего являются «завышенные амбиции выпускников в отношении их будущего места на рынке труда...» [4, с. 105].

А что же «трудоголики»? 41% из них также планируют поступать в магистратуру, 10% думают продолжить обучение за границей, 13% (меньше по сравнению с «гедонистами») надеются там трудоустроиться. Результаты профессиональной социализации будущих специалистов с планированием ими своего трудоустройства в другой стране затрудняют считать её успешной. Всего 12% студентов, поступивших в вуз, в числе трёх главных мотивов получения высшего образования назвали желание «приносить пользу обществу», что печально.

Характеристики учебного поведения учащихся по основанию наличия или отсутствия профессиональной ориентированности (2002–20 гг.)

Рассмотрим ещё один аспект (методику) анализа учебного поведения и сравним успехи профессиональной социализации, характеризующие, в той или иной степени, и успехи адаптации к учебной деятельности в 2002–4 гг. и 2019–20 гг. Для этого из числа респондентов, выбравших такие мотивы поступления в вуз, как «интерес к получаемой специальности» и «желание стать высококвалифицированным специалистом в выбранной профессии» (необходимо было наличие хотя бы одного из мотивов в составе трёх главных мотивов), была определена группа студентов с профессиональной ориентированностью при поступлении в вуз. Анализ выявил, что все показатели учебного поведения у студентов, имеющих профессиональную ориентированность, выше по сравнению с теми учащимися, у которых она отсутствует (см. табл. 9). Особенно этот вывод касается «частоты самостоятельных занятий по учебным дисциплинам в вузе» и «средней успеваемости за последние две сессии». По сравнению с ситуацией, относящейся к 2002–4 гг., все индексы, характеризующие учебное поведение студентов с профессиональной ориентированностью, повысились, особенно посещаемость аудиторных занятий. У учащихся с отсутствием профессиональной ориентированности повысился индекс посещения лекций и в очень малой степени – индекс самостоятельных занятий, остальные показатели снизились. Сама же картина успеваемости за две последние экзаменационные сессии в среднем по вузам в трёх городах в 2019 г. (сведения получены от опрошенных студентов) не производит слишком удручающего впечатления. Ниже 4-х баллов имели 21% учащихся, от 4,5 и до 5 баллов – 44%. Вопрос в том, насколько эти оценки соответствуют полученным профессиональным знаниям.

Таблица 9 (Table 9)

Показатели учебного поведения студентов, обучающихся в вузах Москвы, Омска и Пскова в 2019–20 гг., в зависимости от наличия профессиональной ориентированности в составе мотивов получения высшего образования, (индексы, в скобках показатели за 2002–4 гг.)
Indicators of educational behaviour of students enrolled in universities in Moscow, Omsk and Pskov in 2019–20, depending on the presence of professional orientation as part of the motives for obtaining higher education (indices, in brackets indicators for 2002–04)

Показатели	Профессиональная ориентированность отсутствует	Профессиональная ориентированность присутствует*
Посещение лекций**	4,39 (3,66)	4,55 (3,76)
Посещение семинаров и т. п.**	4,66 (4,76)	4,82 (4,78)
Частота самостоятельных занятий по учебным дисциплинам в вузе***	4,19 (4,12)	4,53 (4,44)
Средняя успеваемость за последние две сессии (балл)	4,18 (4,25)	4,48 (4,38)

Примечание. *Выбор хотя бы одного варианта ответа на вопрос анкеты об основных мотивах получения высшего образования, соответствующего профессиональной ориентированности (6 или 7 варианты ответа, см. табл. 1). **Индекс, рассчитанный по пятибалльной шкале: от 1 – «практически не посещаю» до 5 – «посещаю почти все». ***Индекс, рассчитанный по пятибалльной шкале: от 1 – «реже, чем 1 раз в месяц» до 5 – «почти каждый день».

Учебная деятельность учащихся вузов в показателях времени: 1920–2020 гг.

Завершить анализ учебного поведения студенчества целесообразно, с нашей точки зрения, ретроспективной (начиная с 1920-х гг.) объективной картины отношения к учёбе в показателях времени, представляющей исторический интерес и повод к размышлению. К настоящему времени единственным крупным и фундаментальным результатом анализа динамики повседневной жизнедеятельности и использования бюджета времени студенчества в СССР за период с 1920-х по 1980-е гг. продолжает оставаться работа Ю. И. Леоновичуса [7]. Ему удалось не только осуществить ряд масштабных исследований бюджета времени студенческой молодёжи, но и обобщить, а также свести воедино на сопоставимой основе весь материал, накопленный в данной области с 1920-х гг. В таблице 10 помещены данные о затратах времени студентов на учебную деятельность без «накладных» времязатрат за столетний период в СССР и РФ, приведённые для сравнения в сопоставимый вид.

Таблица 10 (Table 10)

Динамика затрат времени студентов на учебную деятельность в 1920–2020 гг.
(по данным бюджета времени, в среднем на одного опрошенного в день недели, часы, %)
Dynamics of students' time spent on educational activities in 1920–2020. (according to the time budget, on average per one respondent per day of the week, hours, %)

Вид деятельности	Годы				
	1920-е*	1960-е*	1980-е*	2002–3	2019–20**
1. Учебные занятия по расписанию (лекции, семинарские, практические, лабораторные и др.)	3,4 (49%)	4,8 (59%)	4,9 (67%)	2,7 (53%)	3,6 (72%)
2. Самостоятельная учёба (в том числе подготовка к занятиям, выполнение заданий и т. п.)	3,6 (51%)	3,3 (41%)	2,4 (33%)	2,4 (47%)	1,4 (28%)
Вся учебная деятельность	7,0	8,1	7,3	5,1	5,0

* [9, с. 130]. ** март 2019–январь 2020.

Объём учебной деятельности во временном измерении к 2019–20 гг. значительно уменьшился, что само по себе требует осмысления причин и поиска путей изменения сложившегося положения со статусообразующей деятельностью учащихся. В силу распространения такой тенденции доля аудиторных занятий в общем объёме учебной деятельности в 1920–2020 гг. увеличилась с 49 до 72%, хотя абсолютные времязатраты на них в крайних точках практически не имеют различий. Такому результату динамики предшествовали «взлёты» и «падения» данной части учебной деятельности. По сравнению с началом прошлого столетия в 1960-е и 1980-е гг. она увеличилась почти в 1,5 раза, а к 2002–3 гг. – уменьшилась в 1,3 раза. Ещё хуже обстоит дело со вторым важнейшим ресурсом учебной деятельности – самостоятельными занятиями учащихся, во многом определяющими успешность обучения. Длительность этих занятий снижалась от десятилетия к десятилетию. К 2020 г. по сравнению с 1920 г. она сократилась в 2,6 раза. Во всём рассматриваемом динамическом ряду 1960-е гг.

отличаются наибольшей длительностью всей учебной деятельности (в среднем в день недели – 8,1 часа) и близкой к относительно сбалансированной (не означает оптимальной) её структуре (соответственно 59 и 41%).

Заключение

Самую высокую значимость за период 2002–20 гг. сохранила мотивация к получению высшего профессионального образования – «необходимость иметь диплом о высшем образовании для устройства на хорошую работу». В условиях этой не самой лучшей образовательной мотивации, которую не удалось «переломить», формировалось использование бюджета времени студенчества. Доля трудовой нагрузки студентов (учебная деятельность, бытовая деятельность), которая составляет около трети недельного фонда времени, за первое двадцатилетие 2000-х гг. не изменилась. В её составе суммарное время аудиторных и самостоятельных занятий уменьшилось незначительно. Сильно «пострадало» время, расходуемое на самостоятельные занятия. У женщин расход времени на аудиторные занятия меньше, а на самостоятельные занятия – больше, чем у мужчин. Вся же учебная деятельность и её структура в 2019–20 гг. отличается худшими временными характеристиками как по сравнению с 1920 г., так и в сопоставлении с другими периодами. Временной ресурс восстанавливающей деятельности учащихся сократился, и его структура не улучшилась. Величина же свободного времени выросла.

Анализ интереса к учёбе в трёх выделенных типах вербального поведения в зависимости от ценности учёбы показал, что чем она выше, тем выше и показатели учебного времени, а также индекс, характеризующий степень интереса к учёбе. При его значении ниже 3,19 по пятибалльной шкале студентам всех типов учебного поведения трудно учиться. Подтвердился вывод и других исследователей о неготовности студенчества к учёбе в вузе, если она выливается в «имитационное образовательное поведение, ... становится способом адаптации неуспешных в образовательном плане студентов к требованиям высшей школы...» [3, с. 132–133]. Адаптивные возможности участия студентов в учебной деятельности не могут не влиять на формирование профессиональных компетенций и имеют особенности в зависимости от региона и пола респондента. Результаты профессиональной социализации выразились в завышенных амбициях учащихся относительно своего будущего трудоустройства, которые могут не соответствовать их профессиональным компетенциям и требованиям рынка труда. Успехи профессиональной социализации являются продолжением и результатом реализации мотивационных ожиданий и успехов адаптации к учебной деятельности.

Библиографический список

1. Ананичева С. Р. Профессиональная социализация студенческой молодежи (на примере г. Хабаровска) // Социология. 2019. №2. С. 178–187.

2. Дрожжина Н. А., Максименко Л. В. Организация питания студентов // Вестник РУДН. Серия: Медицина. 2013. № 1. С. 112–118.
3. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Доверие в вузе как фактор преодоления образовательной неуспешности студенчества // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 126–149 DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.620
4. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // Мир России. 2019. Т. 28. № 2. С. 98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124
5. Ионина М. Б., Денисов Ю. П. Перспективы развития кадрового потенциала в условиях парадигмы цифровой экономики на примере Омской области // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2019. Т. 17. № 2. С. 157–167. DOI 10.25513/1812-3988.2019.17(2).157–167
6. Каргопольцева Н. А. Социализация и воспитание студентов вуза // Вестник ОГУ. 2002. № 2. С. 80–85.
7. Леонавичюс Ю. И. Проблемы совершенствования использования учебного и внеучебного фонда времени студентов вузов / Дис. ... д-ра филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1984. 465 с.
8. Макарова С. Н. Успешная профессиональная социализация: Основные подходы к исследованию // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 17. С. 145–155.
9. Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Под общ. ред. Т. М. Карахановой. М.: Институт социологии РАН, 2010. 344 с.
10. Сазонов Б. А. Академические часы, зачетные единицы и модели учебной нагрузки // Высшее образование в России. 2008. № 11. С. 3–21.
11. Чередниченко Г. А. Первое трудоустройство после вуза (по материалам опроса Росстата РФ // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 91–101. DOI: 10.31857/S013216250000764-3
12. Шеметова Е. В., Фоминых И. Л. Рациональное питание и учеба в вузе: как сохранить здоровье студентов? (на примере питания студентов ВГУЭС) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 315–318.

Статья поступила 07.08.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Большакова Ольга Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
Караханова Татьяна Муртазаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.740

The Student Time-Budget and Their Adaptation to Educational Activities

Olga A. Bolshakova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: patruhev@isras.ru

ORCID ID: 0000-0003-2501-6001

Tatyana M. Karakhanova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: patruhev@isras.ru

ORCID ID: 0000-0002-6497-9188

For citation: Bolshakova O. A., Karakhanova T. M. The student time-budget and their adaptation to educational activities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 120–144. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.740

Abstract. The article examines the general picture of the use of their time fund by university students, its structuring, as well as the dynamics of time indicators related to the main spheres of students' daily activities in 2002–20. Particular attention is paid to educational activities as status-forming for full-time students. A survey of university students in Moscow, Omsk and Pskov was conducted in March 2019 – January 2020 by the sector for studying the daily activities and time budget of the ISRAS within the framework of the monitoring complex research "Daily activities of the urban population: time budget, values, social adaptation." The real behavior of students was analyzed in combination with the analysis of motivation to obtain higher education, adaptive opportunities for participation in educational activities and the success of professional socialization of students. It was revealed that the dominant motive for obtaining higher education – "the need to have a higher education diploma in order to get a good job" – not only retained (over the period 2002–20) its dominance and a significant "gap" from the significance of other motives, but its importance even rose. In general, the configuration of educational motivation has not changed much. Changes in resource time possibilities least of all affected the segment of daily activities related to the total work load (study time, paid work, unpaid work). The study time of students decreased more significantly for women (much less for men). The amount of time spent on physical recovery of students has decreased, but the space for studying in their free time has significantly expanded. It is shown that the types of students' value orientation in relation to educational activities have a connection with the volume, structure of educational time and other indicators. Indicators of adaptive capabilities of students for the implementation of educational activities are associated with the degree of preparedness of students to study at the university. It was revealed that the time spent on all educational activities and its structure in 2019–20 differs by the worst characteristics both in comparison with 1920 and in comparison, with other periods (the period of 1920–2020 was considered in dynamics).

Keywords: time budget of a university student, educational activity, motives for entering a university, value of study, adaptation to study at a university

References

1. Ananicheva S. R. Professional'naya socializaciya studencheskoj molodezhi (na primere g. Habarovska) [Professional socialization of students (on the example of Khabarovsk)]. *Sociologiya*, 2019: 2: 178–187 (in Russ.).
2. Drozhzhina N. A., Maksimenko L. V. Catering students. *Vestnik RUDN. Seriya: Medicina*, 2013: 1: 112–118 (in Russ.).
3. Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. Trust in universities as a factor for overcoming educational inefficiency. *Vestnik instituta sotziologii*, 2019: 10: 4: 126–149. (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.620
4. Zborovsky G., Ambarova P. The Dream of Quality Education: Contradictions in the Development of Educational Communities in Russian Universities. *Mir Rossii*, 2019: 28: 2: 98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124 (in Russ.).
5. Ionina M. B., Denisov Yu. P. Prospects for the development of human resources in the digital economy paradigm on the example of the Omsk region. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»*, 2019: 17: 2: 157–167. DOI 10.25513/1812-3988.2019.17(2).157–167 (in Russ.).

6. Kargopolceva N. A. Socializaciya i vospitanie studentov vuza [Socialization and education of University students]. *Vestnik OGU*, 2002: 2: 80–85 (in Russ.).
7. Leonavichyus Yu. I. Problemy sovershenstvovaniya ispol'zovaniya uchebnogo i vneuchebnogo fonda vremeni studentov vuzov [Problems of improving the use of educational and extracurricular time Fund of University students]. Dis. ...doktora filos. nauk. Moscow, IS RAS USSR, 1984: 465 (in Russ.).
8. Makarova S. N. Uspeshnaya professional'naya socializaciya: Osnovnye podhody k issledovaniyu [Successful professional socialization: Basic approaches to research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta*, 2007: 17: 145–155 (in Russ.).
9. Povsednevnyaya deyatel'nost' gorodskih zhitelej v gody reform: byudzhnet vremeni, cennosti, tendencii (1986–2008) [Daily activities of urban residents in the years of reforms: time budget, values, trends (1986–2008)]. Ed. by T. M. Karakhanova. Moscow, IS RAS, 2010: 344 (in Russ.).
10. Sazonov B. A. Akademicheskie chasy, zachetnye edinicy i modeli uchebnoj nagruzki [Academic hours, credits, and workload models]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2008: 11: 3–21 (in Russ.).
11. Cherednichenko G. A. Employment after University (based on the survey of Rosstat of the Russian Federation). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 8: 91–101 (in Russ.).
12. Shemetova E. V., Fominyh I. L. Rational nutrition and studies: how to keep students healthy? (evidence from Vladivostok State University of economics and service food patterns). *Azimut nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya*, 2018: 7: 2 (23): 315–318 (in Russ.).

The article was submitted on: August 07. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Bolshakova, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Tatyana M. Karakhanova, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

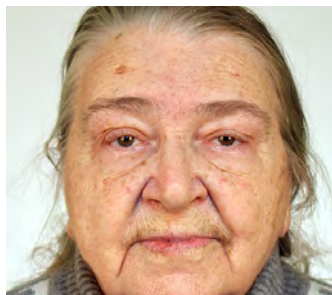
СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.741

Социальная адаптация младшего и старшего поколений рабочих в современной России

Ссылка для цитирования: Бессокирная Г. П. Социальная адаптация младшего и старшего поколений рабочих в современной России // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 3. С. 145–163. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.741

For citation: Bessokirnaya G. P. Social adaptation of the younger and older generations of workers in modern Russia. Vestnik instituta sotziologii. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 145–163. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.741

**Бессокирная
Галина Петровна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

gala@isras.ru

AuthorID ПИНЦ: 74344

Аннотация. В статье на основании объединённого массива данных RLMS-HSE (1994–2019 гг.) и первичных данных двух исследований на конкретном промышленном предприятии предпринят сравнительный анализ социальной адаптации младшего и старшего поколений рабочих в современной России. Изучены межпоколенческие различия в эффективности социальной адаптации двух поколений российских рабочих в течение 2006–19 гг. К младшему поколению отнесены рабочие, родившиеся в 1985 г. и позже. Их социализация осуществлялась главным образом уже в постсоветской России, а вступление в трудоспособный возраст происходило в 2000-е гг. Старшее поколение – рабочие, родившиеся не позже 1984 г. Для оценки эффективности социальной адаптации двух поколений рабочих использованы показатели удовлетворённости работой, материальным положением и жизнью в целом. Рассмотрены способы рыночного приспособления, которые служили дополнительными источниками доходов. Особое внимание уделено динамике социальной адаптации рабочих в 2014–19 гг., т. е. на фоне снижения реальных денежных доходов населения. В эти годы наряду с динамикой важнейших показателей социального самочувствия рабочих конкретного промышленного предприятия в Омске (областном центре РФ) выявлялась динамика трёх активных способов их социальной адаптации (сельскохозяйственный труд на земельном участке, вторичная занятость, образовательная деятельность). Установлено, что межпоколенческие различия в эффективности социальной адаптации российских рабочих незначительные, а с 2013 г. статистически значимые различия в удовлетворённости работой и удовлетворённости материальным положением отсутствуют. В 2015–16 гг. и в 2019 г. не зафиксировано также межпоколенческих различий в удовлетворённости жизнью в целом. В работе показано, что на социальную адап-

тацию младшего и старшего поколений рабочих преимущественное влияние оказывает социально-экономическая ситуация в стране. Важными факторами, определяющими успешность социальной адаптации, являются условия жизнедеятельности по месту жительства (в поселении определённого типа) и производственная ситуация на основной работе.

Ключевые слова: социальная адаптация, социальное самочувствие, удовлетворённость работой, удовлетворённость материальным положением, удовлетворённость жизнью в целом, сельскохозяйственный труд на земельном участке, вторичная занятость, образовательная деятельность, младшее поколение, старшее поколение, рабочие, областные центры РФ

Адаптация населения в трансформирующемся российском обществе была и остаётся важной темой для социологических исследований. Фундаментальным источником данных об адаптационных процессах является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹. Основные результаты проекта с 2011 г. публикуются ежегодно в «Вестнике Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)». Динамика адаптации населения к меняющимся условиям жизнедеятельности по данным мониторинга отражена в ряде публикаций [11; 12; 14; 13]. Актуальность социологических исследований адаптационных процессов увеличилась в условиях кризиса 2014–16 гг. [21] и «новой экономической реальности», которая сложилась в нашей стране во второй половине 2010-х гг. [1]. Для изучения адаптационных практик населения в этот период кроме данных RLMS-HSE использовались данные мониторинга «Социальное самочувствие населения», реализованного ИНСАП РАНХиГС в виде восьми волн репрезентативных опросов населения в течение 2015–19 гг. [17]. Анализ адаптационного поведения населения был осуществлён также по данным восьмой волны (2018 г.) общероссийского мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН [7]. Рассмотрены и особенности адаптационных стратегий российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса (апрель 2020 г.) [18]. Предпринята попытка анализа изменений в стратегиях социально-экономической адаптации россиян на протяжении последних 30 лет [6].

Социальная адаптация городского населения является постоянным объектом анализа в ходе мониторинговых исследований, которые осуществляют сотрудники сектора изучения повседневной деятельности и бюджета времени Института социологии ФНИСЦ РАН. Особое внимание уделяется изучению социальной адаптации рабочих, поскольку они были и остаются наиболее массовой социально-профессиональной

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)

группой среди занятого городского населения. Социальная адаптация – это процесс взаимодействия индивида и социальной среды, в результате которого индивид присваивает (потребляет) материальные условия жизнедеятельности и существования, обеспечивающие формирование его как полноценного члена общества. Социальная адаптация успешна, если социальная группа, осуществляя свою ведущую деятельность, может удовлетворять свои сформировавшиеся потребности и тем самым преодолевать (в той или иной степени) социальную напряжённость в обществе [5, с. 104–105]. Опубликованы результаты изучения социальной адаптации рабочих по данным исследований, проведённых в 1986–2014 гг. [5; 2; 3; 19; 4; 9 и др.]. В некоторых публикациях в качестве фактора, влияющего на социальную адаптацию рабочих, рассматривался возраст рабочих [9; 10]. С учётом усиливающегося внимания к анализу межпоколенческих различий при изучении социальных процессов в меняющемся обществе [20], в настоящей работе предпринят сравнительный анализ социальной адаптации младшего и старшего поколений рабочих в современной России.

Эмпирической базой являются первичные данные RLMS-HSE о трёх профессиональных группах рабочих, проживающих в областных центрах РФ¹. По коду J2COD08 это: квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7-я группа); квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8-я группа) и неквалифицированные рабочие (9-я группа). В объединённом массиве данных RLMS-HSE (1994–2019 гг.) рабочие составляют 22341 чел., в т. ч. 7-я группа – 9923 чел., 8-я группа – 7847 чел. и 9-я группа – 4571 чел. Абсолютное большинство (97,9%) респондентов работали в момент опроса. На основе анализа результатов общенациональных социологических исследований учёными Института социологии РАН установлено, что население областных центров РФ наиболее безболезненно (плавное изменение социально-психологического настроения) воспринимало кризис 2014–16 гг. [16, с. 61–62]. В областных центрах РФ проживает большая часть (38%) российских рабочих. Условия жизнедеятельности населения в данном типе поселений в качестве пространственной среды адаптации рабочих в меняющемся обществе рассматривались ранее [8].

К младшему поколению отнесены рабочие, родившиеся в 1985 г. и позже. Их социализация проходила главным образом в постсоветской России, а вступление в трудоспособный возраст произошло в 2000-е гг. К старшему поколению отнесены рабочие, родившиеся в 1984 г. и ранее. К младшему поколению в объединённом массиве данных относятся 12,4% российских рабочих. Доля младшего поколения с 2006 г. растёт из года в год, а доля старшего поколения, естественно, снижается. Младшее поколение составляло: 4,8% в 2006 г., 21,8% в 2014 г. и 29,3% в 2019 г. Как видим, доля младшего поколения среди российских рабочих и до настоящего времени существенно меньше, чем доля старшего поколения.

¹ Областные центры РФ в мониторинге выделены как один из четырёх типов населённых пунктов. Три другие – город, посёлок городского типа, село.

Для анализа привлечены также данные двух исследований, проведённых сотрудниками сектора Института социологии ФНИСЦ РАН в 2014 и 2019 гг. на промышленном предприятии в Омске, одном из областных центров РФ. В обоих исследованиях опрошены рабочие в цехах основного производства. Численность выборки в 2014 г. – 201 чел., а в 2019 г. – 176 чел. К младшему поколению в 2014 г. принадлежали 31%, а в 2019 г. уже 39% рабочих этого промышленного предприятия.

Успешность социальной адаптации рабочих оценивалась с помощью трёх важнейших показателей их социального самочувствия: удовлетворённость работой, удовлетворённость материальным положением и удовлетворённость жизнью в целом¹. Для характеристики адаптационных процессов использована также информация о способах рыночного приспособления рабочих к меняющимся условиям труда и жизни. Особое внимание уделено анализу тенденций в социальной адаптации младшего и старшего поколений рабочих конкретного промышленного предприятия, размещённого в Омске. При анализе динамики их социальной адаптации применялся более широкий круг показателей.

Динамика социальной адаптации российских рабочих

С целью оценки межпоколенческих различий в успешности социальной адаптации осуществлён диахронный анализ трёх важнейших показателей социального самочувствия младшего и старшего поколений российских рабочих за 2006–19 гг. по объединённому массиву данных RLMS-HSE (1994–2019 гг.).

Удовлетворённость работой измерялась в мониторинге с 2002 г. В целом по объединённому массиву (18053 чел.) удовлетворены работой (4+5 баллов) более половины рабочих (54,3%), в т. ч. 53,2% рабочих младшего поколения и 59,8% рабочих старшего поколения. Не удовлетворены работой (1+2 балла) 20,3% рабочих, в т. ч. среди младшего поколения – 21,4%, а среди старшего – 14,0%. Индекс² удовлетворённости работой у опрошенных в целом – 3,42 балла, у младшего поколения – 3,57 балла, а у старшего – 3,39 балла. Связь между поколениями и удовлетворённостью работой весьма слабая (коэффициент Крамера V равен 0,068***)³.

На рисунке 1 представлена динамика удовлетворённости работой младшего и старшего поколений российских рабочих.

¹ Для измерения показателей использованы 5-балльные шкалы: «Совсем не удовлетворены» – 1 балл; «Не очень удовлетворены» – 2 балла; «И да, и нет» – 3 балла; «Скорее удовлетворены» – 4 балла; «Полностью удовлетворены» – 5 баллов. Первичные данные мониторинга были перекодированы соответствующим образом.

² Индекс – среднее значение по 5-балльной шкале.

³ Для оценки тесноты связи использованы симметричные коэффициенты Крамера V. Уровень значимости обозначен звездочками: * 5%, ** 1% и *** 0,1%. Статистически значимая связь между поколениями и тем или иным показателем социальной адаптации свидетельствует о наличии межпоколенческих различий по данному показателю.

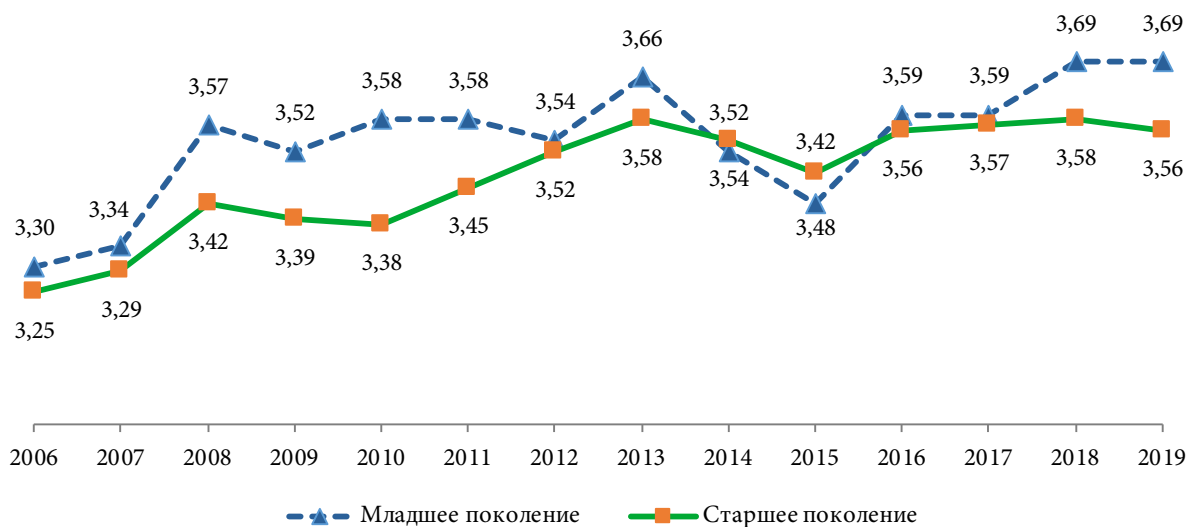

Рис. 1. Удовлетворённость работой российских рабочих, 2006–19 гг., индексы
Figure 1. Satisfaction with the work of Russian workers, 2006–19, indices

У обоих поколений рабочих оценки удовлетворённости работой выше 3 баллов и наблюдается тенденция их роста. У младшего поколения индексы за 2006–19 гг. выросли с 3,3 до 3,69 балла, а у старшего поколения – с 3,25 до 3,56 баллов. В течение всего анализируемого периода оценки несколько лучшие у младшего поколения. Однако статистически значимые различия в удовлетворённости работой были установлены только в 2009 и 2010 гг. (коэффициенты Крамера V соответственно 0,106* и 0,107*). Межпоколенческих различий в удовлетворённости работой, начиная с 2011 г., не выявлено. В 2014 г. были удовлетворены работой (4+5 баллов) большинство (59%) рабочих обоих поколений, а не удовлетворены ей (1+2 балла) – 15% старшего и 17% младшего поколения. В 2014–15 гг. наблюдалось снижение оценок удовлетворённости работой у обоих поколений, но в 2016 г. наметилась тенденция их роста. В 2017–19 гг. произошла стабилизация оценок у старшего поколения рабочих и наблюдался некоторый рост оценок у младшего. В 2019 г. были удовлетворены работой 59% старшего и 65% младшего поколения, а не удовлетворены соответственно 12 и 10%. Судя по индексам (см. рис. 1), удовлетворённость работой у обоих поколений российских рабочих вернулась на уровень 2013 г.

Удовлетворённость материальным положением измеряется в мониторинге с 2000 г. По объединённому массиву (19 585 чел.) связь между поколениями и этим показателем социального самочувствия также весьма слабая (коэффициент Крамера V равен 0,063***). Удовлетворены материальным положением (4+5 баллов) 21,8% младшего поколения и 16,4% старшего поколения рабочих. Не удовлетворены материальным положением (1+2 балла) 55,7% младшего и 63,2% старшего поколения. Индекс (среднее значение) удовлетворённости материальным положением у рабочих в целом – 2,44 балла, у младшего поколения – 2,49 балла, а у старшего – 2,31 балла.

Оценки удовлетворённости материальным положением у обоих поколений существенно ниже 3-х баллов (см. рис. 2).

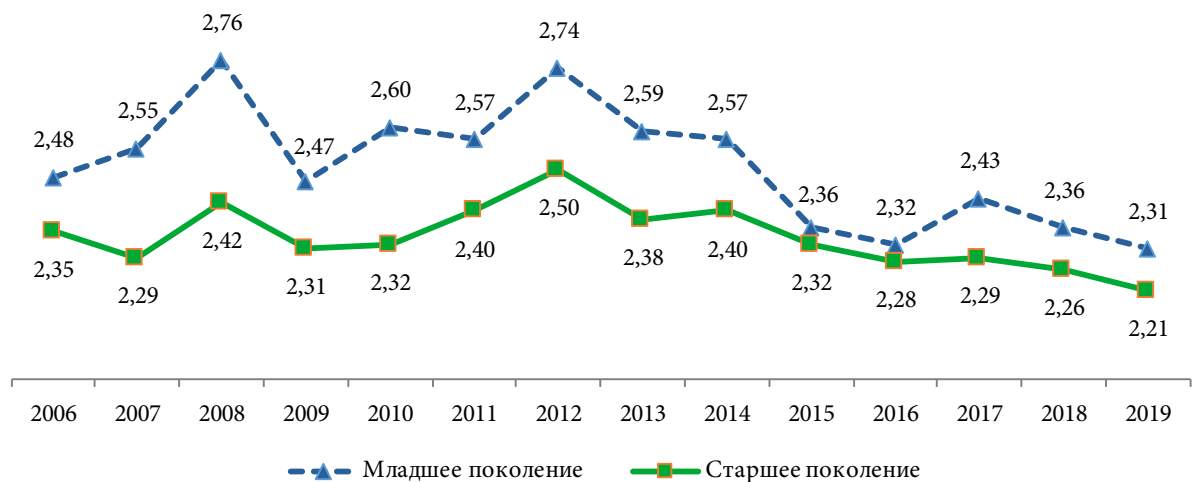

Рис. 2. Удовлетворённость материальным положением российских рабочих, 2006–19 гг., индексы

Figure 2. Satisfaction with the material situation of Russian workers, 2006–19, indices

Индексы удовлетворённости материальным положением за 2006–19 гг. снизились: у младшего поколения с 2,75 до 2,31 балла, а у старшего поколения – с 2,39 до 2,21 балла. Оценки чуть выше у младшего поколения. Однако только в трёх замерах наблюдались статистически значимые межпоколенческие различия по коэффициенту Крамера V (2008 г. – 0,124**, 2010 – 0,121*** и 2012 – 0,109*). Межпоколенческих различий в удовлетворённости материальным положением с 2013 г. не выявлено. В 2014 г. были не удовлетворены материальным положением 58% старшего поколения и 54% младшего. Удовлетворены им в тот период времени были лишь 18% старшего и 24% младшего поколения. В 2019 г. рабочих, неудовлетворённых материальным положением, стало ещё больше: 66% старшего поколения и 62% младшего. Доля рабочих, которые удовлетворены материальным положением, стала ещё меньшей: 14% старшего и 16% младшего поколения.

Данные о способах рыночного приспособления, которые служили дополнительными источниками доходов для российских рабочих, представлены в таблице 1.

Статистически значимых различий по вовлечённости во вторичную занятость между младшим и старшим поколениями российских рабочих не выявлено. Работали на дополнительной работе 9,8% представителей младшего поколения и 9,8% старшего, а оказывали услуги за плату соответственно 6,6 и 6,2%. Статистически значимая, но очень слабая связь между поколениями и способами рыночного приспособления установлена только для 3-х из 10-ти способов, перечисленных в таблице 1. Это: «выращивали что-то на своём участке на продажу или на обмен», «кляли деньги в банк под проценты, давали деньги займы под проценты», «сдавали внаём квартиру, комнату, дачу, гараж, автомобиль».

Ко всем таким способам почти вдвое чаще прибегали рабочие старшего поколения. Отметим, что после кризиса 2014–16 гг. наблюдалось сокращение вторичной занятости рабочих [6, с. 156]. В 2014 г. – 10,3% российских рабочих имели дополнительную работу и 5% оказывали услуги за плату, а в 2019 г. соответственно 8,8 и 4,9%.

Таблица 1 (Table 1)

Способы рыночного приспособления рабочих в меняющемся российском обществе, 1994–2019 гг., %

Ways of market adjustment of workers in a changing Russian society, 1994–2019, %

Способы рыночного приспособления	Младшее поколение	Старшее поколение
Работали на дополнительной работе	9,8	9,8
Оказывали услуги за плату, например, подвозили кого-нибудь на машине, ремонтировали бытовую технику, занимались делать ремонт в квартире, занимались репетиторством, оставались сидеть с ребёнком за плату	6,6	6,2
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	2,3	2,2
Выращивали что-то на своём участке на продажу или на обмен	1,2	2,0
Разводили скот, птицу, рыбу, другую живность на продажу	0,3	0,2
Продавали продукцию собственного домашнего изготовления, например, пирожки, вязаные или сшитые вещи и т. п.	0,0	0,6
Сдавали внаём квартиру, комнату, дачу, гараж, автомобиль	0,7	1,2
Клади деньги в банк под проценты, давали деньги займы под проценты	0,8	1,5
Ездили за продуктами и товарами, которые потом продавали	0,5	0,4
Продавали с рук продукты или товары, которые сами не производили, например, сигареты, продукты, одежду	0,0	0,4

Удовлетворённость жизнью в целом измеряется в мониторинге с 1994 г. В объединённом массиве (22233 чел.) связь между поколениями и данным показателем социального самочувствия более тесная (коэффициент Крамера V равен 0,154***), чем связь между поколениями и удовлетворённостью работой и материальным положением.

Индексы удовлетворённости жизнью в целом российских рабочих представлены на рисунке 3.

Во всех замерах индексы удовлетворённостью жизнью в целом выше у младшего поколения. При этом различия в оценках удовлетворённости жизнью между поколениями, как правило, статистически значимые (исключение: 2006, 2015, 2016 и 2019 гг.). В 2014 г. были удовлетворены жизнью 45% старшего поколения и 53% младшего, а не удовлетворены соответственно 27 и 18%. В динамике оценок удовлетворённости жизнью в целом у двух поколений рабочих в 2013–19 гг. прослеживались неодинаковые тенденции. В 2013–16 гг. индексы удовлетворённостью жизнью снижались у обоих поколений рабочих, но более

быстрыми темпами у младшего поколения. Как уже отмечалось, в 2015 и 2016 гг. межпоколенческих различий не было выявлено. В 2017–19 гг. наблюдался рост индексов удовлетворённости жизнью у обоих поколений, но темпы роста были выше у младшего поколения. В 2019 г. удовлетворены жизнью в целом 51% старшего поколения и 58% младшего. Не удовлетворены – 22% старшего и 15% младшего поколения. В результате произошедших изменений индекс удовлетворённости жизнью в 2019 г. у старшего поколения вернулся к уровню 2012 г., а у младшего поколения данный показатель не только меньше соответствующего индекса 2012 г., но и не превосходит значения этого показателя социального самочувствия в более ранний период времени (2008–11 гг.). Как уже отмечалось, различия в удовлетворённости жизнью в целом между поколениями в 2019 г. не являлись статистически значимыми.

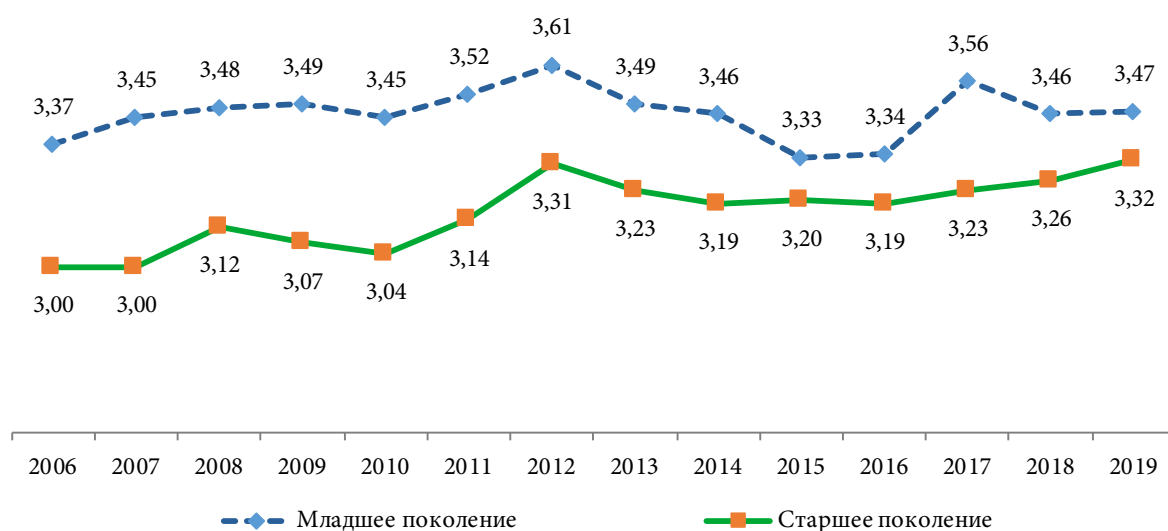

Рис. 3. Удовлетворённость жизнью в целом российских рабочих, 2006–19 гг., индексы

Figure 3. Satisfaction of Russian workers with their life in general, 2006–19, indices

Динамика социальной адаптации рабочих промышленного предприятия

Социальная адаптация младшего и старшего поколений рабочих конкретного промышленного предприятия в Омске анализировалась по данным двух исследований, проведённых в 2014 и 2019 г.

Социальное самочувствие рабочих промышленного предприятия анализировалось с помощью тех же показателей, что и социальное самочувствие российских работников по данным RLMS-HSE. В таблице 2 приведены результаты измерения удовлетворённости работой, материальным положением и жизнью в целом.

Таблица 2 (Table 2)

Динамика социального самочувствия рабочих промышленного предприятия,
Омск, 2014–19 гг.

*Dynamics of social well-being of workers at an industrial enterprise,
Omsk, 2014–19*

Годы исследований	Младшее поколение			Старшее поколение		
	4+5 (%)	1+2 (%)	Индекс	4+5 (%)	1+2 (%)	Индекс
Удовлетворённость работой						
2014	36	15	3,3	34	9	3,3
2019	36	6	3,4	63	1	3,8
Удовлетворённость материальным положением						
2014	13	58	2,2	16	60	2,2
2019	20	47	2,5	18	42	2,5
Удовлетворённость жизнью в целом						
2014	50	27	3,2	33	27	3,1
2019	56	16	3,5	39	14	3,3

Примечание. Для измерения показателей использована 5-балльная шкала: «Совершенно не удовлетворяет» – 1 балл; «Скорее не удовлетворяет, чем удовлетворяет» – 2 балла; «Частично удовлетворяет, частично нет» – 3 балла; «Скорее удовлетворяет, чем нет» – 4 балла; «Полностью удовлетворяет» – 5 баллов.

Удовлетворённость работой за 2014–2019 гг. выросла у младшего поколения с 3,3 до 3,4 балла, а у старшего поколения с 3,3 до 3,8 балла. В 2014 г. статистически значимых различий в удовлетворённости работой между двумя поколениями не наблюдалось. В обоих поколениях были удовлетворены работой менее половины рабочих (36%). Однако в 2019 г. удовлетворённость работой у старшего поколения существенно превысила этот показатель у младшего поколения: удовлетворены работой 63% старшего поколения и только чуть более трети (36%) младшего поколения. Таким образом, ярко проявились межпоколенческие различия в этом важнейшем показателе социального самочувствия (коэффициент Крамера V равен 0,291***).

Удовлетворённость материальным положением гораздо меньшая, чем удовлетворённость работой, несмотря на то, что индексы у обоих поколений выросли с 2,2 до 2,5 балла. Статистически значимых различий в оценках удовлетворённости материальным положением в двух исследованиях у младшего и старшего поколений рабочих не выявлено.

Нельзя не отметить, что в 2014 г. более половины (52%) молодых рабочих и абсолютное большинство рабочих старше 30 лет (71%) среди проблем, связанных с основной работой, называли «недостаточную для жизни заработную плату». Считали, что основная работа «даёт возможность хорошо зарабатывать» только 36% младшего поколения и 28% старшего. В 2019 г. аналогичное мнение высказало ещё меньшее число рабочих: соответственно 27 и 20%. В обоих поколениях оставалась зна-

чительной доля рабочих, которые относили себя (свою семью) по уровню доходов к бедным людям. И всё же этот показатель несколько снизился: у младшего поколения с 42 до 39%, а у старшего – с 53 до 48%.

Фактором, который может оказывать определённое влияние на материальное положение работников, являются социальные льготы, получаемые по месту работы. К сожалению, количество получателей социальных льгот на предприятии в течение последнего года существенно снизилось. В 2014 г. их было 15% среди младшего поколения и 32% – среди старшего, а в 2019 г. соответственно 9 и 7%. Таким образом, роль предприятия как субъекта социальной политики явно уменьшилась. Подчеркнём, что аналогичная ситуация типична для российских предприятий в последние годы. По данным RLMS-HSE установлено, что в кризисных условиях даже благополучные предприятия вынуждены идти на сокращение перечня и объёма социальных благ и услуг, которыми обеспечивается персонал дополнительно к обязательным социальным гарантиям [15].

Вполне ожидаемы, с нашей точки зрения, и низкие оценки справедливости по месту работы, между которыми у двух поколений рабочих промышленного предприятия не наблюдается значимых различий. Только 31% младшего и 24% старшего поколения считают, что справедливость по месту работы соблюдается (данные за 2019 г.).

Далее рассмотрим, насколько распространены различные способы адаптации среди рабочих конкретного промышленного предприятия в Омске? Какова динамика трёх активных способов адаптации за пять лет?

В таблице 3 приведены данные о включённости младшего и старшего поколений рабочих в сельскохозяйственный труд на земельных участках.

Таблица 3 (Table 3)

**Включённость рабочих промышленного предприятия
в сельскохозяйственный труд на земельных участках, Омск, 2014–19 гг., %**
*Inclusion of workers of an industrial enterprise
in agricultural labour on plots of land, Omsk, 2014–19, %*

Вопросы и ответы	Омск-2014		Омск-2019	
	Младшее поколение	Старшее поколение	Младшее поколение	Старшее поколение
Имеете ли Вы (Ваша семья) земельный участок?				
Не имеем и не хотим иметь	18	14	16	18
Не имеем, но хотели бы иметь	19	20	43	31
Имеем земельный участок	63	66	41	51
Как Вы используете излишки урожая? (Можно дать несколько вариантов ответа)				
Нет излишков	44	31	37	37
Делимся с родственниками, знакомыми	46	61	48	55
Продаём	10	4	11	6
Излишки пропадают	3	3	0	2

Судя по данным, приведённым в таблице 3, произошло снижение числа владельцев земельных участков: с 63 до 41% у младшего поколения и с 66 до 51% у старшего поколения. Одновременно выросло число рабочих, желающих иметь земельный участок. При этом наблюдался стремительный рост числа владельцев участков среди рабочих, кто ничего не выращивает и никого не содержит на своём участке. В 2019 г. таких рабочих уже 4 из 10 среди младшего поколения и 3 из 10 среди старшего. Большинство владельцев земельных участков занимаются только уходом за плодовыми деревьями и ягодными кустарниками, выращивают клубнику и зелень, а также овощи. Занимаются растениеводством и садоводством в большом объёме стабильно владельцы лишь каждого четвёртого земельного участка. На каждом десятом участке рабочие стабильно выращивают только картофель. Животноводством на земельных участках рабочие вообще перестали заниматься.

Сельскохозяйственный труд на земельном участке, как уже отмечалось ранее, практически не приносит дополнительного дохода российским рабочим (см. табл. 1). Излишки урожая чаще продают представители младшего поколения и вдвое реже – старшего. В 2014 г. соответственно 10 и 4%, а в 2019 г. – 11 и 6%. В 2019 г, как и в 2014 г., примерно половина владельцев земельных участков делились урожаем с родственниками и знакомыми.

Информация о вторичной занятости рабочих промышленного предприятия представлена в таблице 4.

Таблица 4 (Table 4)

Динамика вторичной занятости рабочих промышленного предприятия,
Омск, 2014–19 гг., %

*Dynamics of secondary employment of industrial workers,
Omsk, 2014–19, %*

Вопросы и ответы	Омск-2014		Омск-2019	
	Младшее поколение	Старшее поколение	Младшее поколение	Старшее поколение
Есть ли у Вас лично дополнительная оплачиваемая работа?				
Имею постоянную дополнительную работу	5	5	5	3
Да, я подрабатываю, но нерегулярно	21	20	21	6
Нет, но я хочу найти такую работу	45	33	47	47
Нет, и не хочу иметь такую работу	29	42	27	44

Включённость во вторичную занятость (постоянная дополнительная работа или приработки) младшего и старшего поколений в анализируемый период резко изменилась. В 2014 г. межпоколенческих различий в этом вопросе не наблюдалось. В 2019 г. зафиксирована тесная связь между поколениями и вторичной занятостью (коэффициент Крамера V равен 0,257***). При этом включённость во вторичную занятость у младшего поколения осталась на прежнем уровне (26%), а у старшего снизилась почти втрое (с 25 до 9%). Доля рабочих, жела-

ющих найти дополнительную оплачиваемую работу, среди младшего поколения также осталась практически на прежнем уровне (45 и 47%), а среди старшего поколения выросла (с 33 до 47%). Не имеют дополнительной оплачиваемой работы и не хотят её иметь только 3 из 10 представителей младшего поколения и 4 из 10 – старшего. Доля этой группы сохранилась на примерно одинаковом уровне в обоих поколениях.

В научной литературе в качестве конструктивного способа социальной адаптации населения в трансформирующемся обществе рассматривается образовательная деятельность. Результаты анализа образовательной деятельности как способа адаптации рабочих промышленных предприятий уже публиковались ранее [5, с. 120–122]. В настоящей работе представлены результаты анализа динамики образовательной деятельности рабочих промышленного предприятия в Омске за 2014–19 гг. (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

Образовательная деятельность рабочих промышленного предприятия,
Омск, 2014–19 гг., %
*Educational activity of workers of an industrial enterprise,
Omsk, 2014–19, %*

Вопросы и ответы	2014		2019	
	Младшее поколение	Старшее поколение	Младшее поколение	Старшее поколение
Учитесь ли Вы в настоящее время в институте, на каких-либо курсах и т. п.?				
Нет, я нигде не учусь	84	97	94	100
Да, я учусь	16	3	6	0
Повысили ли Вы квалификацию, профессиональные знания и умения в течение последнего года?				
Да, я значительно повысил (а)	36	20	57	42
Я повысил (а), но в небольшой мере	36	36	34	42
Нет, не повысил (а)	29	44	9	16

За анализируемый период доля рабочих, обучающихся где-либо, среди младшего поколения снизилась с 16 до 6%. В 2014 г. обучались где-либо лишь 3% старшего поколения, а в 2019 г. таких рабочих среди старшего поколения не оказалось.

В то же время большинство опрошенных младшего и старшего поколений рабочих полагали, что они в течение последнего года повысили свою квалификацию (2014 г.), свои профессиональные знания и умения (2019 г.).

В 2014 г. чаще повышали квалификацию представители младшего поколения. Однако 3 из 10 среди младшего и 4 из 10 среди старшего поколения выбрали отрицательный вариант ответа на данный вопрос (см. табл. 5). Отвечая на вопрос «Если Вы не повысили свою квалификацию, то почему?» (2014 г.), рабочие старшего поколения чаще выбирали варианты ответа «Моя работа не требует повышения квалификации»

(57%) и «Имею достаточно высокую квалификацию» (43%). Среди них только 3% выбрали ответ «Нет материальной заинтересованности в повышении квалификации» и 8% – «Нет условий для повышения квалификации». У младшего поколения структура ответов иная: «Моя работа не требует повышения квалификации» (33%), «Имею достаточно высокую квалификацию» (27%), «Нет материальной заинтересованности в повышении квалификации» (27%) и «Нет условий для повышения квалификации» (20%)¹.

В 2019 г. межпоколенческих различий во включённости в процесс повышения профессиональных знаний и умений не было обнаружено. Абсолютное большинство рабочих младшего (91%) и старшего (84%) поколений в течение последнего года повысили свои профессиональные знания и умения. Отвечая на вопрос «Соответствует ли выполняемая работа Вашим профессиональным знаниям и умениям?», большинство (65% младшего и 77% старшего поколения) выбрали вариант ответа «Работа соответствует моим знаниям и умениям». Ещё 15% младшего поколения и 23% старшего выбрали вариант ответа «Работа не требует всех моих знаний и умений». Только соответственно 12 и 8% считали, что «работа требует больших знаний и умений».

В анализируемый период ориентация рабочих на повышение уровня общего и профессионального образования не растёт даже у младшего поколения (23 и 19%). У старшего поколения она существенно снизилась (с 15 до 5%)².

Ориентация на повышение квалификации за эти годы снизилась не только у старшего поколения (с 14 до 9%), но и у младшего (с 31 до 23%).

Удовлетворённость жизнью в целом у рабочих обоих поколений за пять лет на промышленном предприятии в Омске несколько увеличилась: более существенно у младшего поколения (с 3,2 до 3,5 баллов) и в меньшей степени у старшего (с 3,1 до 3,3 балла). У младшего поколения в 2014 г. половина, а в 2019 г. уже большинство (56%) рабочих были удовлетворены жизнью в целом, а число неудовлетворённых ею снизилось за этот период почти вдвое (с 27 до 16%). В 2019 г. модальной группой среди младшего поколения являлись рабочие, которые удовлетворены жизнью в целом. У старшего поколения в обоих исследованиях были удовлетворены жизнью в целом около трети рабочих (2014 г. – 33%, 2019 г. – 39%). Число рабочих, неудовлетворённых жизнью в целом, в 2019 г. среди старшего и младшего поколений примерно такое же, как и в 2014 г. (соответственно 27 и 14%). Однако модальной группой для старшего поколения в 2019 г. являлись рабочие, выбравшие вариант ответа «Частично удовлетворяет, частично нет»

¹ Сумма вариантов ответов превышает 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

² Ориентации рабочих на образовательную деятельность выявлялись с помощью ответов на вопрос: «Если бы Ваше свободное время значительно возросло, то на какие занятия Вы бы увеличили затраты времени?».

(3 балла). В 2014 г. межпоколенческих различий в удовлетворённости жизнью в целом не было зафиксировано, но в 2019 г. они сформировались (коэффициент Крамера V равен 0,244***).

Заключение

Анализ трёх важнейших показателей социального самочувствия по данным RLMS-HSE (2006–19 гг.) показал, что эффективность социальной адаптации рабочих в меняющемся российском обществе весьма низкая. Выявлены общие тенденции в динамике оценок удовлетворённости работой, материальным положением и жизнью в целом у младшего и старшего поколений российских рабочих. У обоих поколений оценки удовлетворённости работой и жизнью в целом незначительно улучшились, а оценки удовлетворённости материальным положением ухудшились. В течение всего анализируемого периода индексы (средние значения) всех трёх показателей у младшего поколения были несколько выше, чем у старшего поколения. По объединённому массиву данных RLMS-HSE (1994–2019 гг.) выявлены слабые, но статистически значимые связи между поколениями и всеми тремя показателями социального самочувствия. Однако с 2010 г. не наблюдается статистически значимых межпоколенческих различий по удовлетворённости работой, а с 2013 г. и по удовлетворённости материальным положением. Отсутствуют статистически значимые межпоколенческие различия и во включённости российских рабочих во вторичную занятость, которая до настоящего времени всё же остаётся наиболее распространённым способом рыночного приспособления населения к меняющимся условиям труда и жизни в современной России, приносит ему дополнительные доходы. Однако в последние годы вторичная занятость в рабочей среде сокращается. На фоне снижения реальных доходов с 2014 г. начали постепенно стираться и межпоколенческие различия в удовлетворённости жизнью в целом. В 2015, 2016 и 2019 гг. межпоколенческих различий в удовлетворённости жизнью в целом не было зафиксировано.

Результаты изучения динамики трёх показателей социального самочувствия рабочих в 2014–19 гг. на конкретном промышленном предприятии в Омске свидетельствуют о том, что индексы всех показателей увеличились в анализируемый период времени. При этом, если в 2014 г. не наблюдалось статистически значимых межпоколенческих различий по удовлетворённости работой и жизнью в целом, то в 2019 г. такие различия зафиксированы. Отсутствуют межпоколенческие различия по-прежнему только в оценках удовлетворённости материальным положением. В 2014 г. оба поколения рабочих главной проблемой, связанной с работой, считали недостаточную для жизни зарплату. В 2019 г. у обоих поколений сохранились преимущественно негативные оценки имеющихся на предприятии возможностей для получения хорошего заработка. Число получателей социальных льгот на предприятии сократилось

среди обоих поколений. По-прежнему значительна доля рабочих, которые отнесли себя (свою семью) к бедным людям. Лишь менее трети рабочих полагают, что справедливость по месту работы соблюдается.

Вовлечённость рабочих промышленного предприятия в активные способы приспособления к меняющимся условиям труда и жизни, которые могут приносить дополнительные доходы, весьма низкая. При этом вовлечённость во вторичную занятость за пять лет у младшего поколения рабочих осталась на прежнем уровне, а у старшего поколения существенно снизилась. Не увеличилась у обоих поколений и доля рабочих, которые имеют дополнительные доходы от продажи урожая, выращенного на земельном участке.

Включённость в образовательную деятельность (учёба где-либо), которая могла бы стать конструктивным способом социальной адаптации рабочих в трансформирующемся российском обществе и способствовать повышению человеческого потенциала, не растёт, к сожалению, даже у младшего поколения рабочих.

Итак, на эффективность социальной адаптации младшего и старшего поколений рабочих в современной России, наряду с общей социально-экономической ситуацией в стране, существенное влияние оказывают неодинаковые возможности для выбора активных способов приспособления к меняющимся условиям труда и жизни по месту жительства (в поселении определённого типа) и производственная ситуация на основной работе.

Библиографический список

1. Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Адаптация населения к «новой экономической реальности» // ЭКО. 2018. № 2. С. 86–102. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102>
2. Бессокирная Г. П. Стратегии выживания рабочих // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 49–54.
3. Бессокирная Г. П. Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 34–37.
4. Бессокирная Г. П. Динамика социального самочувствия рабочих в трансформирующейся России // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21–22 августа 2014 г.: сборник научных трудов / редкол.: И. Е. Фадеева, отв. ред.; В. А. Сулимов, Л. В. Гурленова. Сыктывкар: СыктГУ, 2014. С. 179–189.
5. Бессокирная Г. П., Темницкий А. Л. Социальная адаптация рабочих в трансформирующемся обществе: основные положения программы и некоторые результаты исследований // Мир России. 2000. Т. 9. № 4. С. 103–124.

6. Каравай А. В. Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX–начале XXI вв. // Journal of Institutional Studies. 2020. Т. 12. № 1. С. 144–159. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159>
7. Каравай А. В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3. С. 128–145. DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>
8. Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А. Областные центры как пространственная среда адаптации городских рабочих в меняющемся обществе // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2019. Т. 17. № 2. С. 168–184. DOI: [https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17\(2\).168-184](https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17(2).168-184)
9. Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А. Повседневная деятельность рабочих: труд, быт, досуг. [Электронный ресурс] / Т. М. Караханова, Г. П. Бессокирная, О. А. Большакова. М.: Институт социологии РАН, 2015. 100 с. илл. 1. CD-ROM.
10. Караханова Т. М., Большакова О. А. Общее и особенное в использовании времяресурса повседневной жизни у рабочих разного возраста // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 3 (22). С. 98–136. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.473>
11. Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 24–35.
12. Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. 328 с.
13. Козырева П. М., Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 66–78. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518060065>
14. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей]. Вып. 14. / Отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. С. 133–171.
15. Козырева П. М., Смирнов А. И. Социальные гарантии и льготы по месту работы: нестабильность и неутешительная динамика // The Journal of Social Policy Studies. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/11472> (дата обращения: 12.04.2021).
16. Латова Н. М. Влияние кризиса на удовлетворённость россиян своей жизнью и их социально-психологическое самочувствие // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: Весь мир, 2016. С. 41–64.

17. Логинов Д. М. Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>

18. Логинов Д. М. Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 470–487. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>

19. Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Под общ. ред. Т. М. Карахановой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2010. 344 с.

20. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>

21. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43–53.

Статья поступила 13.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бессокирная Галина Петровна, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.741

Social Adaptation of the Younger and Older Generations of Workers in Modern Russia

Gallina P. Bessokirnaya

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: gala@isras.ru

ORCID ID: 0000-0001-7099-7772

For citation: Bessokirnaya G. P. Social adaptation of the younger and older generations of workers in modern Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 145–163. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.741

Abstract. A comparative analysis of the social adaptation of the younger and older generations of workers in modern Russia is undertaken based on the combined RLMS-HSE data set (1994–2019) and the primary data of two studies at a specific industrial enterprise. Intergenerational differences in the effectiveness of social adaptation of two generations of Russian workers during 2006–19 is studied. The younger generation includes workers born in 1985 and later. Their socialization was carried out mainly already in post-Soviet Russia, and the entry into working age took place in the 2000s. The older generation is formed by workers born no later than 1984. To assess the effectiveness of social adaptation of two generations of workers, indicators of satisfaction with work, material situation and life in general is used. The ways of market adjustment, that served as additional sources of income, are considered. Particular attention is paid to the dynamics of the social adaptation of workers in 2014–19, that is, against the background of a decrease in real money incomes of the population. During these years, along with the dynamics of the most important indicators of the social well-being of workers at a particular industrial enterprise in Omsk (the regional center of the Russian Federation), the dynamics of three active ways of their social adaptation (agricultural labor on a land plot, secondary employment, educational activity) are revealed. It has been found that intergenerational differences in the effectiveness of social adaptation of Russian workers are insignificant, and since 2013 there have been no statistically significant differences in job satisfaction and satisfaction with the material situation. In 2015–16

and in 2019, there were also no intergenerational differences in life satisfaction in general. The work shows that the social and economic situation in the country has a predominant impact on the social adaptation of the younger and older generations of workers. Important factors that determine the success of social adaptation are the living conditions at the place of residence (in a settlement of a certain type) and the general situation at the main job.

Keywords: social adaptation, social well-being, job satisfaction, material satisfaction, satisfaction with life in general, agricultural labor on a land plot, secondary employment, educational activity, the younger generation, the older generation, workers, regional centers of the RF

References

1. Avraamova E. M., Loginov D. M. The Population's Adaptation to the New Economic Reality. *EKO*, 2018: 2: 86–102. (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102>
2. Bessokirnaya G. P. Strategii vyzhivaniya rabochih [Survival strategies for workers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2005: 9: 49–54 (in Russ.).
3. Bessokirnaya G. P. Social'noe samochuvstvie rabochih [Social well-being of workers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2007: 3: 34–37 (in Russ.).
4. Bessokirnaya G. P. Dinamika social'nogo samochuvstviya rabochih v transformiruyushchejsya Rossii [Dynamics of workers' social well-being in a transforming Russia]. Pitirim Sorokin i paradigmy global'nogo razvitiya XXI veka (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya): Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, Syktyvkar, 21–22 avgusta 2014 g.: sbornik nauchnyh trudov. Ed. by I. E. Fadeeva, V. A. Sulimov, L. V. Gurlenova. Syktyvkar, SyktGU, 2014: 179–189 (in Russ.).
5. Bessokirnaya G. P., Temnickij A. L. Social'naya adaptaciya rabochih v transformiruyushchemsya obshchestve: osnovnye polozheniya programmy i nekotorye rezul'taty issledovaniy [Social adaptation of workers in a transforming society: main provisions of the program and some research results]. *Mir Rossii*, 2000: 4: 103–124 (in Russ.).
6. Karavaj A. V. Changes in the strategies of social and economic adaptation of Russians in the late 20th and early 21st centuries. *Journal of Institutional Studies*, 2020: 1: 144–159. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159>
7. Karavaj A. V. Main patterns of socio-economic adaptation in different strata of Russian society. *Terra Economicus*, 2019: 3: 128–145. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>
8. Karahanova T. M., Bessokirnaya G. P., Bol'shakova O. A. Regional centers as a spatial means of adaptation for urban workers in a changing society. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Ekonomika*, 2019: 2: 168–184. (in Russ.). DOI: [https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17\(2\).168-184](https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17(2).168-184)
9. Karahanova T. M., Bessokirnaya G. P., Bol'shakova O. A. Daily Behavior of Workers: Work, Housekeeping, Leisure [Electronic resource]. Moscow, Institut sociologii RAN. 2015: 100: 1 CD ROM (in Russ.).
10. Karahanova T. M., Bol'shakova O. A. General and specifics in the use of time resources in daily life by workers of different ages. *Vestnik instituta sotziologii*, 2017: 3(22): 98–136. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.473>
11. Kozyreva P. M. Social adaptation of Russia's population in the post-Soviet period. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2011: 6: 24–35 (in Russ.).
12. Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. Resursy i praktiki social'no-ekonomicheskoy adaptacii naseleniya Rossii [Resources and practices of socio-economic adaptation of the population]. Moscow, Novyj hronograf. 2013: 328 (in Russ.).
13. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Life in uncertain conditions of a crisis society: experience and expectations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 6: 66–78. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518060065>
14. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. The peculiarities and tendencies of adapting Russians to the ever-changing conditions of the post-soviet period. Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik [sbornik nauchnyh statej] / Ed. By M. K. Gorshkov; Institut sociologii RAN. Moscow, Novyj hronograf. 2016: 14: 133–171 (in Russ.).

15. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Social Guarantees and Benefits at the Workplace: Instability and Unpromising Dynamics. *The Journal of Social Policy Studies*. Accessed 12.04.2021. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/11472> (in Russ.).
16. Latova N. M. Influence of the crisis on satisfaction of Russians with their lives and their social and psychological well-being. *Rossiiskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga 3 / [Russian society and challenges of the time. Book 3] / M. K. Gorshkov [et al.]; Ed. by Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Moscow, Ves Mir, 2016: 41–64 (in Russ.)*.
17. Loginov D. M. How the Russian population survived the crisis of the second half of the 2010s. *Voprosy ekonomiki*, 2020: 12: 41–61. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>
18. Loginov D. M. Social well-being of the Russian population during the acute phase of the epidemiological crisis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2020: 6: 470–487. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>
19. Povsednevnyaya deyatelnost' gorodskikh zhitelej v gody reform: byudzhet vremeni, cennosti, tendencii (1986–2008) [Everyday activities of urban residents during the reform years: time budget, values, trends (1986–2008)] / Ed. By T. M. Karahanova. Moscow, Institut sociologii RAN, 2010: 344 (in Russ.).
20. Radaev V. V. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 3: 15–33. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
21. Tihonova N. E., Karavaj A. V. Resources of Russians in the crisis conditions: dynamics and role in adaptation to new conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 10: 43–53 (in Russ.).

The article was submitted on: April 13. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina P. Bessokirnaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

СОЦИУМ И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.742

Региональный университет как социальный институт (на примере Ингушского государственного университета)

Ссылка для цитирования: Сампиев И. М. Региональный университет как социальный институт (на примере Ингушского государственного университета) // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 164–175. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.742

For citation: Sampiev I. M. Regional University as a Social Institution (on the example of the Ingush State University). *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 164–175. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.742

**Сампиев
Исрапил Магометович¹,**

¹Ингушский государственный университет,
Магас, Россия

israpil@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 429056

Аннотация. В статье анализируется региональный вуз как социальный институт на примере кейса Ингушского государственного университета. Дается общая характеристика университета. Показано, что региональный университет в современных условиях как социальный институт приобретает особое значение и как научное учреждение, и как главный элемент регионального образовательного пространства, и как центр инновативной экономики. Ингушский университет ориентируется на непрерывное профессиональное образование, включающее довузовскую подготовку, среднее профессиональное образование, высшее профессиональное образование различного уровня, а также послевузовское и дополнительное профессиональное образование. Расширяются возможности получения среднего профессионального и высшего образования для социально уязвимых слоёв населения. Университет является одним из самых крупных работодателей в регионе, поэтому в статье подчеркнута его роль в решении проблемы занятости и трудоустройства выпускников. Он даёт возможности стабильной занятости представителям высшей квалификации, которые иначе не смогли бы найти себе применение в силу особенностей структуры депрессивной региональной экономики. Кроме того, в Ингушском государственном университете формируются условия для развития малых инновационных предприятий. Локомотивом здесь выступает Инжиниринговый центр как поставщик на российский рынок сорбента с высокой сорбционной ёмкостью. Центр нацелен на долгосрочное решение задач в сфере разработки модифицированных сорбционных материалов, которые используются в целом ряде отраслей, включая медицину и агрономию, применяются для ликвидации загрязнений окружающей среды в результате разлива нефти, для очистки сточных вод от различных органических веществ. Культуросоздающая роль университета в пространстве региональной культуры весьма многогранна. Вуз, с одной стороны, является частью

мирового культурно-образовательного сообщества, с другой – ведёт работу по сохранению, развитию и распространению культуры народов региона. Проанализирована интегративная функция университета в создании и поддержке единого образовательно-культурного пространства как важного условия государственного единства и устойчивого развития нашей многонациональной страны Подчёркнута роль личности ректора в решении задач, стоящих перед региональным университетом в современных условиях.

Ключевые слова: университет, социальный институт, образование, наука, Республика Ингушетия, миссия университета, человеческий капитал

На встрече со студентами ведущих вузов, школьниками и преподавателями 22 января 2020 г. в Сочи Президент России В. В. Путин подчеркнул возрастающую роль региональных учреждений высшего образования: «Нужно развивать... вузы на местах – прямо там, где люди живут, учатся. И там же они должны найти место работы. Нужна бóльшая связь... с рынком труда, с работодателями... Нужно прекратить безразмерно раздувать вузы в... Москве, Петербурге»¹. Что это линия, обозначенная Президентом, будет конкретизирована и носить долгосрочный характер, видно из интервью Министра науки и высшего образования РФ В. Н. Фалькова агентству Новости от 10 февраля 2020 г., где он заявил, что «Развитие университетов и вузов не рассматривается в отрыве от регионов. Университет должен ясно представлять себе региональную повестку, региональные программы развития и участвовать в развитии региональной экономики и социальной сферы»².

Целью этой статьи является оценка роли регионального университета как социального института в контексте модернизации высшего образования на примере одного из самых молодых вузов нашей страны – Ингушского государственного университета (ИнГУ, создан в 1994 г.).

К проблеме роли региональных университетов в общественном развитии обращались многие отечественные и зарубежные исследователи. «Институт» является одним из наиболее популярных понятий в социологическом дискурсе, пришедшим из юриспруденции, где он обозначал совокупность правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения³. В социологии сформировалось несколько интерпретаций концепта «институт», понимаемого как определённая организация социальной деятельности и социальных отношений, осуществляемая посредством взаимосогласованной системы целесообразно ориентированных стандартов поведения [15, с. 394], как определённая организационная

¹ Встреча со студентами ведущих вузов, школьниками, преподавателями и наставниками // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62636> (дата обращения: 25.04.2021).

² Валерий Фальков: Миннауки крестовый поход на вузы не планирует // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200210/1564510144.html> (дата обращения: 25.04.2021).

³ Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 1999. 790 с.

форма комплекса функций, выполняемых некоторыми членами группы от имени всей группы [14, с. 105]. В трактовке А. Турена институт есть механизм, посредством которого культурные ориентации трансформируются в общественную практику [12, с. 57–58.]. Согласно неинституциональным концепциям, институты есть правила взаимодействия между социальными или экономическими акторами [7]. С нашей точки зрения, все эти разнообразные определения фиксируют различные стороны института как социального феномена. К университету приложима практически любая интерпретация института.

Американский социолог Д. Белл доказывает, что университет становится центральным социальным институтом постиндустриального общества [1, с. 334–335]. Полагаем, что вполне согласуется с этим тезисом и то положение, что университет должен быть адаптирован к типу и особенностям конкретного общества и региона, в котором он функционирует. Следовательно, региональный университет в современных условиях приобретает особое значение и как научное учреждение, и как главный элемент регионального образовательного пространства, и как центр инновативной экономики, и как важный социальный институт. Не случайно философ К. Ясперс определил основную миссию университета в триединстве стоящих перед ним задач – исследование, воспитание (образование) и преподавание (трансляция знаний и культуры) [16].

Говоря об участии современных университетов в социальной жизни регионов, Н. Г. Скворцов отмечает, что такая миссия осуществляется по ряду направлений [11, с. 29–30.]:

– вклад университета как крупного работодателя в региональное развитие. Университет повышает уровень занятости населения территории за счёт создания как рабочих мест непосредственно в самом университете, так и новых структур в результате расширения функций современного университета (технопарки, спин-офф-компании и т. д.);

– участие университета в экономическом развитии региона через реализацию его научного потенциала. В первую очередь речь идёт о трансфере технологий: создание научных парков, инкубаторов; система патентования изобретений; оказание консультационных услуг и т. д.;

– удовлетворение потребностей населения региона в услугах высшего образования, укрепление системы высшего образования с региональным рынком труда. Это предполагает осуществление профессионального обучения, включая профессиональную подготовку и непрерывное дополнительное образование, вклад университета в человеческие ресурсы... Таким образом, современный крупный университет работает на регион, оказывая значительное влияние на его развитие. Как же эти положения могут реализовываться на практике? Рассмотрим это на примере деятельности Ингушского государственного университета за последние несколько лет.

Можно отметить, что на сегодняшний день ИнгГУ прикладывает немало усилий, чтобы противостоять вызовам времени. Так, например, он ведёт подготовку по 47 основным образовательным программам в рамках высшего и среднего образования. А с 2019 г. начат набор на такие перспективные и востребованные регионом направления, как нефтегазовое дело, экология и природопользование, социальная работа, электроэнергетика, электротехника. Новые программы открываются в зависимости от тех задач, которые ставятся перед коллективом временем и запросами в квалифицированных кадрах на рынке труда. Подготовка научно-педагогических кадров ведётся по шести программам аспирантуры, а также по семи специальностям клинической ординатуры.

С целью укрепления связи системы высшего образования с региональным рынком труда в Ингушском государственном университете сформирована и совершенствуется система непрерывного профессионального образования, и как первое звено открыт многопрофильный колледж, реализующий направления среднего профессионального образования: информационные системы и программирование, технология аналитического контроля химических соединений и т. д.¹. Естественно, выпускники колледжа в дальнейшем могут продолжить учёбу по образовательной программе высшего образования, и можно прогнозировать, что они в будущем составят часть студентов вуза.

Ингушский университет всё больше ориентируется на непрерывное профессиональное образование, включающее довузовскую подготовку, среднее профессиональное образование, высшее профессиональное образование различного уровня, а также послевузовское и дополнительное профессиональное образование и т. п. Благодаря решениям учредителя и внутренним резервам расширяются возможности получения среднего профессионального и высшего образования для социально уязвимых слоёв населения.

Большую часть преподавательских кадров для ИнгГУ сегодня готовит сам университет. Это характерно и для других региональных университетов, где, по данным Н. В. Сафронова, от 70 до 90% работников – их бывшие выпускники. Преобладание местных кадров позволяет говорить о прочной укоренённости университета в местный социум, историю, культуру и политику региона [10, с. 19].

Значительна роль ИнгГУ и в решении проблемы занятости населения Республики Ингушетия, поскольку университет является одним из самых крупных работодателей в регионе, осуществляющим возможности стабильной занятости представителям высшей квалификации, которые иначе не смогли бы найти себе применение в силу особенностей структуры депрессивной региональной экономики. Так, в ИнгГУ работает 375 преподавателей, в т. ч. 36 докторов наук и профессоров – очень значимый для республики отряд специалистов высшей квалификации.

¹ Всего 12 направлений подготовки СПО, из них 7 – рекомендованные из списка топ-50 министерства науки и высшего образования РФ.

Ситуация с занятостью в Республике Ингушетия самая напряжённая в России¹, поэтому в ИнгГУ обращают особое внимание на проблему трудоустройства выпускников. В этих целях университет традиционно взаимодействует с органами государственной власти и муниципальными образованиями республики, предприятиями и организациями региона, другими заинтересованными структурами. Этой работой занимается Региональный центр содействия трудоустройства выпускников (РЦСТВ), созданный при ИнгГУ, главной целью которого является обеспечение выпускников работой по специальности и адаптация к условиям рынка труда. РЦСТВ во взаимодействии со службой занятости ведёт мониторинг рынка труда не только в Республике Ингушетия, но и в других регионах РФ, организует прохождение производственных и технологических практик в организациях-партнёрах, ведёт сопровождение трудоустроенных выпускников с целью адаптации на производстве и т. д. Благодаря комплексности усилий по трудоустройству выпускников ИнгГУ, увеличивается численность трудоустроенных по специальности. Многие выпускники университета, как правило, устраиваются на работу в своём регионе, однако есть и часть молодых специалистов, которые находят своё призвание в других субъектах России.

В 2017 г. НИУ ВШЭ провёл оценку вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов [4, с. 25]. По этому критерию регионы были поделены на 4 категории: драйверы развития, регионы с высоким, умеренным и низким уровнем влияния. Ингушский государственный университет попал в категорию высокого уровня влияния, что свидетельствует о верно выбранной траектории развития руководством вуза и его профессорско-преподавательским составом. Из трёх общих критериев вклада в жизнедеятельность региона, выделенных исследователями, система высшего образования Республики Ингушетия в лице её единственного вуза вносит значимый вклад в такие субиндексы, как вклад в развитие человеческого капитала и в инновационное развитие. О вкладе в развитие человеческого капитала мы ещё скажем ниже.

Как отмечают специалисты, важным фактором формирования инновационной экономики становится модернизация системы образования как основы стимулирования экономического роста и социального развития общества, а от национальной системы образования требуется быстрая адаптация к сложным изменяющимся экономическим, научно-техническим, социальным, демографическим условиям развития с учётом тенденций в мировом экономическом и научно-образовательном процессе [9]. Исходя из этих требований, то формально можно отметить высокий субиндекс вклада ИнгГУ в инновационное развитие республики, свидетельствующий о том, что Ингушский государственный универ-

¹ По данным Росстата самый высокий уровень безработицы в среднем за февраль-апрель 2021 г. зафиксирован в Ингушетии — 32,2%, затем идут Тыва — 20,4% и Чечня — 18,1%. Четвёртое и пятое места занимают Дагестан — 16,4% и Республика Алтай — 14,7%. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud6_15-s.xls (дата обращения: 10.08.2021).

ситет выступает аттрактором инновационного и устойчивого развития региона. Более того, в этом отношении Ингушский государственный университет идёт в ногу с общероссийскими тенденциями, опережая развитие региональной экономики. И это, несомненно, позитивная тенденция в условиях перехода передовых стран мира к экономике знаний, когда ключевым фактором конкурентоспособности государства становится распространение в национальных инновационных системах новых знаний, идей и технологий [13].

Для реализации этих функций материальной основой призваны стать новые корпуса университета, оснащённые новейшим и инновационным оборудованием, которые соответствуют современным требованиям при подготовке высококвалифицированных специалистов и развитии теоретических практико-прикладных навыков обучающихся.

Также отметим, что в ИнгГУ формируются условия для развития малых инновационных предприятий. Локомотивом здесь выступает Инжиниринговый центр как поставщик на российский рынок сорбента с высокой сорбционной ёмкостью (проект «Разработка модифицированных сорбционных материалов»). Стратегически центр нацелен на долгосрочное решение задач в сфере разработки модифицированных сорбционных материалов – они применяются для ликвидации загрязнений окружающей среды в результате разлива нефти и продуктов её переработки, для очистки сточных вод от различных органических веществ, могут использоваться в медицине, в агрономии и т. д. В рамках разработок фуллерена и фуллереносодержащей сажи высокой чистоты С60 и С70, налажена кооперация с Тюменским физико-техническим институтом РАН им. А. Ф. Иоффе и Кокшетауским государственным университетом им. Ш. Уалиханова (Казахстан). Ведётся работа и по привлечению отечественных и зарубежных заказчиков (ИнгГУ участвует во всех экспоцентрах России).

Однако, если оценивать объективно влияние университета на развитие региона, то можно увидеть слабый субиндекс вклада в региональную экономику, что объясняется в первую очередь высокой дотационностью, неразвитостью промышленного производства, структурными проблемами и слабой экономикой самого субъекта федерации. Выход видится в мерах по «оптимизации отраслевой структуры экономики путём модернизации производственно-технологической базы с вовлечением перспективных инновационных разработок отечественной и зарубежной науки» [6, с. 157], что позволит в полной мере реализовать потенциал университета как своеобразного интегратора различных экономических секторов функциональной структуры региональной экономики, усилить его вклад в развитие экономической сферы региона и в повышение производительности труда. Это становится одной из приоритетных задач вуза на новом этапе его развития.

Вместе с тем, влияние университетов нужно оценивать в более широкой перспективе, охватывающей всю социальную сферу, частью которой они являются. Ведь помимо значимого воздействия на соци-

ально-экономическую сферу, университеты играют важную роль и в социокультурном развитии регионов. Как справедливо отмечает Д. Чарльз, университеты не являются учреждениями, существующими вне общественной системы, они встроены в местные, национальные и глобальную общественные системы. [17, с. 218] На наш взгляд, социокультурная функция университета обладает наиболее широким спектром направлений, качественная реализация которых имеет огромное личностное, общественное и государственное значение. Влияние университета на развитие региональной социокультурной системы проявляется через:

- формирование не только профессиональных, но и морально-эстетических качеств личности обучающихся (реализация воспитательной функции);
- активное участие в воспроизводстве и повышении качества человеческого капитала (креация, аккумуляция и распространение интеллектуальных ресурсов, развитие интеллектуальной активности, формирование и наращивание элитарного слоя населения);
- сохранение, развитие, приумножение, переосмысление и модернизацию общечеловеческих, национальных, региональных и этнических культурных традиций (культурогенерерирующая и сберегающая функция).

Культуросоздающая роль университета в пространстве региональной культуры весьма деятельна и многогранна. При этом вуз, с одной стороны, является частью мирового культурно-образовательного сообщества, с другой – ведёт работу по сохранению, развитию и распространению культуры народов региона. В Ингушском госуниверситете созданы все условия для удовлетворения культурных запросов молодёжи: построен молодёжный досуговый центр, в котором расположился концертный зал на 500 мест, хореографическая студия, специализированные аудитории для кружков прикладного и изобразительного искусства, съёмочная студия, театральная и вокальная студии с соответствующим оснащением.

По мнению Н. И. Латыша, одной из главных функций университета как социального института является социокультурная интегративность, способная объединить прошлое, настоящее и будущее, обеспечить единство таких факторов, как преемственность в культуре, успешная ориентация человека в современной жизни и его готовность приблизить будущее – войти в завтрашний день. Это становится возможным благодаря объединению в университете трёх социальных систем: образования, культуры и науки [3].

По мнению С. А. Кравченко, адекватный ответ на вызовы, которые ставят перед современным человечеством быстрые и не имеющие ясно выраженного вектора изменения (Кравченко называет их метаморфозами), предполагает качественное изменение научного подхода. «... Для диагностики сложных социо-техно-природных реалий, к которым относятся и сложные метаморфозы, как правило, затрагивающие несколько сфер бытия, необходим синтез естественнонаучного, социального и гуманитарного знания ...» [2, с. 214].

В этом контексте Ингушский государственный университет, как и другие вузы в регионах, особенно национальных, выполняет ещё и важную интегративную функцию – создания и поддержки единого образовательного и культурного пространства, являющегося важным условием государственного единства и устойчивого развития нашей многонациональной страны.

Реализация социокультурных функций университета состоит в первую очередь в формировании социального слоя, который, вобрав в себя определённые знания, навыки и умения, потенциально может стать региональной технократической, административной, творческой, педагогической и бизнес-элитой региона. Университет – главный созидатель нового «креативного класса» будущего. В перспективе этот слой благодаря своей высокой интеллектуальной и общегуманитарной активности должен вывести регион на более высокий уровень экономического, технологического и информационного развития, повысить уровень функционирования сферы материальной и духовной культуры, развития идей гражданского общества.

При всём том, в новых условиях не исчезает и такая функция университета, как просвещение в самом широком смысле этого слова. Ведь именно университетская традиция выдвигала на первый план «просвещение» человека, выражавшееся в «приобщении его к культуре времени, открытии перед ним мира» [8, с. 55]. Ингушский университет формирует кадры педагогов школы и среднего профессионального образования, и в силу этого выступает ведущим институтом регионального образовательного пространства.

В современных условиях на университет как социальный институт возлагается и миссия выработки механизмов устойчивого развития общества. Университет, предоставляя квалифицированные кадры, знания, технологии и идеи, играет важную роль в поступательном развитии государства, его экономики, гражданского общества. Велик вклад университетов в формировании социально, экономически и экологически устойчивого будущего для последующих поколений. Именно на решение этих задач были нацелены усилия ИнГУ по лицензированию и открытию таких новых специальностей, как «Социальная работа» и «Экология природопользования».

Университет наращивает и международное сотрудничество. Ингушский госуниверситет входит в Ассоциацию российских и китайских вузов, являясь одним из её учредителей. Взаимодействуем и с другими международными образовательными организациями: с Казахским университетом международных отношений и мировых языков им. Абылай-хана, с Калифорнийским университетом города Беркли, с НИИ древних рукописей им. св. Месропа Маштоца (Матенадаран), что позволит дать новый толчок для исследований истории Кавказа. ИнГУ прошёл аккредитацию у международного Независимого агентства аккредитации и рейтинга (IAAR) по нескольким направлениям подготовки, что обеспечит дополнительные преимущества для кооперации с ведущими научно-образовательными консорциумами мира.

За развитием научной, образовательной деятельности и усилением материально-технической базы университет не забывал и о социальной составляющей. В целях улучшения условий жизни и закрепления

кадров, университет в 2005 г. начал реализацию собственной жилищной программы, в рамках которой в июне 2007 г. сданы в эксплуатацию первые два дома (на 40 и 20 квартир) в г. Магас и начато строительство ещё двух домов на 60 квартир. В рамках программы уже 120 семей получили жильё, а в начале 2021 г. ещё 120 преподавателей и сотрудников получили комфортабельное жильё в столице республики.

Успешность реализации миссии университета во многом обуславливают необходимость выработать стратегии своего развития с учётом особенностей взаимодействия с территориальными органами власти различного уровня, местным сообществом и другими региональными акторами. А взаимодействие это далеко не бесппроблемно, как и сложности социально-экономического и политического контекста в целом Северного Кавказа и Республики Ингушетия в особенности. И здесь руководителю мало быть хорошим профессионалом и знатоком системы высшего образования, его экономики и специфики управления, необходимы ещё и дипломатический талант, креативность и огромная любовь к своему делу. И надо объективно отметить, что в этом отношении ИнгГУ повезло, всеми этими качествами в полной мере обладает ректор, профессор А. М. Мартазанов. Несомненно, если масштабы личности руководителя соответствуют масштабам вызовов, возникающих перед современным университетом, тогда выигрывают все – и университет, и его коллектив, и регион в целом.

За прошедшие годы Ингушский госуниверситет проделал большой путь, превратился в авторитетный многопрофильный научно-образовательный центр. Сегодня перед ИнгГУ сама жизнь ставит новую задачу – цифровизации всех сфер университетской деятельности, готовности к новым задачам и вызовам «онлайнизации» высшей школы [5]. Более того, именно на университете лежит миссия содействия цифровизации всего регионального пространства – его системы управления и социальной политики.

Такими образом, можно констатировать, что Ингушский государственный университет за четверть века встал в ряд самых успешных региональных вузов, доказал свою способность быть одним из лидеров образовательного, социокультурного и научно-инновационного развития Республики Ингушетия, а наработанный им образовательный, научный и организационный потенциал может стать надёжной основой для активного всестороннего развития университета и его дальнейшей интеграции в социально-экономическое пространство Северного Кавказа, России и выхода на международный уровень.

Библиографический список

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999. 956 с.
2. Кравченко С. А. Усложняющиеся метаморфозы: социологические поиски ответов на вызовы. М.: Знание-сила, 2019. 236 с.

3. Латыш Н. И. Идея Университета в контексте современной цивилизации // Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению. Сборник материалов третьей международной научно-практической конференции «Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению» (29–30 апреля 2002 г., Минск) / Под ред. М. А. Гусаковского, А. А. Полонникова. Минск: БГУ, 2002. С. 10–15.

4. Лешуков О. В., Евсеева Д. Г., Громов А. Д., Платонова Д. П. Оценка вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 30 с. // URL: <https://ioe.hse.ru/data/2017/04/03/1168588296/%D0%A1%D0%90%D0%9E%2011%20%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf> (дата обращения: 25.04.2021).

5. Лубский А. В., Ковалев В. В. От «онлайнизации» высшей школы к онлайн-образованию // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 33–50.

6. Луговнина С. М. Формирование и оценка инвестиционной политики в регионе // Российское предпринимательство. 2008. № 3. Вып. 1 (107). С. 157–160.

7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

8. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / Пер. с исп. М. Н. Голубевой. Под ред. М. А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2005. 104 с.

9. Резник Г. А., Пономаренко Ю. С., Курдова Г. А. Функция вуза: новые возможности развития // Мир науки. 2014. Вып. 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PMN414.pdf> (дата обращения 28.04.2021).

10. Сафронов Н. В. Четвертая миссия университета в пространстве региона // Совет ректоров. 2014. № 4. С. 16–25.

11. Скворцов Н. Г. Роль современного университета в развитии региона: социально-гуманитарные аспекты // Гуманитарий Юга России. 2015. № 3. С. 28–35.

12. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Пер. с французского Е. А. Самарской. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

13. Челнокова О. Ю., Фирсова А. А. Взаимодействие университета, бизнеса и государства как фактор развития региона в национальной инновационной системе // Известия Саратовского университета. Новая серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 1-1. С. 26–32.

14. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967. 247 с.

15. Яковлев А. М. Социальные институты // Социология. Основы общей теории / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. 2е изд. М.: Норма, 2008. 912 с.

16. Ясперс К. Идея университета. Мн.: БГУ, 2006. 159 с.

17. Charles D. R. Universities and Engagement with Cities, Regions and Local Communities // Rebalancing the Social and Economic. Learning, Partnership and Place NIACE, 2005. Цит. по: Бараблина С. В., Мехришвили Л. Л. Социальная ответственность: роль высших учебных заведений // Вестник международных организаций. 2012. № 1 (38). С. 203–218.

Статья поступила: 25.06.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сампиев Исрапил Магомедович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии, Ингушский государственный университет, Магас, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.742

Regional University as a Social Institution (On the Example of the Ingush State University)

Israpil M. Sampiev

Ingush state University, Magas, Russia

E-mail: israpil@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8672-3952

For citation: Sampiev I. M. Regional University as a Social Institution (on the example of the Ingush State University). *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 164–175. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.742

Abstract. The article analyses a regional university as a social institution on the example of the case of the Ingush State University. A general description of the university is given. It is shown that a regional university in modern conditions as a social institution acquires special significance both as a scientific institution, and as the main element of the regional educational space, and as a center of an innovative economy. The Ingush University focuses on continuing professional education, that includes pre-university training, secondary vocational education, higher vocational education at various levels, as well as postgraduate and additional vocational education. Opportunities for obtaining secondary vocational and higher education for socially vulnerable segments of the population are expanding. The university is one of the largest employers in the region, therefore, the article emphasises its role in solving the problem of graduates employment. The university provides opportunities for stable employment for representatives of the highest qualifications, who otherwise would not have been able to find an occupation due to the peculiarities of the structure of the depressed regional economy. In addition, the conditions for the development of small innovative enterprises are being formed at the Ingush State University. The driving force behind this process is the Engineering Center, a supplier of a sorbent with a high sorption capacity to the Russian market. The centre is aimed at a long-term solution of problems in the development of modified sorption materials that are used in a wide range of industries, including medicine and agronomy, to eliminate environmental pollution as a result of oil spills, to purify wastewater from various organic substances. The culture-creating role of the university in the space of regional culture is multifaceted. The university, on the one hand, is part of the world cultural and educational community, on the other hand, it works to preserve, develop and spread the culture of the regional peoples. The article analyses the integrative function of the university in the creation and support of a single educational and cultural space as an important condition for state unity and sustainable development of our multinational country. The role of the rector's personality in solving the problems facing the regional university in modern conditions is emphasized.

Keywords: university, social institute, education, science, Republic of Ingushetia, university mission, human capital

References

1. Bell D. Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo [The coming post-industrial society]. Moscow, Academia, 1999: 956 (in Russ.).
2. Kravchenko S. A. Uslozhnyayushchiyesya metamorfozy: sotsiologicheskiye poiski otvetov na vyzovy [Complicated Metamorphoses: Sociological Searches for Answers to Challenges]. Moscow, Znaniye-sila, 2019: 236 (in Russ.).

3. Latysh N. I. Ideya Universiteta v kontekste sovremennoy tsivilizatsii [The idea of the University in the context of modern civilization]. In: Universitetskoye obrazovaniye: ot effektivnogo prepodavaniya k effektivnomu ucheniyu. Sbornik materialov tret'ej mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Universitetskoe obrazovanie: ot effektivnogo prepodavaniya k effektivnomu ucheniyu" (29–30 aprelya 2002 g., Minsk) [University education: from effective teaching to effective teaching]. Ed. by M. A. Gusakovskogo, A. A. Polonnikova. Minsk, BGU, 2002: 10–15 (in Russ.).
4. Leshukov O. V., Evseeva D. G., Gromov A. D., Platonova D. P. Otsenka vkladа regional'nykh sistem vysshego obrazovaniya v sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye regionov Rossii [Assessment of the contribution of regional higher education systems to the socio-economic development of Russian regions] / National Research University "Higher School of Economics", Institute of Education. Moscow: NIU VSHE, 2017: 30. Accessed 25.04.2021. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2017/04/03/1168588296/%D0%A1%D0%90%D0%9E%2011%20%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf> (in Russ.).
5. Lubsky A. V., Kovalev V. V. From online High school to online education. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2020: 9: 2: 33–50 (in Russ.).
6. Lugovnina S. M. Formirovaniye i otsenka investitsionnoy politiki v regione [Formation and assessment of investment policy in the region]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*, 2008: 3: 1 (107): 157–160 (in Russ.).
7. North D. Institutions, institutional change and economic performance. Transl. from Eng. by A. N. Nesterenko. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997: 180 (in Russ.).
8. Ortega y Gasset H. Missiya universiteta [Mission of the University]. Ed. By M. A. Gusakovskiy. Transl. from Spanish by M. N. Golubeva. Minsk, BGU, 2005: 104 (in Russ.).
9. Reznik G. A., Ponomarenko Yu. S., Kurdova G. A. Functions of the university: new development opportunities. *Mir nauki*, 2014: 4. Accessed 28.04.2021. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PMN414.pdf> (in Russ.).
10. Safronov N. V. Chetvertaya missiya universiteta v prostranstve regiona [The fourth mission of the university in the space of the region]. *Sovet rektorov*, 2014: 4: 16–25 (in Russ.).
11. Skvortsov N. G. The role of a modern university in the development of the region: social and humanitarian aspects. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2015: 3: 28–35 (in Russ.).
12. Touraine A. Vozvrashcheniye cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii [Return of the acting person. Essay on Sociology]. Transl. from French by E. A. Samarskaya. Moscow, Nauchnyy mir, 1998: 204 (in Russ.).
13. Chelnokova O. Yu., Firsova A. A. Vzaimodeystviye universiteta, biznesa i gosudarstva kak faktor razvitiya regiona v natsional'noy innovatsionnoy sisteme [The interaction of the university, business and the state as a factor in the development of the region in the national innovation system]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo*, 2014: 14: 1-1: 26–32 (in Russ.).
14. Schepansky J. Elementarnyye ponyatiya sotsiologii [Elementary concepts of sociology]. Novosibirsk, 1967: 247 (in Russ.).
15. Yakovlev A. M. Sotsial'nyye instituty [Social institutions]. In: Sotsiologiya. Osnovy obshchey teorii [Sociology. Foundations of general theory]. General ed. by G. V. Osipov, L. N. Moskvichyov. 2nd ed. Moscow, Norma, 2008: 912 (in Russ.).
16. Jaspers K. Ideya universiteta [The idea of the university]. Minsk: BGU, 2006: 159 (in Russ.).
17. Charles D. R. Universities and Engagement with Cities, Regions and Local Communities. In: Rebalancing the Social and Eco-nomic. Learning, Partnership and Place NIACE, 2005. Quoted by: Barablina S. V., Mekhrishvili L. L. [Social responsibility: the role of higher educational institutions]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 2012: 1 (38): 203–218 (in Russ.).

The article was submitted on: June 25.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Israpil M. Sampiev, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Sociology and Politology, Ingush State University, Magas, Russia

СОЦИУМ И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.743

Выпускники школ как основа человеческого капитала региона (на примере Республики Тыва)

Ссылка для цитирования: Ойдуп Т. М., Кылгыдай А. Ч. Выпускники школ как основа человеческого капитала региона: на примере Республики Тыва // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 3. С. 176–188. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.743

For citation: Oydup T. M., Kylgiday A. Ch. School graduates as the basis of the human capital of the region on the example of the Republic of Tyva. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 176–188. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.743

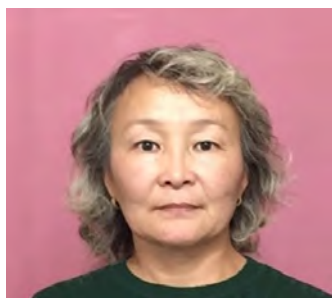

**Ойдуп
Тана Михайловна¹**

¹Тувинский институт
комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
Кызыл, Россия

tana_o@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 138603

**Кылгыдай
Ай-кыс Чамдаловна¹**

¹Тувинский институт
комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
Кызыл, Россия

aikys_k@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 619650

Аннотация. В современных условиях межрегиональной конкуренции остро встаёт вопрос привлечения и сохранения человеческого капитала региона. Республика Тыва в данном межрегиональном соперничестве существенно проигрывает. Небольшой выбор учебных заведений, высокая безработица, отставание региона в инфраструктурной обеспеченности – всё это в совокупности снижает привлекательность региона для своих выпускников и трудовых мигрантов из других регионов. Одним из главных ресурсов человеческого капитала любого региона являются выпускники школ 9 и 11 классов. Выпускники выбирают свою будущую профессию, вуз, место для дальнейшего своего проживания (остаться в другом городе или вернуться на малую родину). Тем самым они неосознанно определяют, какой регион получит новые человеческие ресурсы.

В данной статье анализируются результаты опросов выпускников школ столицы Республики Тыва – города Кызыла, проведённых в 2010 и 2019 гг. Сравнительный анализ показал, что на фоне социально-экономических изменений, которые произошли в республике за деся-

тилете, отмечаются перемены в предпочтениях выпускников при выборе будущих профессий. Можно отследить чёткую зависимость между увеличением предложений рабочих мест на рынке труда и ростом популярности определённых профессий. По результатам социологического исследования можно констатировать, что при сохранении текущей социально-экономической ситуации в Республике Тыва, большинство выпускников школ города Кызыла не станут основой для формирования человеческого капитала региона. Для республики остаются актуальными вопросы создания новых рабочих мест, повышения социальной привлекательности региона для дальнейшего проживания, что включает в себя решение жилищно-бытовых вопросов, а также вопросов повышения качества социального обслуживания населения, транспортной доступности, повышения уровня жизни населения. Всё перечисленное в совокупности будет способствовать формированию человеческого капитала региона.

Ключевые слова: человеческий капитал, выпускники, школа, регион, образование, Тыва

Для Республики Тыва изучение вопроса человеческого капитала актуально не только потому, что данный вопрос на сегодняшний день является мейнстримом социально-экономической политики любого региона, но и потому, что для Тывы вопрос обостряется из-за ряда внутренних застарелых причин: демографической, экономической и социальной.

Во-первых, демографическая причина. Численность населения Республики Тыва на 1 января 2019 г. составляла 324,4 тыс. чел., в городе Кызыле проживает практически половина всех жителей республики – 117,9 тыс. чел. Доля населения моложе трудоспособного возраста составляет в республике 34,6%, в Кызыле – 26,9%, при этом наиболее многочисленная группа молодёжи – учащиеся общеобразовательных школ. Сохраняется высокая рождаемость, общий коэффициент которой продолжительный период держится на высоком уровне. По состоянию на 2018 г. он составлял 20,2, что позволило Тыве занимать второе место по стране. В совокупности всё перечисленное подводит к тому, что коэффициент демографической нагрузки насчитывал в 2019 г. 859 лиц на 1 тыс. чел. трудоспособного возраста, в том числе 643 – нетрудоспособного. Показатели превышают средние цифры по стране и по Сибирскому федеральному округу (СФО). Для сравнения – в Российской Федерации показатель демографической нагрузки на трудоспособное население составляет 785 лиц и всего 331 лицо нетрудоспособного возраста. В СФО – 796 и 368 лиц соответственно. Например, в Республике Хакасия общий коэффициент нагрузки составляет 830, что наиболее приближено к данным Тывы, но коэффициент нагрузки лиц нетрудоспособного населения в расчёте на 1 тыс. трудоспособного там значительно ниже и составляет 401 человек.

Во-вторых, экономическая причина. В регионе отмечается стабильно высокий уровень безработицы среди населения, в 2017 г. он составил 18,3%. Этот показатель самый высокий по СФО (7,3%) и на втором месте по Российской Федерации (5,1%), а выше только в Республике Ингушетия, где уровень зарегистрированной безработицы равен 27%.

В-третьих, причина социальная – сохраняется отток населения за пределы республики. Но стоит отметить, что, преодолев свой исторический максимум в минус 126 на 10 тыс. чел. в 2010 г., коэффициент постепенно снизился к 2018 г. и составил минус 30. Уезжает молодёжь, лица активного трудоспособного возраста, составляющие основу трудовых ресурсов. Примерно до 2010 г. наблюдалась тенденция отъезда высокообразованных специалистов, которые не смогли трудоустроиться по возвращению на родину после окончания учёбы. С 2010 г. и до настоящего времени к трудовой миграции присоединились жители даже со средним специальным образованием – строители, сварщики, плотники, средний медперсонал и другие. По месту нового жительства они устраиваются работать либо по специальности, либо выбирают любую другую приемлемую оплачиваемую работу – грузчика, продавца, кассира, водителя городского транспорта и др.

Решить эти и многие другие вопросы должна принятая Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года, в которой прописаны мероприятия и проекты, призванные обеспечить динамичное развитие региона, привлечь дополнительные инвестиции, снизить напряжённость на рынке труда и сократить безработицу. К 2030 г. планируется, что базовый уровень безработицы составит 10,1% (целевой 7%). Будут созданы новые рабочие места по стратегическим сферам развития Республики Тыва, таким как разработка и освоение минерально-сырьевых запасов, производство и переработка сельскохозяйственной продукции, расширение торговли, гражданского строительства, дорожно-транспортной инфраструктуры и др. Для реализации всего объёма намеченных приоритетных целей в первую очередь необходим человеческий капитал региона.

Изучение социально-экономического положения и развития региона малоэффективно без анализа жизненных планов, интересов, потребностей молодёжи в таких значимых сферах жизнедеятельности, как получение образования и дальнейшая трудовая деятельность. Необходимо выяснить корни сложившихся установок при выборе будущей профессии у молодых людей. Проблемы выбора образования и будущей профессии весьма значимы как с точки зрения определения жизненного пути каждого отдельного молодого человека, так и с точки зрения сохранения преемственности поколений в профессиях. Молодёжь является ресурсом формирования человеческого капитала региона. «Люди становятся «капиталом» в той мере, в какой превращаются в универсальный фактор производства и источник любых возможностей, подобно тому, как ранее деньги превратились из средства товарообмена в денежный капитал, став универсальным носителем любых возможностей» [9, с. 10].

Формирование основ для качественного человеческого капитала начинается с первой ступени общего образования – со школы, а точнее, на этапе выбора будущей профессии. Таким этапом для школьников являются девятый и одиннадцатый классы, когда молодой человек готов сделать первый шаг во взрослую жизнь. Каждый выпускник школы

сталкивается с проблемой выбора будущей профессии. Кем быть? На кого учиться? Этими вопросами задаётся он сам, его друзья, родители и учителя. Выпускники девятых классов поступают в средние профессиональные учебные заведения, а у одиннадцатиклассников есть возможность выбора в получении либо среднего профессионального, либо высшего образования.

Выбор профиля учебного заведения предопределяет будущий жизненный путь, который предстоит пройти молодому человеку, став его «социальным лифтом» [6]. «Образование позволяет ... в перспективе улучшить «качество жизни», завоевать определённый социально-экономический статус» [5, с. 94].

Таким образом, вопрос формирования человеческого капитала весьма актуален. С позиций человеческого потенциала регион обладает ресурсами, чему способствует высокая рождаемость, но станет ли данный ресурс капиталом для республики – это вопрос, на который сложно дать однозначный ответ.

Формирование человеческого капитала на этапе выбора будущей профессии начинается с образования. В современных условиях образование становится тем внутренним ресурсом молодого человека, который он может предложить на рынке труда, и чем качественней данный капитал, тем более конкурентным будет являться сам молодой человек. Но данная позиция, которую можно назвать рациональной и экономически обоснованной, не всегда отражается в реальных потребностях и стремлениях выпускников школ. Выяснить, какие профессии выбирают современные выпускники, чем они мотивируются при выборе специальности, мы попытались в ходе соцопроса школьников 9 и 11 классов города Кызыла. В ноябре 2010 и декабре 2019 гг. сотрудниками Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН было организовано анкетирование выпускников. В опросе 2010 г. приняло участие 311 чел., из которых 196 учащихся 9-х и 115 – 11-х классов. Количество учащихся на начало 2019–20 учебного года составляет 68265 детей. По г. Кызылу – 25117 учащихся. Цель опроса – узнать о планах школьников на ближайшую перспективу после окончания школы, о предпочтениях в выборе профессии.

Более 90% опрошенных выпускников собираются продолжить своё образование в учебных заведениях (институте, университете, колледже, техникуме и т. д.). Вторым по популярности был ответ «пойти служить в армию» и «работать», причём учащихся, которые в 2019 г. по сравнению с 2010 г. выбрали «начать работать», стало больше почти на 15%. Также отмечается рост выпускников, намеривающихся создать семью.

В 2010 г. в числе приоритетных для выпускников были профессии: медицинский работник, юрист, экономист, психолог и др. В 2019 г. наблюдается смещение в сторону инженерных и военных профессий (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Выбор будущих профессий в ответах выпускников, %
Choice of future professions in the responses of graduates, %

Ответы на вопрос: «После окончания школы, какую специальность ты хотел бы выбрать?»	2010	2019
Медицинский работник	24,1	19,6
Юрист	20,6	15,0
Психолог	8,7	4,0
Экономист	8,0	6,2
Дизайнер	8,0	8,1
Программист	7,4	11,8
Журналист	5,8	3,1
Менеджер	3,5	3,7
Бухгалтер	2,3	1,9
Геолог	2,3	2,2
Инженер	2,6	9,0
Технические специальности (сварщики, бульдозеристы, крановщики и др.) (далее – ТС)	1,9	3,4
Филолог	1,6	1,6
Работник торговли	1,0	1,2
Педагог	0,6	3,1
Строитель	0,6	1,6
Затрудняюсь ответить	9,3	8,4
Работник сельского хозяйства	0,0	0,0
Другое	13,4	19,3

При выборе будущей профессии школьники руководствуются разными мотивами. В таблице 2 представлены приоритетные профессии учащихся 9 и 11 классов с разбивкой по мотивационным группам. Получилось семь мотивационных групп.

Выпускники, которые выбирают профессию зоолога, руководствуются примером своих родителей или других уважаемых ими людей. Желают реализовать свою мечту в профессии будущие спасатели (МЧС), геологи, филологи-переводчики, архитекторы, госслужащие, фотографы, таможенники, сценаристы и рестораторы.

Для учеников девятых и одиннадцатых классов, которые хотят стать сотрудниками органов внутренних дел, кинологами и военными, важно воплотить свою мечту в жизнь и пойти по стопам родственников.

Будущим строителям важно продолжить семейную династию в профессии, а также высокий заработок.

Таблица 2 (Table 2)

Выбор профессий в зависимости от мотивов выпускников 9 и 11 классов в 2019 г.
The choice of professions depending on the motives of graduates of years 9 and 11 in 2019

Мотивационные группы	9 класс	11 класс
Первая группа		
«По этой профессии работает кто-то из твоих родителей или близких родственников»	Зоолог	Зоолог
Вторая группа		
«Это моя мечта»	МЧС (спасатель), филолог (переводчик), архитектор, геолог, госслужащий, фотограф, таможенник, сценарист, ресторатор	МЧС, ресторатор, сценарист, таможенник, фотограф, госслужащий, геолог, архитектор, филолог
Третья группа		
«По этой профессии работает кто-то из твоих родителей или близких родственников» «Это твоя мечта»	МВД, кинолог, военный	МВД, кинолог, военный
Четвёртая группа		
«По этой профессии работает кто-то из твоих родителей или близких родственников» «Эта профессия хорошо оплачивается»	Строитель	Строитель
Пятая группа		
«По этой профессии работает кто-то из твоих родителей или близких родственников», «Это твоя мечта», «Эта профессия хорошо оплачивается», «Эта профессия престижная»	Журналист, работник торговли, менеджер	Работник торговли, менеджер, журналист
Шестая группа		
«Это твоя мечта», «Ты знаешь, что после получения диплома легко найдёшь работу», «Эта профессия хорошо оплачивается», «Эта профессия престижная»	Педагог и психолог	Педагог и психолог
Седьмая группа		
«По этой профессии работает кто-то из твоих родителей или близких родственников», «Это твоя мечта», «Ты знаешь, что после получения диплома легко найдёшь работу», «Эта профессия хорошо оплачивается», «Эта профессия престижная»	Бухгалтер, медицинский работник, инженер, экономист, юрист, дизайнер, ТС, программист	Бухгалтер, инженер, экономист, медицинский работник, юрист, дизайнер, ТС, программист

Выбирая профессии журналиста, работника торговли и менеджера, дети мотивировались продолжением семейных традиций, своей мечтой, высоким заработком и престижностью профессии.

Стоит отметить, что только с шестой мотивационной группы для выпускников становится актуальным такой важный момент, как гарантированное трудоустройство после получения диплома. Так, например, для школьников, выбравших профессии педагога и психолога, кроме реализации мечты, престижности выбранной профессии и достойного заработка, важным является и трудоустройство по специальности.

И, наконец, самая мотивированная седьмая группа – выбор профессии бухгалтера, медицинского работника, инженера, экономиста, юриста, дизайнера, ТС, программиста. Выпускники уверены, что смогут трудоустроиться, заработок будет высоким, профессия престижная, они продолжат семейные традиции и воплотят в жизнь свои мечты.

Данная уверенность основана отчасти на объективном понимании положения дел на рынке труда региона. На сегодняшний день востребованными остаются медицинские работники (как врачи, так и средний медицинский персонал). В данном случае выбор школьников коррелируется с социально-экономическими изменениями, которые произошли за десятилетний период в республике. Реализация крупных инвестиционных проектов по освоению минерально-сырьевых ресурсов за последние десять лет привела к тому, что возросли потребности в инженерных кадрах. В современных условиях развития научно-технического прогресса, повсеместной цифровизации и компьютеризации практически всех процессов жизнедеятельности человека, профессия программиста будет получать всё большую востребованность на рынке труда. Технические специальности (сварщики, бульдозеристы, крановщики и др.), так называемые профессии «человека труда», для которых не требуется получение высшего образования, также становятся высоко востребованными и высокооплачиваемыми; это накладывает отпечаток на то, что дети начинают всё чаще выбирать эти профессии. Данный факт подтверждается и результатами нашего исследования. С 2010 по 2019 гг. отмечается рост количества выпускников, желающих поступить в средние специальные образовательные учреждения. Если в 2010 г. 19,4% опрошенных выпускников выбрали техникумы и колледжи, то в 2019 г. их стало больше в два раза – 40%. Так, в исследованиях Д. Л. Константиновского и Е. С. Поповой [1, с. 6–26; 2, с. 5–19] отмечается, что в социальном поведении выпускников школ произошли значимые изменения: вектор выбора молодёжью образовательных и профессиональных траекторий поменял направление. Согласно сообщению ТАСС, по результатам опроса портала Superjob.ru «среди выпускников растёт спрос на получение знаний в средних специальных учебных заведениях. Если в 2010 г. только 8% опрошенных планировали поступать в колледжи, то в 2019 г. доля таких россиян выросла до 27%» [1, с. 7].

По результатам исследования, проведённого с 15 по 26 апреля 2019 г. Центром исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН, в Республике Тыва отмечается высокая доля лиц с высшим образованием, но при этом «в настоящее время более трети респондентов с высоким уровнем образования вынуждены заниматься низкоквалифицированным трудом. Надо ли говорить, что <они> несут боль-

шие потери не только в профессиональном, но и в социальном отношении. Невостребованность на рынке труда некоторых специальностей, полученных респондентами в процессе профессионального обучения, повышает степень неэффективности использования специалистов высокого уровня, что позволяет говорить о дисбалансе спроса и предложения и в этом сегменте рынка» [7, с. 12]. Таким образом, можно сказать, что наличие высшего образования не гарантирует выпускнику трудоустройство после получения диплома при возвращении в родной регион.

Такие профессии, как бухгалтер, юрист, экономист, по данным Министерства труда и социального развития Республики Тыва, являются самыми невостребованными у работодателей. Тем не менее школьники, воспринимая информацию о рынке труда лишь частично, склоняются в пользу этих традиционно популярных профессий, что делает весьма низкой вероятность у выпускника профессионального учебного заведения найти работу по специальности. Но многие опрошенные школьники, уверенные в себе и своём будущем успешном трудоустройстве, упорно выбирают невостребованные на рынке труда профессии. Это позволяет нам сделать вывод, что эти выпускники не только самые мотивированные и их выбор обоснован, но и самоуверенные, что тоже не лишне, а может быть и нужно в современных условиях.

С формированием в Тыве в 2015 г. военного подразделения и дислокацией мотострелковой бригады, наиболее востребованными на рынке труда стали военные специальности (профессии) – «стрелок», «военный водитель», «водитель грузовых автомобилей», «пулемётчик» и др. Также наряду с реализацией новых промышленных проектов в республике востребованы квалифицированные кадры инженерно-технических специальностей, кадры для горнорудной промышленности.

Выбор будущей профессии – это очень важный вопрос для молодого человека и для всей республики. Для выпускника решается вопрос его дальнейшей жизни, и какой бы он ни сделал выбор в пользу той или иной профессии, он будет работать по этой специальности там, где она востребована. А вот в отношении региона вопрос не решается однозначно. Выпускник только тогда станет частью человеческого капитала для региона, когда после получения диплома он вернётся на родину и свою профессиональную деятельность будет осуществлять на территории республики. В противном случае республиканский человеческий капитал получит другой регион.

По результатам опроса «очевидно резкое снижение доли желающих работать в родной республике: в 2010 г. о намерении работать в республике заявили 39,2%, а в 2019 г. – всего 15,9% опрошенных. Больше половины планируют трудоустроиться за пределами республики – 58,3% (2019 г.), в 2010 г. их было 35,1%» [3, с. 151; 4]. Выпускникам был задан вопрос: «После окончания учебного заведения (вуз, колледж и др.) где ты планируешь найти работу?» и предложены варианты ответов: в республике, в других городах Сибири, в других городах России, за границей. Результаты анализа ответов респондентов демонстрируют, что только будущие сотрудники ФСБ и артисты на 100% планируют

работать в республике. Большая часть выпускников, выбравших профессию военного, планируют вернуться в Тыву, но треть хотели бы трудиться в других городах России (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

**Выбор места проживания после получения диплома выпускниками
в зависимости от их приоритетной профессии, %**
*Graduates' choice of place of residence after graduation,
depending on their priority profession, %*

Профессии/ специальности	После окончания учебного заведения (вуз, колледж и др.) где ты планируешь найти работу?				
	В республике	В других городах Сибири	В других городах России	За границей	Затрудняюсь ответить
ФСБ	100,0				
Артист	100,0				
Военный	47,4	5,3	36,8	10,5	
Юрист	20,8	8,3	45,8	4,2	20,8
Педагог	20,0		60,0		20,0
Строитель	20,0	60,0		20,0	
ТС	18,2	27,3	27,3	9,1	18,2
Инженер	16,7	23,3	36,7	10,0	13,3
Бухгалтер	16,7		33,3	16,7	33,3
Дизайнер	15,4	3,8	42,3	23,1	15,4
Психолог	15,4	7,7	38,5	23,1	15,4
Экономист	15,0	15,0	45,0	20,0	5,0
Геолог	14,3		42,9	42,9	
Медицинский работник	11,1	15,9	46,0	14,3	12,7
МЧС	11,1	22,2	55,6		11,1
МВД	9,1	9,1	63,6		18,2
Кинолог	3,9				
Журналист			70,0		30,0
Менеджер		16,7	58,3		25,0
Программист		18,4	44,7	13,2	23,7
Работник сельского хозяйства					
Работник торговли		25,0	50,0	25,0	
Филолог			77,8	22,2	
Архитектор			100,0		
Госслужба			100,0		
Гостиничный сервис		100,0			
Зоолог			100,0		
Лётчик				2,9	
Повар			100,0		
Ресторатор (владелец заведений общепита)			100,0		
Сценарист				100,0	
Таможенник				100,0	
Фотограф			100,0		

Таким образом, большинство выпускников школ после получения образования в профессиональных учебных заведениях не планируют возвращаться работать в Республику Тыва, стать частью человеческого капитала своей малой родины. Конечно, молодым умам свойственно планировать многое, мечтать о большем, этим и прекрасна молодость, когда вся жизнь ещё впереди, но факт остаётся фактом – значительная часть выпускников школ города Кызыла не хотела бы после получения диплома о специальном профессиональном образовании жить и работать в регионе. Объективной причиной данных установок является социально-экономическая ситуация и связанная с ней высокая безработица в регионе. Хорошо представляя, с какими трудностями придётся им столкнуться при поиске работы, боясь угрозы безработицы, выпускники хотели бы трудоустроиться в других регионах и городах страны и, возможно, даже за её пределами.

Особенно остро данная тема звучит на фоне того, что соседние регионы, такие как Красноярский край, Новосибирская область имеют положительную или очень низкую миграционную динамику. В 2010 г. был разработан план формирования человеческого потенциала Красноярского края до 2030 г. Одним из основных моментов развития человеческого потенциала региона рассматривается привлечение трудовых мигрантов из соседних регионов. Сокращение коэффициента миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения в Красноярском крае может служить гипотетическим подтверждением того, что принятая стратегия развития человеческого потенциала Красноярского края работает, и это делает край привлекательным для жителей соседних регионов (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения
Migration growth rate per 10,000 population

Регионы	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Республика Алтай	-49	-28	-14	-17	-35	1	-10	4	-13	-16
Республика Тыва	-93	-126	-125	-119	-110	-79	-76	-42	-33	-30
Республика Хакасия	-17	-21	-19	-10	-6	11	6	4	-1	-17
Алтайский край	-78	-33	-24	-26	-27	-14	-19	-27	-34	-32
Красноярский край	-64	-15	28	13	5	3	10	17	3	-1
Иркутская область	-76	-59	-28	-30	-35	-30	-25	-30	-25	-25
Кемеровская область	-17	-13	-10	-17	-22	-19	-7	-10	-15	-31
Новосибирская область	12	26	81	80	73	50	45	55	38	29
Омская область	-37	-31	-9	-16	-14	4	-9	-30	-50	-62
Томская область	-17	75	79	45	35	21	1	2	-11	-6

Заключение

Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Республике Тыва, и стратегические цели, поставленные для кардинального изменения текущего положения, указывают на актуальность и значимость

главного вопроса статьи, на проблему человеческого капитала региона. Можно отследить чёткую зависимость между увеличением предложений рабочих мест на рынке труда и ростом популярности определённых профессий. В республике началось активное освоение полезных ископаемых, заработали горнодобывающие комбинаты, а в приоритетах выпускников появилась такая профессия, как горный инженер. Военная часть повысила популярность военных профессий. Школьники и их родители адекватно реагируют на изменения на рынке труда, стараясь выбирать заведомо успешные специальности для дальнейшего трудоустройства, и соответствующе реагируют на отсутствие рабочих мест: не получается найти работу – уезжают в другие регионы или не возвращаются после окончания учёбы в республику.

Несомненно, вопрос формирования человеческого капитала шире тех аспектов, которые представлены здесь, и требуют дополнительной детальной проработки. За кадром остались проблемы социального обеспечения, медицинского обслуживания, доступности всех уровней образования (от дошкольного до высшего), жилищно-бытовой обеспеченности и многие другие вопросы, которые в совокупности позволяют составить общее представление, в каких условиях формируется человеческий капитал и являются ли данные условия конкурентными по сравнению с другими регионами.

Авторы считают достигнутой цель данной статьи: раскрыть устремления выпускников в выборе профессии и их дальнейшие планы на профессиональную деятельность; определить, будут ли они связаны с Республикой Тыва; пополнят ли выпускники в будущем человеческий капитал региона. По результатам социологического исследования можно констатировать, что при сохранении текущей социально-экономической ситуации в Республике Тыва большинство выпускников школ города Кызыла не станут будущей основой для формирования человеческого капитала региона.

Для республики остаются актуальными вопросы создания новых рабочих мест, повышения социальной привлекательности региона для дальнейшего проживания, что включает в себя решение жилищно-бытовых вопросов, повышения качества социального обслуживания населения, решения вопроса транспортной труднодоступности, повышения уровня жизни населения – всё это в совокупности поможет в решении вопросов формирования человеческого капитала региона, в том числе из числа выпускников школ.

Библиографический список

1. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Среднее vs высшее // Мир России. 2020. Т. 29. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26
2. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Отношение молодежи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 5–19.

3. Кылгыдай А. Ч., Ойдуп Т. М. Профессиональная ориентация выпускников школ в Республике Тыва // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 151. DOI: 10.31857/S013216250009162-1

4. Ойдуп Т. М., Кылгыдай А. Ч. Профессиональные предпочтения учащихся выпускных классов общеобразовательных школ г. Кызыла (результаты социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 89–103.

5. Скутнева С. В. Стратегии жизненного самоопределения молодежи в трудовой сфере // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 94.

6. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. А. Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 295–425.

7. Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва: [монография] / Отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. Москва–Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020

8. Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/e5d7757d02411b83d11bedda5f064078/61218rt.pdf> (дата обращения: 14.06.2021).

9. Человеческий капитал Красноярского края: Форсайт-исследование 2030 / Аналитический доклад; под ред. В. С. Ефимова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. 126 с.

Статья поступила 16.08.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ойдуп Тана Михайловна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Кызыл, Россия

Кылгыдай Ай-кыс Чамдаловна, научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Кызыл, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.743

School Graduates as the Basis of the Human Capital of the Region (On the Example of the Republic of Tyva)

Tana M. Oydup

Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS, Kyzyl, Russia

E-mail: tana_o@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3125-3361

Ai-kys Ch. Kylgiday

Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS, Kyzyl, Russia

E-mail: aikys_k@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4608-7968

For citation: Oydup T. M., Kylgiday A. Ch. School graduates as the basis of the human capital of the region on the example of the Republic of Tyva. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 176–188. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.743

Abstract. In the modern conditions of interregional competition, there arises the issue of attracting and preserving the human capital of the region. The Republic of Tyva is losing significantly in this interregional rivalry. The factors that reduce the attractiveness of the region for its graduates and labor migrants from other regions are a small selection of educational institutions, high unemployment, the region's lagging behind in infrastructure provision. Grades 9 and 11 students are one of the main sources of human capital in any region. Graduates choose their future profession, university, place for their further residence (stay in another city or return to their small homeland). Thus, they unconsciously determine which region will receive new human resources.

This article analyses the results of surveys of school graduates in the capital of the Republic of Tyva – the city of Kyzyl, conducted in 2010 and 2019. Comparative analysis showed that against the background of socio-economic changes that have taken place in the republic over the decade, the preferences of graduates when choosing future professions have changed. One can trace a clear relationship between the increase in the supply of jobs in the labor market and the growing popularity of certain professions. According to the results of sociological research, it can be stated that while maintaining the current socio-economic situation in the Republic of Tyva, the majority of school graduates in the city of Kyzyl will not become the basis for the formation of the region's human capital. For the republic, the issues of creating new jobs, increasing the social attractiveness of the region for further living, that includes solving housing and household issues, as well as improving the quality of social services for the population, transport accessibility, and improving the standard of living of the population, remain relevant. All of the above in aggregate will contribute to the formation of the region's human capital.

Keywords: human capital, graduates, school, region, education, Tyva

References

1. Konstantinovskiy D., Popova E. Vocational vs Higher Education. *Mir Rossii*, 2020: 29: 2: 6–26. (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26
2. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. The Intention of Young People to Higher Education as an Important Resource of Innovative Development of Russia. *Obshhestvennye nauki i sovremennost*, 2016: 1: 5–19 (in Russ.).
3. Kylgydaj A. Ch., Oydup T. M. Professional orientation of school graduates in the Tuva Republic. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 4: 149–153. (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009162-1
4. Oydup T. M., Kylgydaj A. Ch. Professionalnye predpochteniya uchashhihsja vypusknyh klassov obshheobrazovatelnyh shkol g. Kyzyla (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya) [Professional preferences of graduate class students in Kyzyl's schools (results of sociological research)]. *Novye issledovaniia Tuvy*. 2011: 1: 89–103 (in Russ.).
5. Skutneva S. V. Strategii zhiznennogo samoopredeleniya molodezhi v trudovoj sfere [Strategies of youth life self-determination in labor sphere]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2006: 10: 88–94 (In Russ.).
6. Socialnaja stratifikacija i mobilnost [Social stratification and mobility]. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. Moscow, Politizdat, 1992: 295–425 (in Russ.).
7. Socialno-stratifikacionnye processy v Respublike Tyva: (monografija) [Socio-stratification processes in the Republic of Tyva]. Ed. by Z. T. Golenkova, Ju. V. Goliusova, P. E. Sushko. Moscow, FNIS RAN, 2020: 128 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020
8. Strategy of socio-economic development of the Republic of Tyva until 2030. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Accessed 14.06.2021. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/e5d7757d02411b83d11bedda5f064078/61218rt.pdf> (in Russ.).
9. Chelovecheskij kapital Krasnojarskogo kraja: Forsajt-issledovanie – 2030. Analiticheskij doklad [The human capital of the Krasnoyarsk Territory: Foresight research-2030]. Ed. by V. S. Efimov. Krasnojarsk, Sibirskij federal'nyj universitet, 2010: 126 (in Russ.).

The article was submitted on: August 16. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tana M. Oydup, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Tuvianian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS, Kyzyl, Russia
Ai-kys Ch. Kylgiday, Researcher, Tuvianian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS, Kyzyl, Russia

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.744

Смертность как социальная проблема: 2001–2017 гг.

Ссылка для цитирования: Воронин Г. Л. Смертность как социальная проблема: 2001–2017 гг. // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 3. С. 189–208. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.744

For citation: Voronin G. L. Mortality as a social problem: 2001–2017. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 189–208. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.744

**Воронин
Геннадий Леонидович^{1,2}**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

²Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

voroningl@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 199958

Аннотация. В статье представлен социологический анализ смертности населения постсоветской России. Анализируются социально-демографические характеристики респондентов, ушедших из жизни по причинам болезней системы кровообращения, органов дыхания, онкологических заболеваний, самоубийств, убийств, внешних причин и вследствие старости. В качестве эмпирической основы выступают статистические данные Росстата (2018 г.) и социологические базы данных RLMS-HSE (2001–2017 гг.)¹, результаты анализа непротиворечивы. В условиях депопуляции России важно не только здоровье отдельного человека, но и здоровье нации в целом. Как показывает анализ, только 5% населения современной России умирают от старости, тогда как 95% смертей – следствие социальных факторов. Причинами сложившейся ситуации, по мнению автора, являются оптимизация российского здравоохранения, «модернизация» экономики, опасная экологическая ситуация, деградации институтов семьи и брака, институтов образования, безработица, низкие доходы населения и др. В статье анализируются социальные факторы, влияющие на причины смерти мужчин и женщин, даны социально-демографические портреты умерших. Автор показывает разворачивающуюся демографическую катастрофу современной России – снижение рождаемости и рост смертности, за которой неминуемо последует экономический крах и социальный хаос. Анализируемая проблема не является уникальной и характерной только для России. Эта катастрофа нависла над странами Восточной Европы и Прибалтики.

¹ Анализ причин смертности проводится по данным RLMS-HSE, начиная с 2001 г., тогда как в статье анализируются данные, начиная с 2000 г. Это связано с тем, что мы узнаём о смерти человека, принимавшего участие в исследовании 2000 г., и её причинах только в 2001 г., а по данным исследования 2018 г. мы выясняем причину смерти респондента, принимавшего участие в исследовании 2017 г. Таким образом, мы работаем с социологическими данными по смертности респондентов с лагом в один год. Именно по этой причине в заголовке статьи указан период 2001–2017 гг.

В качестве эмпирической социологической базы исследования используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, проводимого Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины (Чапел-Хилл) и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва)¹.

Ключевые слова: социальное государство, убыль населения, социальная справедливость, Росстат, НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), демография, рождаемость и смертность, браки и разводы, убийства и самоубийства, причины смерти

Позиционирование России как социального государства присутствует в выступлениях первых лиц государства и декларируется в руководящих документах всех ветвей власти: исполнительной, законодательной и судебной. И здесь прежде всего надо назвать основной закон, оказывающий влияние на все сферы жизни страны, где сказано, что Россия есть «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (статья 7 Конституции РФ)². Реальная ситуация очевидным образом далека от декларируемой, на что указывает по меньшей мере депопуляция России, начавшаяся после 1990 г. На осознание этой проблемы, которая носит многоаспектный характер, на уровне государства указывает положение о том, что в числе стратегических национальных приоритетов, зафиксированных в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (от 2 июля 2021 г.)³, в числе первой названа проблема сбережения народа России. Социологический (не медицинский) анализ причин смертности позволяет выделить социальные факторы, подталкивающие страну к вымиранию.

С 1990 по 2020 гг. естественная убыль населения (превышение смертности над рождаемостью), по данным Росстата, составила 14 236 905 чел.⁴ В 2013, 2014 и 2015 гг. превышение рождаемости над смертностью составляло соответственно 24 013, 30 336 и 32 038 чел. В 2017 и 2018 гг. страна опять ушла в глубокий минус, и, по оценкам демографов, в ближайшие 2–3 года этот показатель убыли населения России будет находиться в интервале от 270 до 300 тыс. чел. в год. В 2019 и 2020 гг. смертность превысила рождаемость на 317 233 и 702 072 чел.

¹ URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms>

² Конституция Российской // URL: http://kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения: 14.07.2021).

³ URL <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-02072021-n-400/strategiia-natsionalnoi-bezopasnosti-rossiiskoi-federatsii/>

⁴ Федеральная служба государственной статистики / Рождаемость, смертность и естественный прирост населения. Обновлено 09.07.2021 // URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/uZ1ct28L/demo21.xls> (дата обращения: 14.07.2021).

соответственно (см. рис. 1). Увеличение смертности в 2020 г. более чем в два раза по сравнению с 2019 г., вероятно, можно объяснять COVID-19, но мы полагаем, что здесь правомерно говорить и о социальных причинах смертности, таких как бедность, доступность/недоступность медицинского обслуживания, условия труда, деградация брачно-семейных отношений и другие факторы.

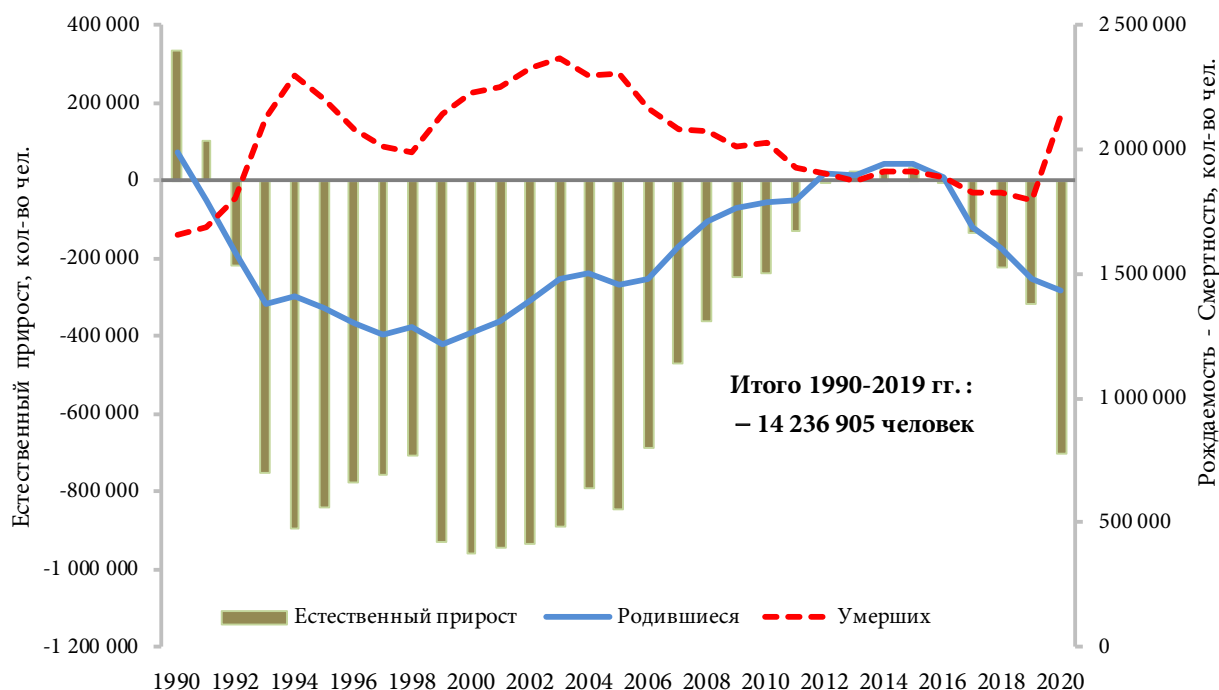

Рис. 1. Динамика изменения уровня рождаемости, смертности и естественного прироста населения России с 1990 по 2020 гг. (по данным Росстата), кол-во чел.

Figure 1. Dynamics of changes in the birth rate, mortality rate and natural increase in the population of Russia from 1990 to 2020 (according to Rosstat), number of people

Учитывая угрозу депопуляции страны, полагаем, что такая ситуация не может быть случайной, она вызвана социальными условиями, которые не могут не сказываться на семейно-брачных отношениях, на семье, основной социальной функцией которой является деторождение и воспитание. Положение контовской социологии о том, что благополучие общества есть следствие благополучия семьи, и, наоборот, состояние социума оказывает влияние на семью, получило яркое подтверждение в современной России. По данным Росстата, только в 2018 г. на сто браков приходилось 65 разводов. Максимальный показатель неблагополучия российской семьи был зафиксирован в 2002 г., когда на сто браков приходилось 84 развода (см. рис. 2). На этот же год приходится наибольший показатель превышения смертности над рождаемостью (-935 тыс. чел.). Полагаем, что необходимо напомнить: по данным Росстата, в 1950 г. в России на 100 браков приходилось 4 развода. В 1990-х гг. этот показатель уже находился на уровне 60%. Начиная с 2004 по 2019 гг. доля разводов несколько сокращается и составляет 55–65% от числа заключённых браков, что свидетельствует о продол-

жающемся кризисе семьи¹. Наблюдение поведения показателей «доля разводов от количества заключённых браков» и «естественный прирост населения» на протяжении 30 лет показало наличие статистически значимой отрицательной корреляционной зависимости (коэффициент корреляции Пирсона = -0,707, при $p < 0,001$), т. е. чем больше разводов, тем ниже естественный прирост населения. Анализ данных Росстата с 1993 по 2019 гг. показывает, что увеличение доли разводов от количества заключённых браков на один процентный пункт приводит к снижению естественного прироста населения в годовом исчислении примерно на 8–8,5 тыс. чел.

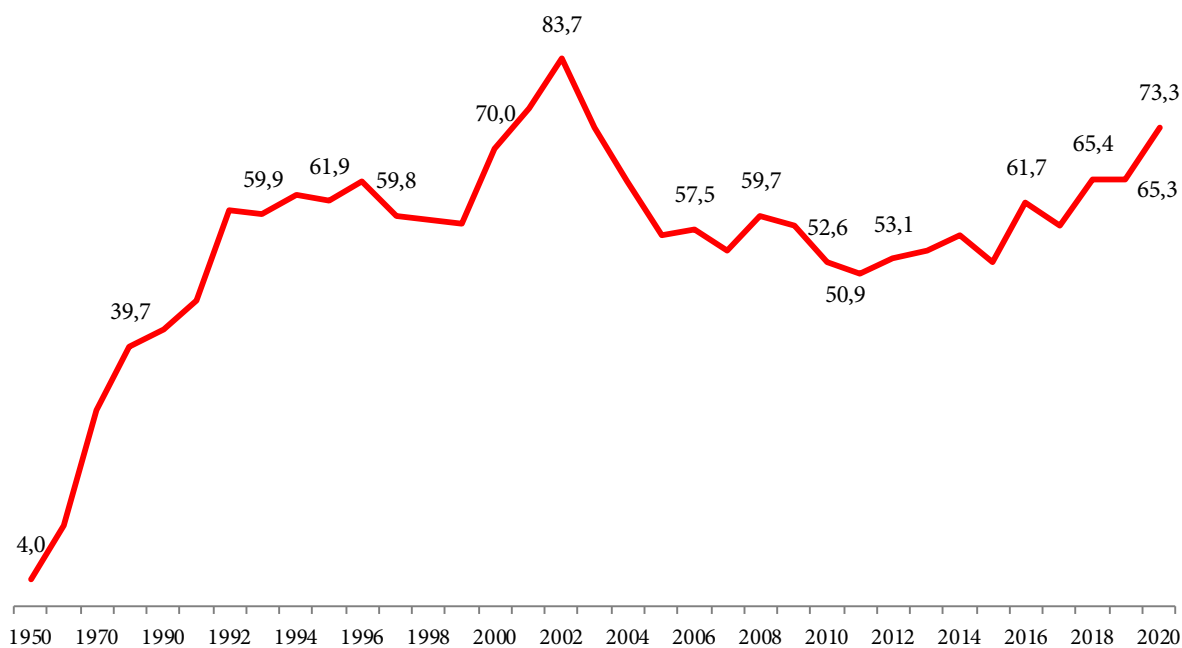

Рис. 2. Динамика изменения доли разводов от общего количества браков в России в период с 1950 по 2020 гг. (по данным Росстата), доля разводов на 100 браков, %
Figure 2. Dynamics of change in the share of divorces in the total number of marriages in Russia in the period from 1950 to 2020 (according to Rosstat), the share of divorces per 100 marriages, in %

Основным индикатором реализации положения Конституции РФ о социальном государстве можно считать отношение к гражданам страны со стороны государства в лице чиновничества различных ветвей и уровней власти через реализацию положения 20-й статьи Конституции РФ – «право на жизнь». В пространстве социологии «право на жизнь» трактуется шире, чем это предусмотрено уголовным кодексом как «не убий». Эта конституционная норма в социологической (не юридической) интерпретации предполагает, что люди рождаются, живут долгую жизнь, определённую биологическими возможностями человеческого организма, и умирают естественной смертью. Иными словами, основным индикатором

¹ Федеральная служба государственной статистики / Браки // URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/v3C6UoJx/demo31.xls>. Обновлено 09.07.2021; Федеральная служба государственной статистики / Разводы // URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cfFTRFuE/demo32.xls>. Обновлено 09.07.2021 (дата обращения: 14.07.2021).

тором существования социального государства следует считать долгую и счастливую жизнь его граждан. В 2018 г. по основным классам причин смертности россиян на первом месте стоят болезни систем кровообращения (57,5% всех смертей), на втором новообразования, или раковые опухоли (20%) и на третьем месте в этом печальном рейтинге стоят внешние причины (9,7%)¹. Но самым трагичным является тот факт, что «смерть от старости», т. е. естественное окончание человеческой жизни, составляет только 4,96%. Другими словами, лишь каждый 20-й гражданин России доживает до преклонного возраста, а 95% смертей россиян связаны с социальными, а не биологическими, естественными, природообусловленными причинами. Анализируя данные Росстата, нельзя ответить на вопрос о социальных причинах смертности, но это возможно сделать, используя данные социологического исследования RLMS-HSE (1994–2020).

Эмпирическая база. В качестве эмпирической базы нашего исследования выступает Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ 2000–2017 гг. Индивидуальная база исследования за указанный период насчитывает 295 092 наблюдений (или 51 450 чел. от 18 лет и старше), из которых 2842 чел. ушли из жизни по различным причинам, или 1,1% от общего числа участников исследования. Отмечаем, что динамика уровня смертности в России по данным RLMS-HSE в период с 2000 по 2017 гг. находилась в интервале от 0,8% (в 2013 г.) до 1,5% (в 2000 г.); с учётом 95% доверительного интервала уровень смертности в анализируемый период составил от 0,9% до 1,3%. Эти показатели ниже, чем реальный уровень смертности, в силу объективных причин. Так, например, исследование не фиксирует смерть одиноко проживающих людей или взрослых людей, проживающих с несовершеннолетним [5]. Также в анализируемую выборку включены респонденты в возрасте 18 лет и старше. Тогда как по данным Росстата доля умерших (всех возрастов) от общего числа проживающих в стране составляла в анализируемый период в среднем 1,43% в год.

Социально-демографическая характеристика лиц, умерших в период с 2000 по 2017 гг.

Данные исследования RLMS-HSE (анализируется возрастная категория населения России от 18 лет и старше) за этот период показывают, что средний возраст ухода из жизни составлял 64,9 года (95% доверительный интервал (*далее – ДИ*) среднего составляет 64,2–65,6 лет, и учитывая то обстоятельство, что возраст умерших рассчитывается исходя из года их последнего участия в опросе, следует понимать, что реальная средняя продолжительность жизни несколько больше, но не более, чем на один год). В период с 2000 по 2017 гг. среднегодовой абсолютной прирост этого показателя составил 0,36 года: с 61,7 лет в 2000 г. до 67,9 лет в 2017 г. (см. рис. 3).

¹ Федеральная служба государственной статистики / Демография / Естественное движение населения // URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.11.2019).

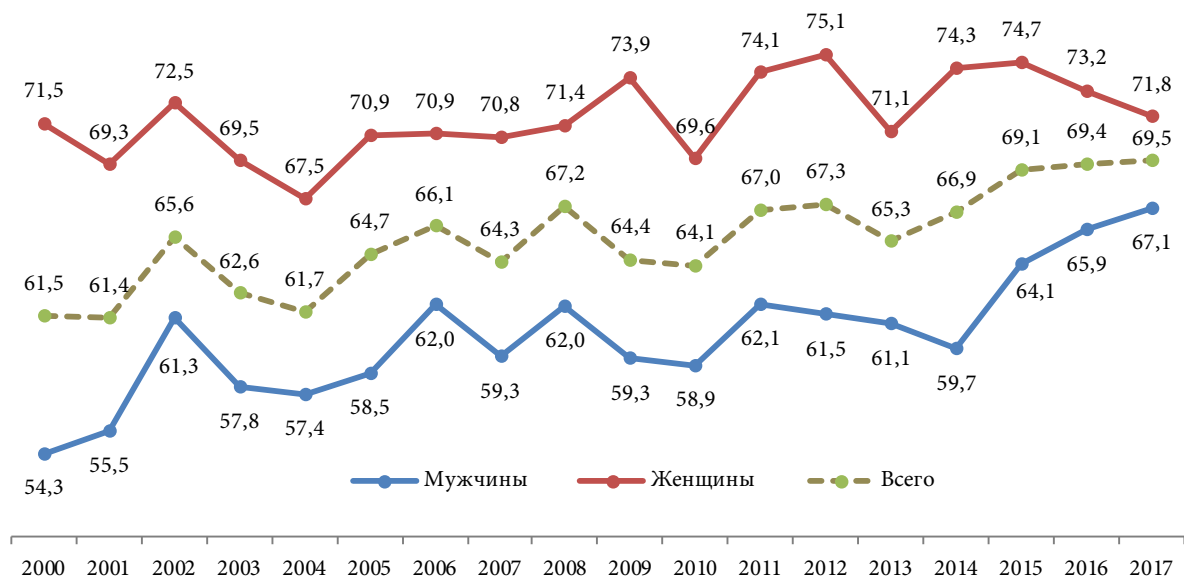

Рис. 3. Динамика изменения среднего возраста наступления смерти в России в период с 2000 по 2017 гг. (по данным RLMS-HSE), лет, $N=2842$

Figure 3. Dynamics of changes in the average age of death in Russia in the period from 2000 to 2017 (according to RLMS-HSE), years, $N = 2842$

Зафиксировано различие среднего возраста наступления смерти мужчин и женщин. Для мужчин этот показатель за анализируемый период составляет 59,6 лет, для женщин 71,5 лет. При этом среднегодовой абсолютной прирост показателя для мужчин составил 0,58 года: с 55,0 лет в 2000 г. до 64,9 лет в 2017 г., для женщин этот показатель практически не менялся: 71,1 и 70,7 лет соответственно. В среднем время наступления смерти у женщин происходит на 11,9 лет позже, чем у мужчин, при 95% ДИ разности средних 10,7ч13,2 лет. За последние четыре года (с 2014 по 2017) средняя продолжительность жизни женщин сократилась с 75,1 до 70,7 лет, для мужчин наблюдается увеличение этого показателя с 59,5 до 64,9 лет.

Анализ совокупной группы респондентов за один год до наступления смерти и менее ($N=2805$) показывает, что медианным значением является возраст 68 лет, 95% ДИ среднего 67ч69 лет, т. е. 50% умерших в период с 2000 по 2017 гг. – это люди до 68 лет. Медианный возраст наступления смерти мужчин в анализированный период составляет 62 года, у женщин 75 лет. По годам исследования медианный возраст мужчин находился в интервале от 60 до 67 лет, для женщин этот показатель составил 64–73 года.

Среди умерших в период с 2000 по 2017 гг. доля лиц непensionного возраста с учётом 95% ДИ составляет 22,9–26,1%. Другими словами, около четверти россиян уже в дореформенной пенсионной системе не доживали до пенсии. В связи с увеличением пенсионного возраста логично предположить, если не будут приняты действенные социально-экономические меры, доля лиц, умерших и недоживших до пенсии, может увеличиться на 5–8% и составит в ближайшие годы 30–35%.

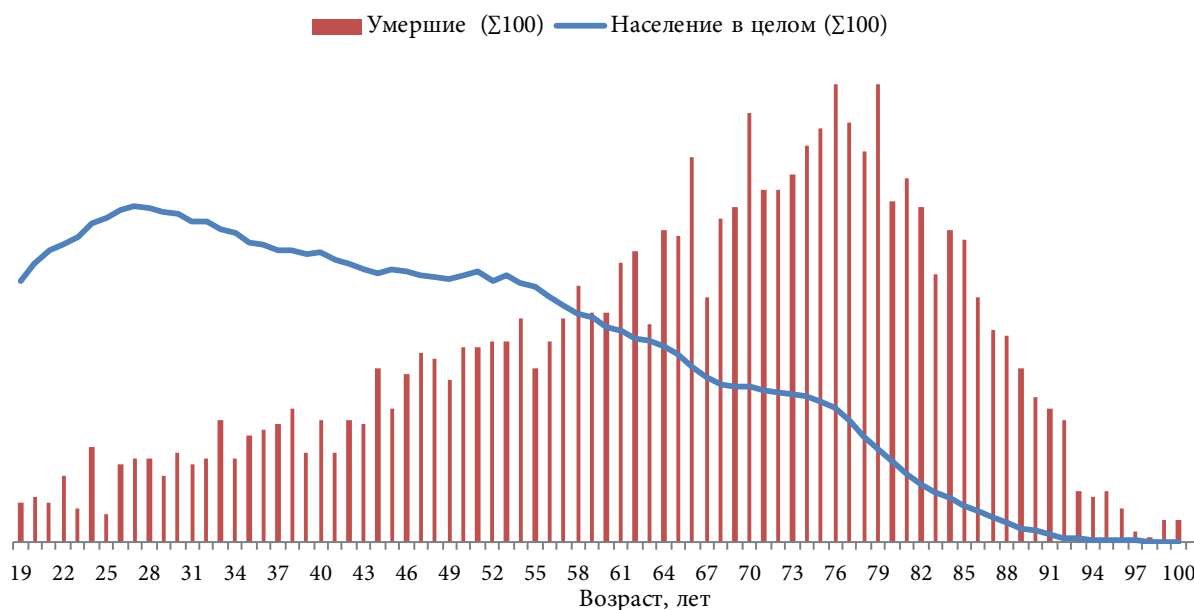

Рис. 4. Доля смертности населения России в зависимости от возраста наступления смерти и возрастная структура населения в период с 2000 по 2017 гг. (по данным RLMS-HSE), %. Для возрастной категории 18 лет и старше. $N=2805$
Figure 4. The mortality rate of the population of Russia depending on the age of death and the age structure of the population in the period from 2000 to 2017 (according to RLMS-HSE), in %

В анализируемый период наиболее активно вымирало село. В 2000 г. доля лиц, на момент смерти проживающих в селе, составляла 33,8%, тогда как доля россиян, проживающих в селе, составляла около 25%. К 2017 г. этот показатель увеличился и составил 42,2% при всё тех же 25% граждан России, проживающих в селе. Средний годовой абсолютный прирост смертности составил для села 0,5%. Все это указывает на катастрофическое вымирание российской глубинки. В городе ситуация выглядит менее драматичной.

Динамика изменения уровня дохода в возрастных группах и доля населения в структуре общества данной возрастной группы в период с 2000 по 2017 гг., в рублях 2018 г., по данным RLMS-HSE, показывает снижение индивидуального дохода населения, начиная примерно с 40-летнего возраста и вплоть до 78–80 лет, после чего начинается рост индивидуального дохода (см. рис. 5). Но необходимо сказать, что к этому времени возрастная группа 80+ в структуре населения составляет около 2,0–2,5%.

Сравнение средних показателей уровня индивидуального дохода населения России и лиц, ушедших из жизни (индивидуальный доход за год и менее до наступления смерти) в период с 2000 по 2017 гг., показывает, что у последних индивидуальный доход был значительно ниже, чем по населению в целом. Особенно это характерно для возрастных групп в интервале от 24 до 60 лет. После 60 лет уровень индивидуального дохода лиц, ушедших из жизни, остаётся низким, но это различие со средним доходом населения России в целом не является экстремальным. Ситуация с низкими доходами людей, завтра уходящих

из жизни, осложняется их плохим социальным самочувствием. Около 85% лиц этой группы говорят, что в ближайший год они будут жить хуже, либо в их жизни нечего не изменится (по выборке этот показатель составляет около 67%). Но здесь ситуация не просто гораздо хуже, она трагична: в следующем году они вообще не будут жить, в течение следующего года они умрут. Эти люди считают себя скорее бесправными, чем обладающими какими-то правами (79% против 66 по всей выборке). Они не удовлетворены своей жизнью (51% против 32 по выборке в целом). И, безусловно, в этой группе жалобы на плохое здоровье (52% против 11 по выборке в целом). Анализ проводился по базе данных RLMS-HSE в период 2000–2017 гг., N=295 092.

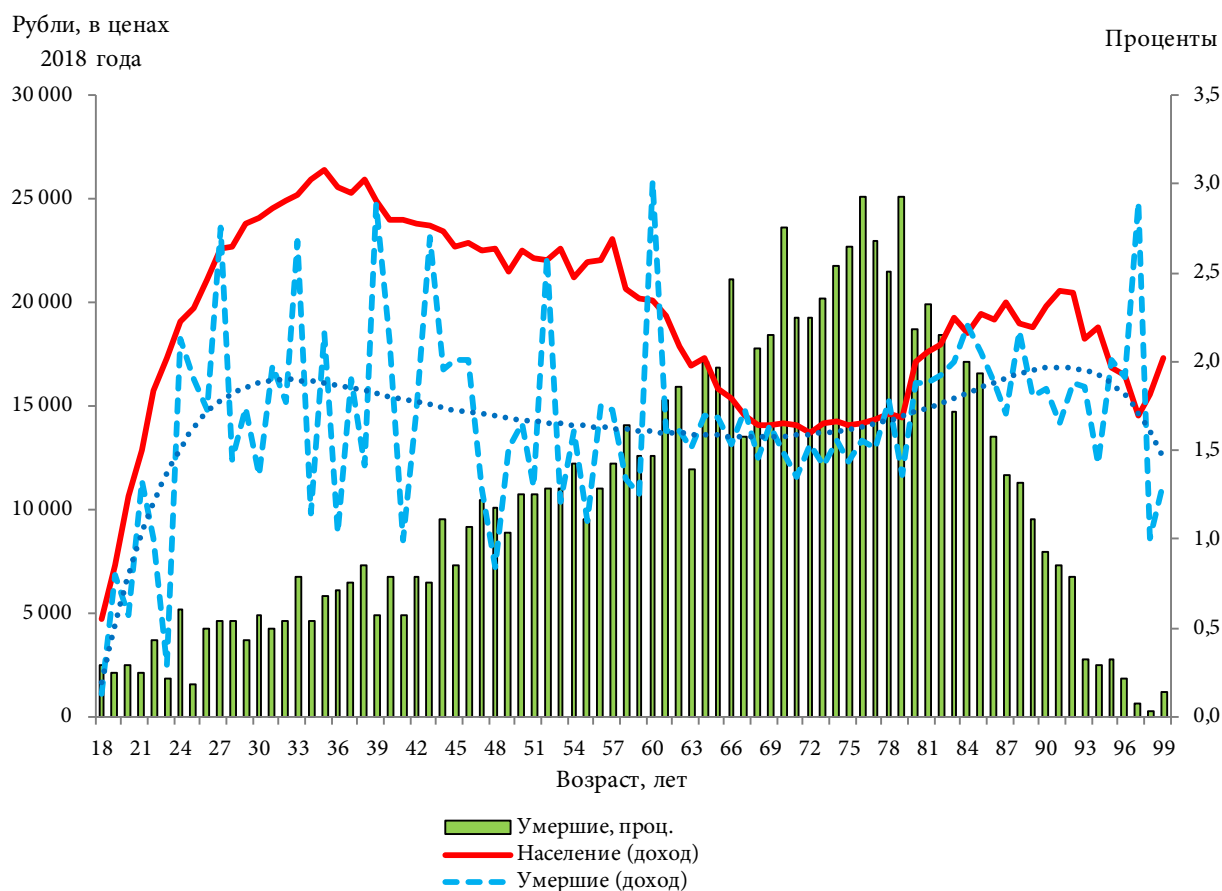

Рис. 5. Динамика изменения среднего уровня индивидуального дохода в зависимости от возраста лиц, ушедших из жизни, и населения России в период с 2000 по 2017 гг. (по данным RLMS-HSE), в руб. 2018 г., %

Figure 5. Dynamics of changes in the average level of individual income depending on the age of those passed away and the population of Russia in the period from 2000 to 2017 (according to RLMS-HSE), in rubles. 2018, in %

Проанализируем социально-демографические характеристики лиц, в течение следующего года уходящих из жизни по различным причинам. В рамках социологического исследования нельзя рассматривать причины смерти человека как точный медицинский диагноз. Оценка причин смерти близкого человека даётся интервьюеру родственниками умершего. Мы исходим из того, что информация о причинах смерти близкого человека соответствует в той или иной мере медицинскому диа-

гнозу, а тот факт, что показатели причин смертности россиян по данным RLMS-HSE согласуются с данными Росстата (см. табл. 1), служат подтверждением нашего предположения.

Таблица 1 (Table 1)

Смертность населения по причинам смертности,
по данным RLMS-HSE 2000–2017 гг. и Росстата, %
*Mortality by causes of mortality,
according to the RLMS-HSE 2000–2017 and Rosstat, in %*

Причины смерти	RLMS-HSE (2000–2017 гг.)				Росстат (2018 г.)	
	В выборке*		В группе умерших*		Количество	Доля в группе умерших
	Количество	Доля	Количество	Доля		
Инсульт	711	0,2410	708	25,20	263 573	14,4120
Инфаркт	653	0,2210	651	23,20	56 904	27,8970
Рак	550	0,1860	544	19,40	297 996	16,2940
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних факторов (без самоубийств и убийств)	317	0,1070	303	10,80	118 420	6,4700
Самоубийство	32	0,0110	29	1,00	18 206	0,9950
Убийство	21	0,0070	21	0,70	7986	0,4370
Старость, возраст	148	0,0500	148	5,30	90 675	4,9600
Болезни органов дыхания	64	0,0220	63	2,20	61 150	3,3440
Другое	110	0,0343	110	3,64	110	0,0343
Причина смерти не указана	236	0,0800	229	8,20	s	s

*Различия в количестве респондентов в выборке и группе умерших обусловлено тем, что в данных RLMS-HSE отсутствует социально-демографическая информация о тех, кто умер за год и более до проведения очередного исследования.

Инсульт (N=708)

По данным Росстата, в 2018 г. причиной смерти 263 573 человек, или 14,4%, стал инсульт. От инсульта в 2018 г. умерло 0,18% населения страны (его численность на 1 января 2019 года составляла 146 793 744 чел.). По данным RLMS-HSE (см. рис. 6), в период с 2000 по 2017 гг. от этой причины умерло 708 чел., или 25,2% от всех умерших (или 0,241% от выборки в целом, 711 чел.).

Среди всех умерших от инсульта женщины составляют 28,5% (от 26,0 до 31,0%, с учётом 95% ДИ), а мужчины – 22,6% (от 20,6 до 24,8%, с учётом того же интервала; X^2 Пирсона равен 12,62, при $p < 0,001$). Средний возраст лиц, умерших от инсульта, составляет 70,5 лет (95% ДИ среднего составляет от 69,5 до 71,5 лет). Медианное значение 73 года. Четверть смертей от инсульта приходится на возраст до 62 лет, и ещё около половины – на возраст от 62 лет до 81 года.

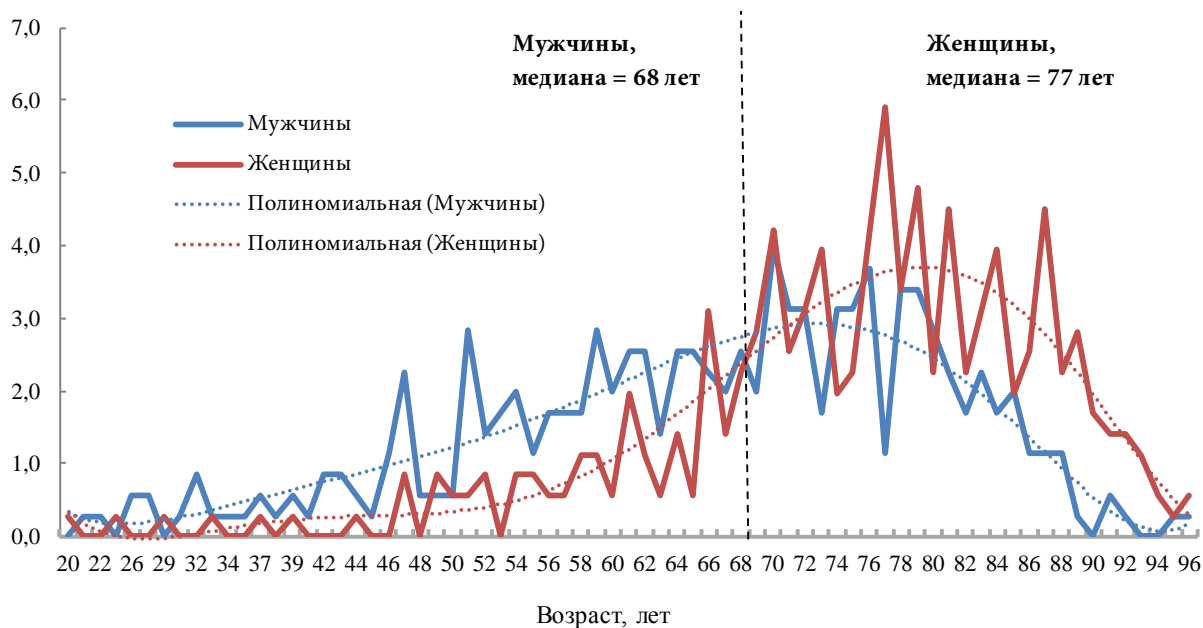

Рис. 6. Динамика изменения доли мужчин и женщин умерших от инсульта в зависимости от возраста наступления смерти и полиномиальные кривые данного показателя в период с 2000 по 2017 гг. (по данным RLMS-HSE)

Figure 6. Dynamics of changes in the proportion of men and women who died from a stroke, depending on the age of death and polynomial curves of this indicator in the period from 2000 to 2017 (according to RLMS-HSE)

Выявлены различия в наступлении смерти от инсульта мужчин и женщин в зависимости от возраста. Для мужчин средний возраст смерти от инсульта составляет 66,2 года (с учётом 95% ДИ – от 64,7 до 67,7 лет). Для женщин средний возраст смерти от инсульта составляет 74,8 года (с учётом 95% ДИ – от 73,5 до 76,1 лет). Разность среднего возраста смерти от инсульта мужчин и женщин составляет 8,6 лет (с учётом 95% ДИ разности средних – от 6,7 до 10,6 лет).

На рисунке 6 представлена динамика смертности мужчин и женщин от инсульта в зависимости от возраста. На графике присутствует полиномиальная линия тренда, что обусловлено нестабильным состоянием изучаемого показателя из-за низкого наполнения анализируемых групп. В нашем случае полиномиальная кривая позволяет видеть некий усреднённый показатель возраста мужчин и женщин, умерших от инсульта. Медианный возраст смертности мужчин от инсульта составляет 68 лет, для женщин – 77 лет. Инсульт в равной степени поражает как жителей областного центра, среднего и малого городов (предполагается, населённые пункты с плохой экологией), так и жителей села (предположительно, населённые пункты с хорошей экологией). Эта болезнь чаще поражает вдов/вдовцов, чем людей, проживающих в браке: 32,6 против 24,2% соответственно (X^2 Пирсона равен 50,0 при $p < 0,001$). Учитывая, что соотношения вдовствующих мужчин и женщин соотносятся как 1:5, с полным правом можем утверждать – инсульт убивает вдов. Среди ушедших из жизни пенсионеров примерно каждый третий умирает от инсульта, среди непенсионеров доля умерших от инсульта составляет около 12%. Обращает на себя внимание, что средний возраст ухода из жизни от инсульта среди курящих мужчин составляет 59,2 года, а для некурящих – 71,7 лет, с уче-

том 95% ДИ – разность средних составляет от 9,8 до 15,2 лет. Для женщин этот показатель составляет соответственно 56,7 лет (N=14) и 75,5 лет (N=341), 95% ДИ разности средних составляет 12,6–25,0 лет.

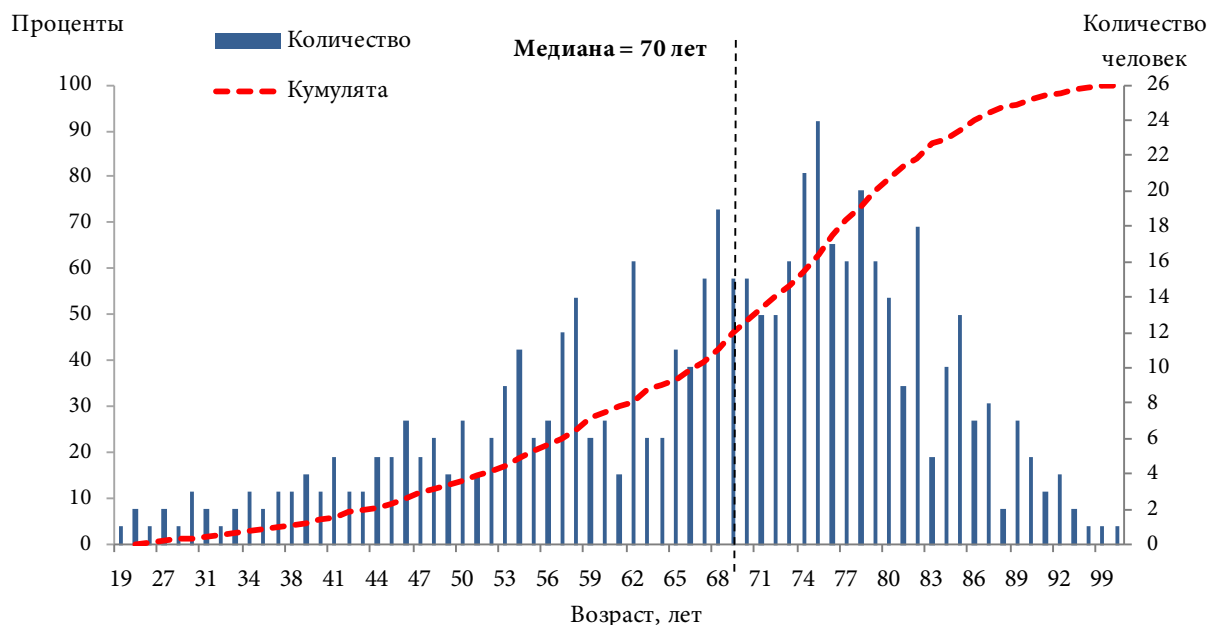

Рис. 7. Динамика изменения количества лиц и кумулятивный процент умерших от инфаркта в зависимости от возраста наступления смерти в период с 2000 по 2017 гг. (по данным RLMS-HSE)

Figure 7. Dynamics of changes in the number of persons and the cumulative percentage of deaths from a heart attack, depending on the age of death in the period from 2000 to 2017 (according to RLMS-HSE)

Инфаркт (N=651)

По данным Росстата, в 2018 г. доля смертей по причине инфаркта от всех смертей за год составляла 27,9%¹, или 56 904 чел. По данным RLMS-HSE, в период 2000–2017 гг. от этого заболевания умерло 23,2% от общего количества смертей, или 651 человек. Статистически значимых различий смертности от инфаркта мужчин и женщин не выявлено. Средний возраст наступления смерти от инфаркта составляет 67,3 года, медианный 70 лет (см. рис. 7), 95% ДИ среднего – от 66,1 до 68,4 года. При этом средний показатель возраста смерти от инфаркта составляет для мужчин 62,7 лет, для женщин 73,8 лет, 95% ДИ разности средних составляет от 9,0 до 13,3 лет. Около четверти мужчин, умерших от инфаркта, имели возраст до 54 лет, для женщин этот показатель составляет 69 лет. Инфаркт стал причиной смерти каждого четвертого жителя областного центра, тогда как среди жителей села от этой причины умирает только каждый пятый (X^2 Пирсона равен 16,799, при $p < 0,001$).

Курение играет серьезную негативную роль в провоцировании инфаркта у курящих мужчин: средний возраст смерти от инфаркта в этой группе составляет 56,9 лет. А в группе некурящих мужчин, умерших

¹ Федеральная служба государственной статистики / Демография / Естественное движение населения // URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/demo24-2.xls> (дата обращения: 24.11.2019).

от инфаркта, – 69,3 года. Для женщин эта ситуация ещё более значима: для курящих средний возраст наступления смерти составляет 51,8 года, а для некурящих женщин – 75,5 лет.

Фактором, провоцирующим смерть от инфаркта, является наличие подчинённых. В группе руководителей инфаркт стал причиной смерти в 32% случаев против 20,0% в группе рядовых сотрудников (X^2 Пирсона равен 6,616, при $p < 0,01$).

Также провоцирующим фактором смерти от инфаркта является и избыточный вес, особенно для мужчин. Превышение индекса массы тела¹ у мужчин более 26,4 кг/м² способствует возникновению данного заболевания, что превышает норму на 2–3%. Для женщин, умерших от инфаркта, этот показатель составил 28,4 кг/м², что превышает норму на 3,8–5,5%. Обращаем внимание, что люди, которые впоследствии умерли от инфаркта, знали о наличии у них проблем с сердцем (51,9%), тем самым акцентируем внимание на необходимости серьёзного отношения к жалобам людей на эти проблемы, а также на том, что половина умерших от инфаркта не знали о наличии у них проблем с сердцем. От инфаркта чаще умирают люди, принадлежащие к высокодоходной группе (32,2%), по сравнению с низкодоходной (18,6%)².

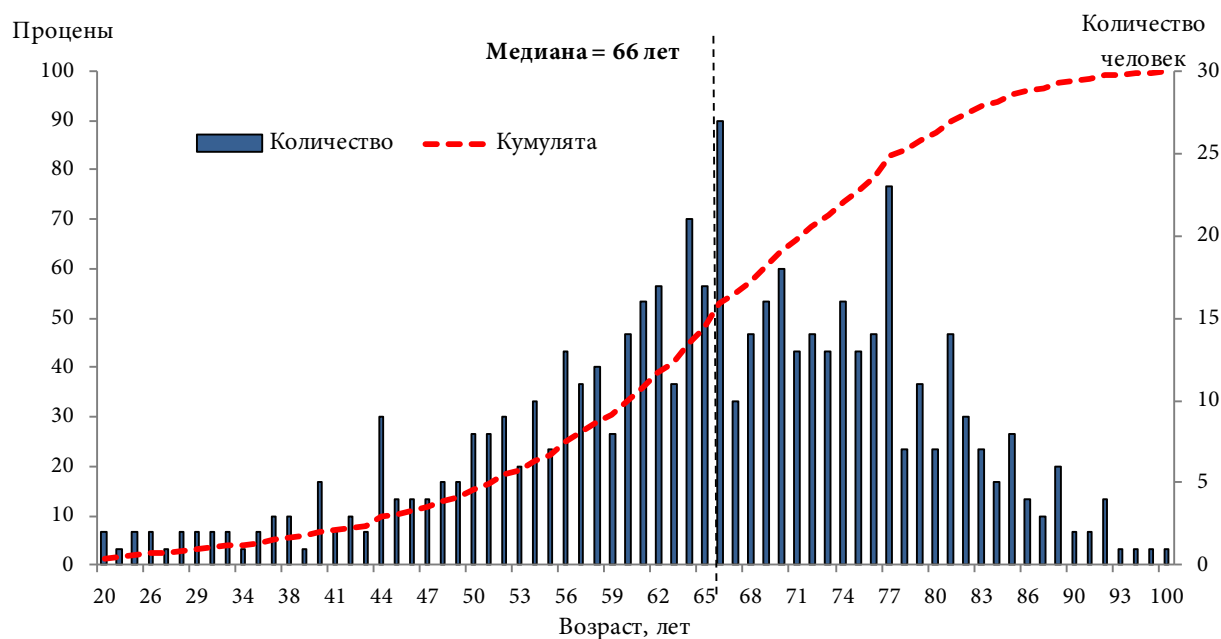

Рис. 8. Динамика изменения количества лиц, умерших от онкологических заболеваний

в зависимости от возраста наступления смерти, и кумулятивный процент данного показателя в период с 2000 по 2017 гг. (по данным RLMS-HSE)

Figure 8. Dynamics of changes in the number of people who died from oncological diseases, depending on the age of death, and the cumulative percentage of this indicator in the period from 2000 to 2017 (according to RLMS-HSE)

¹ ИМТ = вес (кг)/рост²(м)

² Высокодоходная группа – это группа лиц с доходом в 2,25 раза и больше превышающим медианный доход. Низкодоходная группа – это группа лиц с доходом 0,75 раза и ниже регионального медианного дохода (X^2 Пирсона равен 21,584, при $p < 0,0001$).

Новообразования ($N=544$)

Раковые заболевания занимают второе место среди причин смерти в России в 2018 г. От этого заболевания умерло 297 996 чел., или 16,29% от общего количества смертей в 2018 г.¹, или 0,203% от числа населения страны. По данным приводимого исследования от этой болезни умерло 544 чел., или 19,4% от общего количества смертей при объёме 295 092 наблюдений (51 450 чел.), или 0,186% от всех наблюдений в целом (1,06% от всех респондентов). Статистически значимых закономерностей онкологического заболевания по полу не выявлено, т. е. оно является болезнью в равной степени мужчин и женщин. Не выявлено статистически значимых различий людей, умерших от рака, в зависимости от их места жительства (областной центр – город – село). Средний возраст наступления смерти от онкологических заболеваний составляет 65,1 лет, с учётом 95% ДИ среднего от 64,0 до 66,3 лет, медианный возраст составляет 66 лет. Около 50% онкобольных умирают в возрасте от 57 до 75 лет. Средний возраст наступления смерти от онкологического заболевания для мужчин 64,0 года, для женщин – 66,6 лет, разность средних составила 2,7 лет. Средний возраст смерти от онкологического заболевания для курящих мужчин составляет 60,2 года, а для женщин – 48,6 лет. При этом для некурящих онкобольных средний возраст смерти для мужчин и женщин находится в интервале от 68 до 69 лет.

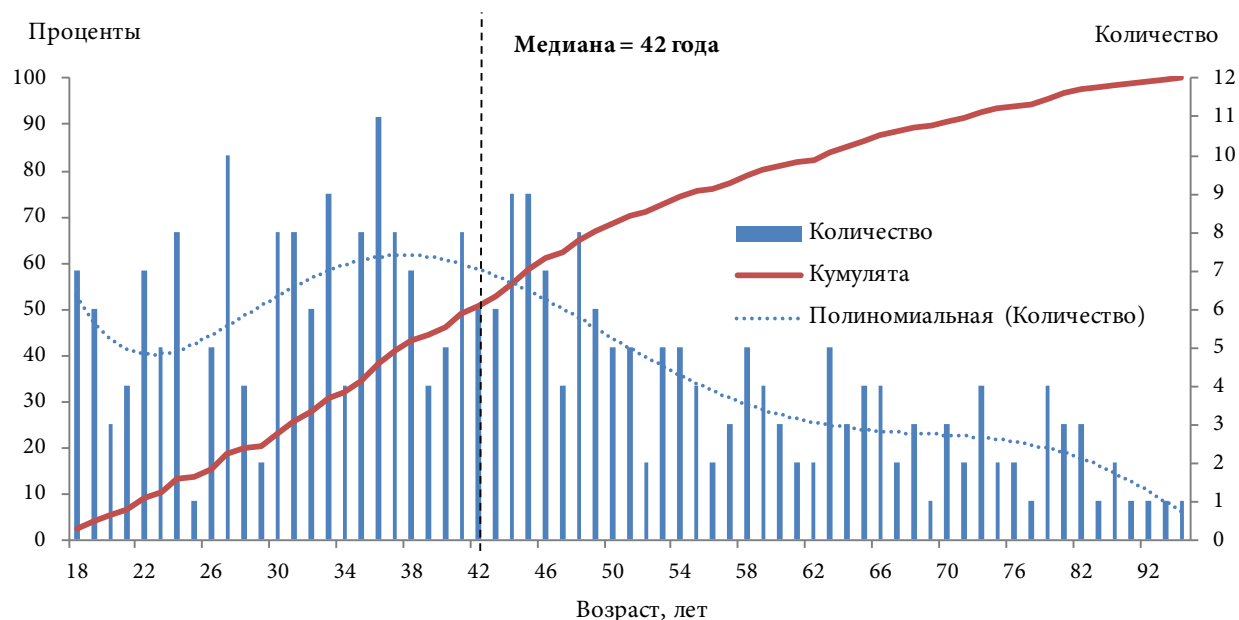

Рис. 9. Динамика изменения количества лиц, умерших от несчастных случаев, в зависимости от возраста наступления смерти, и кумулятивный процент данного показателя в период с 2000 по 2017 гг. (по данным RLMS-HSE)

Figure 9. The dynamics of change in the number of persons who died from accidents, depending on the age of death, and the cumulative percentage of this indicator in the period from 2000 to 2017. (according to RLMS-HSE)

¹ Федеральная служба государственной статистики / Демография / Естественное движение населения // URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/demo24-2.xls> (дата обращения: 24.11.2019).

Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних факторов (N=303)

По данным Росстата, в 2018 г. по этим причинам (с учётом умерших от отравления алкоголем и наркотиками) умерли 144 612 чел., или 7,91% от всех умерших. Такие причины смерти россиян вполне могут быть названы эпидемией: массовые пищевые отравления, отравления газом, фальсифицированным алкоголем, смерть от наркотиков (по данным Росстата, в 2018 г. умерло 4445 чел.). Достаточно вспомнить Иркутскую трагедию 2016 г., когда от отравления фальсифицированным алкоголем умерло 78 чел.

По данным RLMS-HSE, от несчастных случаев умерло 303 чел., или 10,8% от общего количества умерших в анализируемый период. Смерть от несчастного случая является актуальной проблемой прежде всего для мужчин (14,4% против 6,3 для женщин). Отметим, что для мужчин 95% ДИ составляет 12,7–16,2%. Средний возраст мужчин, погибших в результате несчастного случая, составляет 40,9 лет (95% ДИ среднего составляет 39,0–42,8 года), для женщин – 54,3 года (49,6–58,9 года). Около четверти погибших от несчастных случаев не достигли 30-летнего возраста, около 50% ушли из жизни в возрасте от 31 до 55 лет и четверть в возрасте 56 лет и старше. Медианный возраст наступления смерти по причине несчастного случая составляет 42 года. Вполне ожидаемо, что 70,6–80,8% всех лиц, погибших по причине несчастного случая, курили, а 73,9–84,0% употребляли алкоголь (по выборке среди всех умерших эти показатели составляли около 36 и 51% соответственно). От несчастных случаев чаще погибают жители села, малого и среднего российского города (12,3 и 12,7% соответственно) против 8,5% в областных центрах (X^2 Пирсона равен 11,58, при $p < 0,01$). Семейное положение погибших свидетельствует, что чаще жертвами этой ситуации становятся лица, не состоящие в браке, разведённые и сожительствующие (доля погибших от числа всех умерших в группе составляет 33,8; 23,4 и 19,2% соответственно). В группу риска по этой причине смертности попадают лица, относящиеся как к низкодоходным, так и высокодоходным группам (16,8 и 15,7% соответственно, X^2 Пирсона равен 64,48, при $p < 0,001$).

Самоубийство (N=32)

В данных Росстата самоубийства включены в группу «травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних факторов». Мы же рассмотрим эти смерти (правильнее назвать эти события жизни – трагедиями) как самостоятельное социальное событие («социальный факт»), что и было доказано Э. Дюркгеймом в работе «Самоубийство» [2]. В целом по России в 2018 г. покончили жизнь самоубийством 18 206 чел., или 0,995% от всех умерших. В нашей выборке таких насчитывается 32 человека, социально-демографическая характе-

ристика респондентов имеется по 29 случаям, или 1,0% от всех умерших. В группе самоубийц мужчины составляют 93,1%, средний возраст 43,3 года (95% ДИ среднего составляет 38,4–48,2 года), медианный возраст – 44 года. Около 75% самоубийств приходится на возраст от 22 до 52 лет. Большинство лиц, окончивших жизнь самоубийством, употребляли спиртные напитки (84,0%) и курили (76,0). Около 93% членов группы относились к низкодоходной и нижней среднедоходной группам. Эти люди заявляли о своей неудовлетворённости жизнью (51,7%). Результаты не имеют статистически значимых различий с позицией остальных респондентов, т. е. мы не имеем основания говорить об этой причине как о доминирующей.

Убийство (N=21)

В 2018 г., по данным Росстата, убийства стали причиной смерти 7986 чел., или 0,437% от всех умерших в этом году. В данных Росстата убийства тоже включены в группу «травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних факторов». Мы рассмотрим социально-демографические характеристики людей, умерших по этой причине, как самостоятельную группу, являющуюся преимущественно мужской (85,7%). Средний возраст людей, умерших в результате убийства, составляет 39,3 года. В 75% случаев возраст убитых не превышал 45 лет.

Анализ данных Росстата показывает наличие статистически значимой взаимосвязи количества лиц, погибших в результате самоубийства и убийства (см. рис. 10) за последние 30 лет, в период с 1990 по 2018 гг. Коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,977, при $p < 0,001$. Количество самоубийств и убийств является социальным фактом, указывающим на проблемы постсоветской России: «...принципиальная установка социологии заключается в том, что человеческие институты не могут основываться на заблуждении и обмане: в противном случае они не могли бы существовать достаточно долго. Если бы такой институт не основывался на природе вещей, он столкнулся бы с таким сопротивлением реальности, которое не смог бы преодолеть» [4, с. 29]. Мы понимаем и отдаём себе отчёт в том, что самоубийства и убийства – принципиально разные события человеческой жизни; и первое, и второе являются социальным фактом и обусловлены «общими потребностями социального организма» [3], социальной системы. Учитывая статистически значимую взаимосвязь этих событий, вполне правомерен вывод о наличии социально значимых детерминант, предопределяющих эти события. В первом случае, «самоубийства» – это проблемы аномии в различных сферах жизни: работа/безработица, брак/развод, здоровье/болезнь, роскошь/нищета, дружба/предательство и другие противоречия, которые человек воспринимает как непреодолимые. Во втором случае, «убийства» – это проблемы личностной аномии. Это касается бизнеса, семьи, отцов и детей, случайных конфликтов, зачастую немотивированных,

таких как mass shooting (анг. «массовые убийства»). Общей причиной первого и второго является отсутствие в социуме критической массы «сочувствующих друг другу членов» общества [1, с. 222].

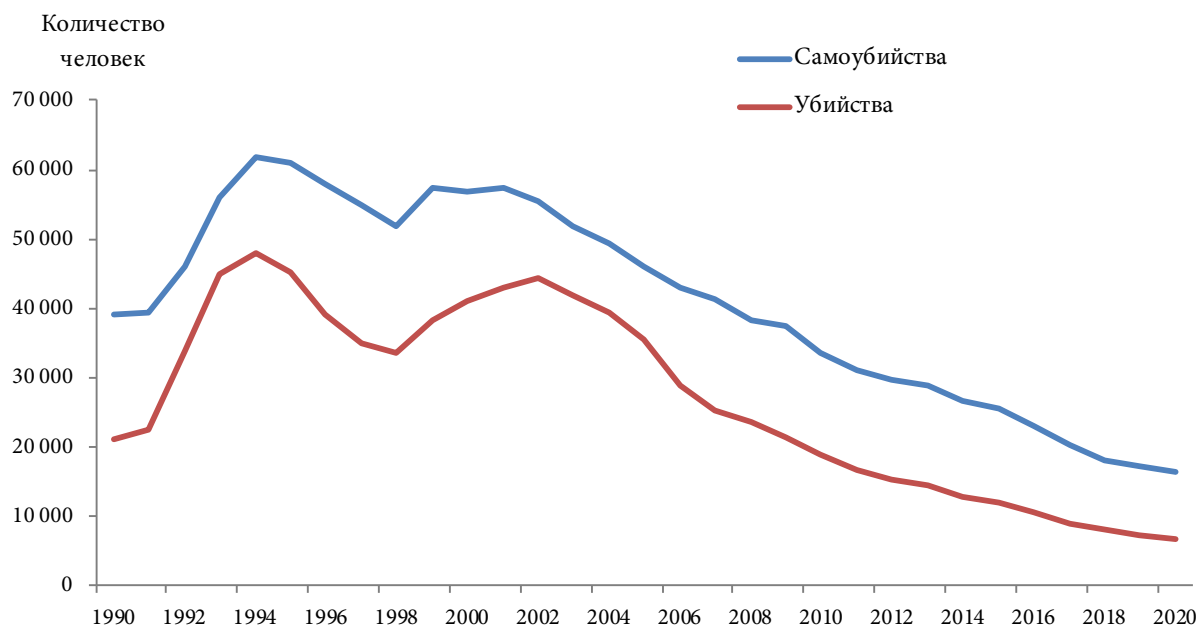

Рис. 10. Динамика изменения количества лиц, умерших в результате самоубийства и убийства в период с 1990 по 2018 гг., (по данным Росстата), чел.

Figure 10. Dynamics of changes in the number of people who died as a result of suicide and homicide in the period from 1990 to 2018, (according to Rosstat), people

Смерть от старости (N=148)

По причине старости в 2018 г. умерло 90 675 чел. из 1 828 910, или 4,96% от числа всех умерших в этом году. Право на жизнь со всеми издержками и неточностями реализуется только для 0,062% населения России¹. По данным RLMS-HSE в период с 2000 по 2017 гг. от старости умерло 0,05% от числа всех наблюдений (или 0,27% от числа респондентов), или 0,53% от всех умерших в этот период, а с учётом 95% ДИ умерших этой категории составляет 4,5–6,1%, что согласуется с данными Росстата. От всех умерших в анализируемый период доля мужчин, умерших по причине старости, составляет 2,3%, женщин – 9,0%. Минимальный возраст составляет 70 лет, максимальный – 102 года. Средний возраст в этой группе составляет 84,8 лет. Статистически значимых различий в продолжительности жизни мужчин и женщин, умерших по причине старости, не выявлено. В этой группе только 7,4% против 92,6 (X^2 Пирсона равен 54,797 при $p < 0,001$) заявляли, что они курили, а 34,5 против 65,5% (X^2 Пирсона равен 19,324 при $p < 0,001$) – что употребляли алкоголь. По данным RLMS-HSE, долголетие не связано

¹ По данным Росстата население России на 1 января 2019 года составляло 146 780 720 чел. // URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/> (дата обращения: 31.03.2020).

с сельским или городским образом жизни и с образованием, но связано с семейным положением; большинство долгожителей – это вдовы и женщины, ранее состоявшие в браке (см. рис. 11).

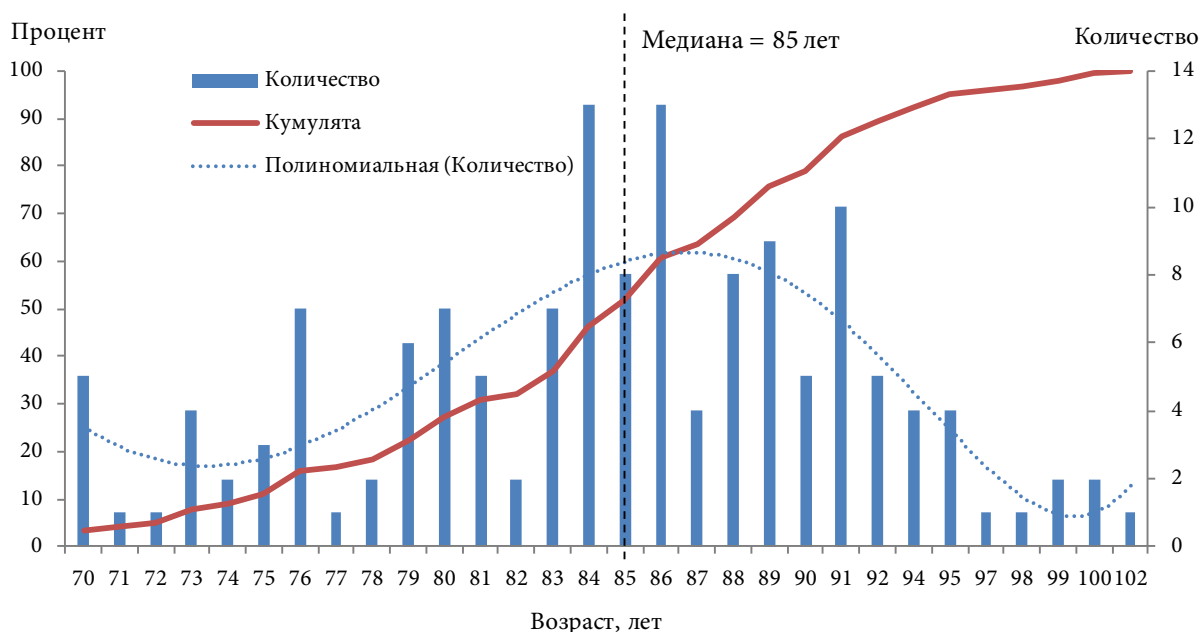

Рис. 11. Динамика изменения количества лиц, умерших по причине старости, в зависимости от возраста наступления смерти, и кумулятивный процент данного показателя в период с 2000 по 2017 гг. (по данным RLMS-HSE)

Figure 11. The dynamics of change in the number of persons who died due to the old age, depending on the age of death, and the cumulative percentage of this indicator in the period from 2000 to 2017 (according to RLMS-HSE)

Болезни органов дыхания (N=63)

По данным Росстата, в 2018 г. от болезней органов дыхания (БОД) умерли 61 150 чел., или 3,3% от числа смертей в целом. По данным RLMS-HSE, болезни органов дыхания привели к смерти 63 чел., или 2,2% от всех смертей в период с 2000 по 2017 гг. По причине БОД чаще умирают мужчины 71,4% (при 95% ДИ от 60,0 до 82,4%), чем женщины – 28,6% (при 95% ДИ от 16,6 до 40,0%). Средний возраст продолжительности жизни в группе лиц, умерших в результате БОД, составляет 60,2 года (95% ДИ среднего от 55,5 до 64,9 лет). Медианный возраст составляет 63 года. Статистически значимых различий продолжительности жизни между мужчинами и женщинами с диагнозом БОД не выявлено. Фактором риска, провоцирующим БОД, является курение. Средняя продолжительность жизни курящих людей составляет для этой группы 50 лет, для некурящих – 70,8 лет. На основании анализа мы можем утверждать, что курильщик сокращает свою жизнь (с учётом 95% ДИ разности средних) на 13,0–28,6 лет.

Вне анализа социально-демографических характеристик людей, умерших в период 2000–2017 гг., осталось 346 случаев, или 11,84% от всех ушедших из жизни в указанный период. Эта ситуация возникла в резуль-

тате отсутствия информации о причинах смерти этих людей (236 человек) и низкой наполняемости анализируемых групп по причинам смертности, что не позволяет сделать статистически значимые выводы о причинах смерти и социально-демографических характеристик умерших.

Заключение

Результатом любой управленческой деятельности является развитие/деградация социального агрегата. Применительно к российскому обществу, из возможных альтернатив больше соответствует определение «деградация». В период с 1990 по 2020 гг. Россия потеряла в результате превышения смертности над рождаемостью 14 236 905 человек. Исходя из вышеописанной ситуации, очевидной становится необходимость инвестирования в здоровье населения на всех уровнях: от финансирования медицины, пропаганды здорового образа жизни до ликвидации унижающей человека бедности, особенно в свете того, что 95% смертей являются следствием антропогенных факторов (болезни системы кровообращения, онкология, смерть в результате внешних причин, самоубийства, убийства) и не являются следствием чисто биологических причин. В 2018 г. в России, по данным Росстата, в течение одного дня умирало около 5000 чел., из них только 250 чел. умирали с диагнозом «старость», т. е. вследствие естественных биологических причин. В заключение сошлюсь на поэму А. Вознесенского¹, который следующим образом решает вопрос о том, в каком прогрессе нуждается человек: *«Все прогрессы – реакционны, если рушится человек. Не купить нас холодной игрушкой, механическим соловейчиком! В жизни главное – человечность – хорошо ль вам? красиво? грустно?»* (1964 г.).

Библиографический список

1. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор // Сочинения. Т. 5. М.: Академия наук СССР, 1953. 1046 с.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. М.: «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.

¹ Русская поэзия 1960-х годов. Андрей Вознесенский. Оза. Тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы. Поэма // URL: <https://ruthenia.ru/60s/vozn/ahilles/oza.htm> (дата обращения: 24.11.2019).

5. Фурманов К. К., Чернышёва И. К. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения как источник данных о смертности: возможности и ограничения // Демоскоп Weekly. 2013. № 567–568. URL: www.demoscope.ru/weekly/2013/0567/analit04.php (дата обращения 15.07.2021).

Статья поступила 23.07.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронин Геннадий Леонидович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.744

Mortality as a Social Problem: 2001–2017

Gennady L. Voronin

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: voroningl@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0258-6394

For citation: Voronin G. L. Mortality as a social problem: 2001–2017. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 189–208. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.744

Abstract. The article presents a sociological analysis of the mortality rate of the population of post-Soviet Russia. The socio-demographic characteristics of respondents who passed away due to diseases of the circulatory system, respiratory system, cancer, suicide, homicide, external causes and due to the old age are analyzed. Statistical data of Rosstat (2018) and sociological databases of RLMS-HSE (2001–2017) are used as an empirical basis, the results of the analysis are consistent. In the conditions of Russia's depopulation, not only the health of an individual is important, but also the health of the nation as a whole. As the analysis reveals, only 5% of the population of modern Russia die of old age, while 95% of deaths are a consequence of social factors. In the opinion of the author the reasons for this situation are the optimization of the Russian health care system, the "modernization" of the economy, a dangerous ecological situation, degradation of the institutions of family and marriage, of the educational institutions, unemployment, low incomes of the population, etc. The article analyses the social factors affecting the causes of death of men and women, socio-demographic portraits of the deceased are given. The author demonstrates the unfolding demographic catastrophe of modern Russia – a decrease in the birth rate and an increase in mortality, that will inevitably be followed by an economic collapse and social chaos. The analyzed problem is not unique and characteristic only for Russia. This catastrophe looms over the countries of Eastern Europe and the Baltic states.

The data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey by the National Research University Higher School of Economics and Demoscope LLC with the participation of the Population Center of the University of North Carolina (Chapel Hill) and the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow) was used as an empirical sociological basis for the study.

Keywords: welfare state, population decline, social justice, Rosstat, National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE), demography, fertility and mortality, marriages and divorces, murders and suicides, causes of death

References

1. Darwin C. The Origin of Man and Sexual Selection. Works. Vol. 5. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1953: 1046 (in Russ.).

2. Durkheim E. Suicide: Sociological study / Transl. from French with edits; ed. by V. A. Bazarov. Moscow, Mysl', 1994: 399 (in Russ.).
3. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / Ed. by A. B. Gofman. Moscow, Kanon, 1995: 352 (in Russ.).
4. Durkheim E. Elementary forms of religious life: a totemic system in Australia. / Transl. from French by A. Appolonov, T. Kotelnikova, ed. by A. Appolonov. Moscow, "Delo" RANHiGS, 2018: 736 (in Russ.).
5. Furmanov K. K., Chernysheva I. K. Russian economic and health monitoring as a source of data on mortality: opportunities and limitations. *Demoscope Weekly*. 2013: 567–568. Accessed 15.07.2021. URL: www.demoscope.ru/weekly/2013/0567/analit04.php (in Russ.)

The article was submitted on: July 23. 2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gennady L. Voronin, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;
Professor of the Department of Sociology and Social Work,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдинов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>